

ПОЗДРАВЛЯЕМ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ЖЕНСКИМ ДНЕМ
8 МАРТА!



Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал. №

2
1970

РАБОТНИЦА



И еще два дня

Фото Н. МАТОРИНА.

Один рабочий день. Много это или мало? Если говорить об одном человеке, может, не так уж и много. Ткачиха соткет за смену 15 метров сукна, маляр окрасит одну комнату. Но как весомы, емки, щедры окажутся те же 8 часов, если это рабочий день не одного человека, а целой страны. Полотнища ситцев, рулоны бумаги, тысячи оживших, затикавших часов, тысячи квартир и даже домов влезут в него.

А если таких рабочих дней не один, а целых два? Вот почему так значителен и важен почин, с которым выступили в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина ткачи бригады Юрия Кочеткова с Купавинской тонкосуконной фабрики и ивановская ткачиха Лидия Омельченко. Они обязались каждый месяц выполнять задание еще двух рабочих смен. Работая с наивысшей производительностью труда и максимальной экономией сырья, они как бы обгоняют время ежемесячно на два дня.

У купавинских ткачих, у Л. Омельченко тысячи последователей.

На снимке: инициатор соревнования бригада Ю. Кочеткова с Купавинской тонкосуконной фабрики имени Акимова. Слева направо — Нина Маркелова, Юрий Кочетков, Лидия Шевченко, Тамара Санкина и Екатерина Лиценкова.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» • ФЕВРАЛЬ 1970

ИДЕИ ЖИВЫЕ, ВЕЧНЫЕ



Они сидели в кремлевском кабинете Ленина и говорили неторопливо, горячо, заинтересованно, говорили, будто продолжали давнюю и долгую беседу.

Была осень 1920 года. Клара Цеткин приехала в Москву по партийным делам и накануне присутствовала на одном заседании, где Владимир Ильич, как и во время их давней встречи в Штутгарте, на конгрессе II Интернационала, поразил ее страстностью в сочетании с железным самообладанием и необыкновенной внутренней собранностью.

Сегодня они говорили о женском движении: по поручению Коминтерна Цеткин предстояло возглавить международный женский секретариат, и мнение Ленина было для нее важно до чрезвычайности. Она уже не раз высказывала свое восхищение русскими женщинами, сделавшими так много для победы революции и для того, чтобы защитить ее завоевания. А женщин-большевиц она считала самой ценной, обученной и испытанной силой международного коммунистического женского движения. И сейчас она сказала об этом Ленину.

«Это верно... — заметил Владимир Ильич. — В Петрограде, здесь, в Москве, в городах и промышленных центрах, расположенных в отдаленных от них местах, пролетарки держались во время революции великолепно, без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы...».

И о женщинах-коммунистках Ленин говорил очень похвально: надежные, умные, неутомимо деятельные; работают днем и ночью либо в партии, либо среди пролетарской и крестьянской массы, либо в Красной Армии.

Кларе важно было услышать мнение Владимира Ильича по тем вопросам, которыми заняты ее товарищи — немецкие коммунистки, и она рассказывала об всем в подробностях, которые ей самой казались потом малозначущими, несущественными. А Ленин слушал внимательно, без малейших признаков скуки, нетерпения или усталости, и было видно по его живому лицу, что одобряет он, чему радуется, а чему готов дать бой.

«Недурно, совсем недурно», — отозвался Владимир Ильич, выслушав рассказ Цеткин о том, как немецкие коммунисты вовлекают в революционную борьбу женщин-работниц. Но по главным ли направлениям ведется работа среди женщин? Сосредоточены ли их интересы, их активность на политических требованиях момента?

Как остро поставил он этот последний вопрос! И не случайно. Владимиру Ильичу стало известно, что на вечерах чтения и дискуссиях, которые организуются в Германии для работниц, обсуждаются в основном вопросы пола и брака.

«Скажите, пожалуйста, — возмущался Владимир Ильич, — время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем,

как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания... Сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы... В порядок дня германского пролетариата история ставит по-прежнему вопрос о Советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате и многом другом». Высказав все это, Владимир Ильич бросил Цеткин строгий упрек: как может она мириться с таким способом «просвещения» работниц?!

Тогда-то, обсуждая с Цеткин, какой должна быть работа в широких женских массах, Владимир Ильич высказал положения, на которые будут потом ориентироваться коммунисты и которые составляют суть марксистско-ленинского учения о раскрепощении женщин.

«Истинное освобождение женщины возможно только через коммунизм», — сказал Ленин. Он считал раскрепощение женщин составной частью общепролетарского дела, дела социалистической революции, и неразрывно связывал женский вопрос с вопросом о движущих силах революции, с ее победой.

«Мы не можем осуществлять пролетарскую диктатуру без миллионов женщин», — сказал Ленин, — мы не можем вести без них коммунистическое строительство».

Мы выдвигаем требования в пользу женщин, сказал Ленин, и они, эти требования, «практически вытекают из факта жгучей нужды и постыдных унижений, которые переносит слабая и бесправная при буржуазном строе женщина. Мы свидетельствуем этим, что знаем эти нужды, чувствуем и угнетение женщины, чувствуем привилегированное положение мужчин и ненавидим — да, ненавидим и хотим устранить все то, что гнет и мучит работницу, жену рабочего, крестьянку, жену маленького человека и даже, во многих отношениях, женщину из состоятельного класса».

В партийных документах, в ленинских томах мы найдем многие свидетельства того, как последовательно решала ленинская партия извечный женский вопрос. Самая первая программа только что созданной в России революционной марксистской партии — уже она содержала пункты, касающиеся равноправия женщин, охраны их труда, специальных мер охраны материнства и детства. Программа предусматривала, что в условиях, когда победит революция, женщина будет иметь равные с мужчиной политические права, демократические свободы, восьмичасовой рабочий день, право на образование, отдых, страхование...

Владимир Ильич Ленин ставил эти задачи в один ряд с такими программными требованиями, как установление «самодержавия народа», уничтожение сословий, и другими равными им по важности. Он считал, что «не может быть социали-

стического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия». Ленинская партия несла революционные идеи в среду работниц и крестьянок и находила горячий отклик.

В первой русской революции 1905 года в рядах бастующих, на баррикадах классовых боев было немало отважных пролетарок. О мужестве двух девушек с Пресни, которые шли с красным знаменем впереди демонстрации рабочих и не дрогнули перед казаками, с восхищением писал Ленин в своей статье «Уроки московского восстания».

По свидетельству Клары Цеткин именно «под влиянием великого революционного движения 1905 года в царской России» вторая международная конференция социалисток, собравшаяся в Копенгагене в 1910 году, постановила каждый год во всех странах проводить День международной солидарности трудящихся женщин.

В нынешнем году женщины мира отмечают свой Международный день в шестидесятый раз, а первыми его провели труженицы Германии, Австрии, Швейцарии и Дании. Их лозунг: «Избирательные права работницам; объединение сил в борьбе за социализм».

В России день 8 Марта отметили первыми работницы Петербурга. Это было в 1913 году: революционные настроения, приглушенные было реакцией после поражения первой русской революции, захватывали все более широкие массы, и женщин-пролетарок в том числе.

Прошел этот день не стихийно, его активно готовили большевики: Петербургский комитет РСДРП создал специальную комиссию, выпустил листовку с призывом устраивать митинги и собрания; «Правда» открыла раздел «Женский день и работница» и в самый канун 8 Марта напечатала приветствие работницам от большевиков — депутатов Государственной думы.

Собрание женщин состоялось в зале Калашниковой биржи под видом «научного утра по женскому вопросу».

Два Международных женских дня в России занимают в нашей памяти место особое: 8 Марта 1914 и 1917 годов. Напомним о них для наших новых читателей, для молодых.

1914. Питерские большевики решили отметить женский день более широко, чем в предыдущем году. Собрания предполагалось провести в десяти местах. Но многие активнейшие большевички накануне были арестованы. Утро 8 Марта они встретили в камерах-одиночках пением «Интернационала» и «Варшавянки». Попали в тюрьму не одни организаторы собраний и докладчицы, но и члены редакционной коллегии только что созданного по инициативе Ленина женского журнала «Работница». И все-таки этот день в Питере, в Москве, в Саратове, Иваново-Вознесенске и в других городах был отмечен крупными митингами и демонстрациями. Появился на свет и первый номер «Работницы».

1917. Демонстрациями и митингами работниц, вышедших 8 Марта (23 февраля) на улицы Петрограда с плакатами: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой преступное самодержавное правительство!», — началась Февральская революция...

И еще один отмеченный особой памятью Международный женский день. Ровно пятьдесят лет назад, к 8 Марта 1920 года, Владимир Ильич Ленин написал свою статью «К международному дню работниц».

Уже тогда Республика Советов, просуществовавшая немногим более двух лет, «смела, — по выражению Ленина, — все без изъятия законодательные следы неравенства женщины». «Новый, невиданно-могучий толчок женскому рабочему движению, — писал в той же статье Владимир Ильич, — неизбежно связан поэтому с основанием (и упрочением) первой Советской республики...»

Июнь 1969 года. В актовом зале Смольного, шумно и разноязыко перекликаясь, рассаживаются по рядам женщины. На этой — строгий жакет, на той — яркий наряд из нейлона или облегающее фигуру блестящее сари; у одних — обычная короткая прическа, другие — гордо, словно короны, несут на головах пышные тюрбаны...

Эта разноликая аудитория — делегатки Всемирного женского конгресса в Хельсинки, приглашенные потом в нашу страну и совершившие путешествие по ленинским местам. В Смольном они только что пережили незабываемое: были в квартире Ленина. Изумлялись, шикали друг на друга, не доверяли переводчикам и без конца их о чем-то переспрашивали — и вот все еще никак не уляжется это волнение, а надо начинать...

Начиналась лекция — специально для них, делегатов, — «Ленин и решение женского вопроса в СССР». И новая шумная волна прокатилась по залу, и заплескались в аплодисментах ладони, когда появился докладчик — профессор, доктор исторических наук Татьяна Юльевна Бурмистрова.

Она говорила о вещах, нам хорошо известных и для нас

обычных: о том, что сама она лишь одна из пятидесяти тысяч женщин-ученых, о 880 тысячах женщин — депутатов Советов, о женщинах-лауреатах и Героях Труда, — и аудитория то намертво затихала, то как-то подспудно гудела (опять, опять переспросы у переводчиков: так ли?), то снова захлебывалась аплодисментами.

За пять десятилетий, истекших с тех пор, когда В. И. Ленин беседовал с Klarой Цеткин о работе в женских массах, произошли глубокие изменения во взглядах на женщину, на ее положение в обществе. И в этом сказались огромная притягательная сила примера социалистических стран, где женщине гарантировано полное равноправие.

Есть такие цифры: между 1910 годом, когда проходила женская конференция в Копенгагене, и 1917-м лишь три страны — Дания, Норвегия и Исландия — предоставили женщинам избирательные права. Октябрьская революция подтолкнула к такому решению многие правительства, в том числе американское, английское, канадское, и к началу второй мировой войны избирательным правом пользовались женщины двадцати с лишним стран. Сегодня политические права по закону получили женщины более ста двадцати государств. Тридцать два из них — государства Африки.

Но закон о равенстве еще не само равенство. В ноябре 1967 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций по инициативе Советского Союза и других социалистических стран приняла Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Авторитетная международная организация вынуждена была признать, что, несмотря на Устав ООН, провозгласивший равноправие женщин, и ряд других документов по этому вопросу, дискриминация женщин в капиталистических и зависимых странах продолжает существовать, являясь «несправедливостью в своей основе, представляя собой преступление против человеческого достоинства».

К сожалению, оно продолжается и сейчас, после принятия Декларации ООН, — это преступление, которое нельзя ничем оправдать.

Англия. Здесь только одна из каждых десяти работающих женщин (а их девять миллионов, 34 процента всей рабочей силы в стране), только одна из десяти получает равную с мужчинами оплату за свой труд.

ФРГ. За одинаковую работу мужчина получает плату на 31 процент выше, чем женщина.

Япония, Бразилия, Эквадор... Заработная плата женщин в этих странах составляет меньше половины заработка рабочего-мужчины.

Франция. Квалифицированные женщины составляют здесь всего 16 процентов от всех работающих женщин.

Италия. В профтехшколах и техникумах девушки составляют лишь 20 процентов учащихся.

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин писал: «...втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин». Сегодня в политику уже втянуты миллионные женские массы: и те, что на огромной части планеты строят и укрепляют социализм, и борцы из неисчислимых отрядов антиимпериалистического фронта — борцы против засилья монополий и против агрессии во Вьетнаме, в Лаосе, на арабских землях, против возрождающегося в Европе фашизма, против расистских и диктаторских режимов. В политику втянуты миллионы африканок и женщин Азии — и тех стран, из которых колонизаторы изгнаны, и тех, где свобода еще добывается в боях. В политику втянуты миллионы участниц международного демократического женского движения, охватившего все страны земли.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся весной прошлого года в Москве, высоко оценило самоотверженное участие женщин в классовых боях, в национально-освободительной борьбе, в антиимпериалистическом движении, в отстаивании мира. В документах, принятых Совещанием, определено и твердо сказано, что коммунистические партии решительно поддерживают справедливые требования женщин и «рассматривают эмансипацию женщин как важный элемент общего демократического движения».

На своем Шестом конгрессе в июне прошлого года Международная демократическая федерация женщин решила широко отметить ленинский юбилей.

Идеи Ленина оказывают все более глубокое воздействие на развитие современного мира, на судьбу народов.

Живое, реальное воплощение этих идей — успехи социализма, выросшего, как подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, «в самую влиятельную силу исторического развития, в гигантский ускоритель социального прогресса».

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Т. РЯБИКИНА

НАЗОВУ ДОЧКУ ЗОЕЙ...



Срочный вызов. З. П. Титова готова в путь. На снимке внизу — лейтенант медицинской службы Зоя Титова (1942 г.).

Фото И. Константинова.



...Он постанывал едва слышно, сквозь зубы. И когда Зоя проходила мимо, цепко ловил ее глазами, пытался приподнять уголки стиснутых губ в улыбке. Улыбка получалась виноватая, беспомощная, детская. И хотя лейтенант был ее ровесником, может, даже чуточку постарше, Зою захлестывала острая материнская жалость.

— Потерпи, родной. Все будет в порядке. Ведь уже полегче, правда? — тихо говорила она привычные, обязательные, но будто бы для каждого раненого вновь отыскиваемые слова.

Зоя понимала, что каждому в этом поезде, отмеченном огромными красными крестами, переполненном болью, стонами, тяжелыми запахами крови, курева и мужского пота, каждому в этом поезде хочется, чтобы его непременно выделили, заметили, отличили среди других. Чтобы сестра задержалась именно около него, именно ему последний раз поправила повязку теплыми руками.

Индивидуальный подход... Прописная истина, которой учили ее там, в мирной жизни, в фельдшерско-акушерской школе. Сейчас вспоминаешь бессонные ночи у постели рожениц как что-то очень светлое, очень далекое.

— Потерпи, родной. Одесса совсем рядом. Каких-нибудь десять километров.

Она говорила неправду: не десять оставалось — сто. Но лейтенант не мог приподняться и глянуть в окно, он с жадной готовностью верил ей. И все силился улыбнуться. И все не отпускал ее глазами, как будто бы та незримая нить, что существовала между ними, и была для него нитью жизни.

Зоя знала, что он коренной одессит, что в Одессе осталась у него жена, ждет малыша. Когда лейтенанта втащили в вагон, кругом грохотало, едкий дым стлался вдоль полотна: фронт был рядом, поезд методично бомбили (разве остановят профессиональных убийц огромные красные кресты на крышах вагонов!). И в этом аду туго пе-

репеленатый окровавленными бинтами лейтенант ликовал, что ему так редко можно позволить: санитарный поезд идет в его родную Одессу.

— Сестра! Сестричка! Где ты там? — И грубо, и ласково, и нетерпеливо, и просительно; кому воды, кому душно, у кого рана открылась, кому солнце бьет в глаза.

Она должна успеть всюду, всем помочь, всех успокоить, а под веками словно раскаленный песок от бессонницы.

Лейтенант не доехал до Одессы шести километров.

Зоя убежала в тамбур и ревела там чуть ли не в голос. А комиссар поезда Иван Иванович Устинок жестко кричал на нее, что она не имеет права, что она позорит звание, что она комсомолка и так далее.

В Одессе к дверям вагона пробилась невысокая женщина, коротко стриженная, с тонкими щипаными бровками и тронутыми помадой припухшими губами. Не хотела, видеть, показаться мужу подурневшей. Совсем еще девочка! Только Зоя зорким взглядом акушерки прикинула, что осталось месяца три, от силы три с половиной. Потом станет это лицо сразу повзрослевшим, словно осветится изнутри... А отец никогда не узнает, дочка у него или сын...

— Ты уже дома? Здравствуй!

— Привет, мам! Пол вон вымыла.

Про институт дочь помалкивала, и у Зои Прохоровны сжалось сердце: значит, Люда не прошла. Вернулась ни с чем.

Зоя Прохоровна сбросила у порога туфли, присела на стул, пошевелила гудящими от усталости ступнями. Возраст, ничего не попишешь. Бывало, пробежаться от деревни к деревне — пустяк: после войны какой уж транспорт для акушерки! А деревень за ней было семь, рожали тогда многие по домам, и ей, столько навидавшейся за войну, хотелось во что бы то ни стало сохранить, взлелеять каждую новую жизнь.

Вот и бегала. И в распутицу, и в метель, и по льду через вспухшую речонку переправлялась, и на велосипеде гоняла по проселкам...

Выходит, не добрала Люда очков.

— Может, в другой попробуешь, а? Не клином свет сошелся на медицинском.

Дочка догладила платье, нырнула в него, одернула коротенькую юбку и словно бы невзначай задержалась взглядом в зеркале.

— Ма, ты снова. Валерке, небось, не говорила.

Так то Валерка! Ее старшенький. Ребята у нее подрастали лесенкой, пятеро, друг за другом. Душа изоболится, пока на вызове (это иной раз сутки, а иной и побольше). Муж тоже на работе, и у механизаторов не всегда смена отмерена.

Но как немного подрос Валерка, сразу полегчало. И воды принесет, и за печкой присмотрит, и младшим найдет занятие. Соседки удивлялись: «И как ты, Зоя, с такой оравой. У тебя, видно, бог детей гадует¹». Ни дня не отгуляла сверх положенного.

Когда Валерий решил идти в медицинский, она обрадовалась: серьезный он, вдумчивый. А у Люды совсем другой характер — легкая, в школьной самостоятельности заводилой была, у мальчишек успех. Почему она выбрала медицину? Может, просто по инерции, вслед за матерью и братом? Красиво звучит — династия медиков Титовых.

— А я, мам, уже у Николая Николаевича была.

— У главврача?

— Да. Прямо из города к вам в больницу. Согласен взять санитаркой.

Да разве просто — санитаркой? Дома иной раз пол не соберутся вымыть, ждут, пока напомнишь. А рядом с матерью работать еще сложнее: каждый может материным примером укорить, всякое лыко в строку поставить.

¹ Гадувать — нянчить, выхаживать (бел.).

Стало в Ямницкой участковой больнице две Титовых — акушерка и санитарка.

Сначала к Люде присматривались настроенно. Потом привыкли, стали понемногу и подхваливать — старательная, быстрая, веселая. А что веселая, между прочим, немаловажно: точно свежий ветер ворвется в палату, отвлечет человека от унылых мыслей, от бесконечного прислушивания к своей болезни.

— Мам, а у Н. очень серьезно?

— Да. Нензлечимо.

— Не может быть!

Расширенные от возмущения глаза наливаются слезами. Быстрее что-то делать, искать, придумывать, бороться! Не всегда, девочка, такое в наших силах. Только лучше не привыкай к этой постной, покорной житейской мудрости. Верь, что победить все-таки можно. До последнего верь!

И когда Зоя Прохорова обнимала дочку за худые вздрагивающие плечи, успокаивала ее, она вспомнила ярко те шесть километров, оставшихся до Одессы.

— Да, и такое у тебя будет, если уж выбрала медицину. Труднее работы нет. И лучше нет.

Ей хотелось назвать дочери прочитанные в газете цифры: за годы Советской власти средняя продолжительность жизни человека выросла у нас с 30 лет до 70, а детская смертность сократилась в 10 раз. Но она не назвала их: во-первых, понимала, полностью на свой счет медицина отнеси их не имеет права — сама жизнь совсем другой стала, работа изменилась, быт, культура. А во-вторых, цифры прозвучат отвлеченно: они пока не подтверждены собственной Людиной практикой, не наполнены своим, личным смыслом.

Вот для нее сопоставление этих цифр говорит о многом. Скачок между ними — на ее памяти.

Родилась она здесь же, неподалеку от Могилева, в деревне с невеселым названием Гольнец, 1 января 1919 года — в один день с Советской Белоруссией. Совпадение, конечно, случайное, но и знаменательное: судьбы их, республики и Зои, сплетены неразрывно.

Босоное, полуголодное детство. Куча братишек и сестреночек, которых она как старшая обязана была «гадувать». Школа. Комсомол. Мечта выучиться на медика.

Нашей стране нужна была целая армия людей в белых халатах, самоотверженных, не боящихся работы обыденной, черновой. Они должны были не только лечить, но и поднимать общую культуру.

Бывало, надо делать прививку малышу, а мать защищает его, словно тигрица. Зачем, мол, здорового колоть? Нас вон никто не колот, а выросли. Спросишь: сколько же было у матери? И почти всегда слышишь в ответ: двух либо трех «бог прибрал».

А чего стоило приучить мамаш выносить ребят на улицу? Качается себе ребенок в люльке, воздух в избе застойный, спертый, — обойдется, дескать, зато младенец от «плохого глаза» укрыт.

А режим беременной? Ей через месяц-другой рожать, а она ворочает ведерные чугуны для скотины, по воду бежит, муж и не догадается помочь. А гигиена? Случалось, придешь принимать роды, быстрее зашучиваешь рукава, принимаешься кипятить белье, скоблить стол, перемывать лавки, окна, посуду...

Только-только стала налаживаться, выравниваться жизнь, а тут война...

Когда Зоя вернулась в родные места, первые послевоенные роды ей приходилось принимать и в землянках и в наскоро приспособленных под жилье сараях. Фельдшерско-акушерский пункт располагался в комнатке с подслеповатым оконцем, которую сельсовет снимал у ворчливой, не переносившей многолюдья старухи. Тут у них интересы с Зоей расходились совершенно: Зоя как раз изо всех сил воевала за многолюдье, за то, чтобы женщины захаживали к ней и «без причины», на профилактический осмотр.

Отговорок целый воз: и работы по горло, и семья, и жалоб, дескать, нет. А проверишь — или воспаление, или эрозия, нужно немедленно лечиться.

Вот уже много лет у Зои Прохоровны как закон: ранней весной обязательно должны побывать в гинекологическом кабинете все женщины. Подчеркиваю — все. Сама не выберешь минутку, тебе напомнят один раз, другой, а потом за тобой придут или приедут. И если когда-то Зоя Прохорова выявляла за такой осмотр до ста серьезных заболеваний, то теперь — три-четыре случая, не больше.

Я была у Зои Прохоровны как раз в те дни, когда сессия Верховного Совета СССР обсуждала проект Основ законодательства о здравоохранении. На столе лежала «Правда» с тщательно подчеркнутыми строчками: «Долгом гражданина является бережное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих». Значит, Зоя Прохорова уже взяла это на вооружение: попробуй не приди лечиться — ты же не выполняешь свой долг гражданина!

Процедуры, наблюдения за беременными, посещение после родов... Забот хватает. Сейчас Зоя Прохорова работает в участковой больнице, выстроенной 10 лет назад неподалеку от Гольнца. Это уж не та комнатка, с которой начинали в трудные послевоенные годы. Квалифицированные врачи и медсестры, рентген, электрокардиограф, физиотерапевтический кабинет, хорошо оборудованная лаборатория... Бесспорно, стало легче и ставить диагноз и лечить. Легче? Нет, пожалуй, все-таки не подходит это слово для профессии медика. Самые совершенные приборы, самые чудодейственные лекарства не заменяют главного — внимания к каждому больному, деятельного сострадания, доброты. Они необходимы медику так же, как, к примеру, математику — железная логика, а художнику — талант видеть мир по-своему.

Недаром же на сессии Верховного Совета знаменитый хирург Н. М. Амосов предложил: освободить от лечебной практики плохих работников — неквалифицированных, невнимательных, грубых. Пусть не дискредитируют высокое звание советского медика.

...Я сижу в педиатрическом кабинете больницы. Здесь прием уже закончен, а в соседнем, у Зои Прохоровны, слышны голоса. Вот раздраженный, настойчивый:

— Куда мне? Известно, как жизнь сложится.

А вот спокойный, по-матерински мягкий: — Потом себе не простишь. А если совсем ребят не будет?

Мне как-то не по себе, словно подслушиваю невольню чужие тайны... Яркие игрушки в стеклянном шкафу. Образцы ребячьих распашонок и ползунков. Графики режима для 3 месяцев, 6 месяцев, 1 года. Беззубо смеется с плаката гражданин месяца двух от роду.

Крутятся в памяти строчки Риммы Казаковой:

«...поймете, какой ценой,
все муки снося покорно,
рожаем вам пацанов,
горяченьких,
как поковка!»

Признайтесь честно: помните ли вы лицо, имя человека, принявшего вашего «горяченького» сына или дочку? Если горюжанка, то вряд ли помните.

А вот в деревне по-иному. Тут акушерку знают все.

В местной школе сообщили мне интересный факт. Садись за парты первачки 47-го, 48-го годов рождения. Учительница знакомилась с классом:

— Тебя как зовут?

— Зоя.

— А тебя?

— Петя.

— А тебя?

— Зоя.

Несколько Зой в одном классе! А имя, между прочим, для этих мест нераспространенное. Назвали девчонок в честь принявшей их акушерки, в честь уважаемого всеми колхозного партийного секретаря.

...Наконец, Зоя Прохорова освободилась. Идем к автобусной остановке. Зоя Прохорова оскальзывается на припорошенной снежком тропинке, жалуется сама на себя:

— Тихо не умею. А ведь мерцательную аритмию признали. В санаторий ездила, первый раз в жизни. Обычно как? К отпуску самую тяжелую домашнюю работу уготовишь. То картошка, то стронлиня.

А сама все бежит, плотная, статная, розовощекая. И когда я нарочно приотстаю, оборачивается вроде бы с удивлением:

— Разве быстро? А и правда, до автобуса еще — сейчас гляну — двадцать минут. Вот и в санатории, выйдем гулять, я и припущу. Хохохот: к роженице никак бежишь?

Дом Титовых — просторный, кирпичный — встречает нас переливчатыми звуками баяна.

— Завтра зачет, — кивает Зоя Прохорова на дверь. — Саша культпросветучилище в Могилеве кончает.

И тут же, между делом, переобуваясь, переодеваясь в байковый халат, повторяет тихоноcko вслед за баяном сложные переливы этюда. Очень точно, до малейших оттенков.

Прибежала младшая, Галка:

— Здравствуй! Мам, мы завтра в город едем.. Я пионерскую форму постираю.

— Сейчас Саша по воду сходит.

Я думала, Саша не слышит. Но он окончил свой этюд и тут же вышел в кухню. Однако мать все-таки укорила: «А сам принеги не догадался».

— Посмотрите пока, — придвинула мне обычное для гостя развлечение — альбом с фотографиями.

Юные лица. Подружки Люды, подружки Тамары, приятели Саши, Валерий с милой, большеглазой женой. А вот смотрит со снимка круглолицая, светлоглазая девушка. Зоя. Лейтенант медицинской службы. Комсорг большого военного госпиталя в Москве.

— Предлагали остаться. Но тут-то я нужнее, тут-то разруха была...

Она не говорит высоких слов — «профессиональный долг», «служение народу», «партийная совесть»... А я держу в руках снимок, за которым незримо стоят все эти большие, чеканные слова: февраль 1969 года, Николай Викторович Подгорный вручает акушерке Зое Прохоровне Титовой звезду Героя Социалистического Труда.

Могилевская область.



ВСТРЕТИШЬ МЕНЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Г. КОРНИЛОВА

В этом городе не так легко найти друга. Предположим, я сворачиваю с улицы Горького под арку гостиницы «Минск» и шагаю по Дегтярному переулку, разглядывая по пути заборчиками дворянские особняки прошлого столетия. А моя девушка — светловолосая, сероглазая, с длинными загорелыми ногами, Наташа или, может быть, Маргарита — поднимается в это время по эскалатору и выходит из метро на станции «Стадион Динамо».

Из-за этих неувязок в моей жизни происходят такие, например, события. Часов в девять вечера я останавливаюсь посреди аллея Парка культуры имени Горького рядом со скамейкой, на которой сидит сероглазая незнакомка.

— Добрый вечер! — с легкой иронией

говорю я ей и жду, когда она встанет, взмахнет ресницами и пойдет прочь, презирая меня прямой спиной и узкими плечиками. Но она не встает и не презирает, а дарит мне улыбку итальянской кинозвезды и начинает:

— Добрый вечер. Место, между прочим, не занято.

Между прочим, поймите меня правильно. Я ищу совсем другое. Великую любовь на всю жизнь и даже, может быть, за гробом.

И если хотите знать, такое иногда случается. Встречается в нашей жизни. По-русски мы говорим про это «судьба». Но что-то есть, я сужу об этом по себе самому. И просто нужно не терять надежду и верить, что это тебя ждет впереди. Совсем близко, может быть, даже на следующем

перекрестке. Хотя я, например, встретил ее не на перекрестке. И не в аллее под зеленым деревом. Где? В нашем магазине «Мясо-молоко», в двух шагах от моего дома. Довольно удивительно, и я до сих пор все еще удивляюсь.

Иногда после работы я захожу в наше «Мясо-молоко». Кефир там, или двести граммов «Российского», или пельмени для большей скорости. Вот так однажды я замечаю там новую кассиршу в косыночке. Задумчивая, худенькая и при этом поразительно знакомая. И потом сразу же догадываюсь: Валька из нашего старого дома на Арбате. Смешная была такая, задиристая девчонка. Можно сказать, мы вместе росли, в одном дворе.

Я наклоняюсь в окошко, громко говорю:
— Рубль пять в молочный отдел.

И ей шепотом:

— Валька! Что же ты такую профессию выбрала?

А она высовывает голову из-за кассы, удивляется, а потом тихо мне:

— А что ты вообще знаешь о моей профессии? — И громче: — Гражданин, забери-те сдачу. Следующий!

Еще через день, выбив за триста граммов «Любительской», я ей сказал:

— В семь тридцать у «Патриота».

Она взглянула на меня, сузив глаза, и тряхнула головой, как испанка на сеvilьском балконе. Большая чудачка, если она думала, что я приглашаю ее, как Ромео Джульетту. Я ее приглашал как друга детства, интересно все-таки узнать, в какую сторону пошла ее жизнь.

Отказ ее сердца мне не разбил, и в субботу, разобравшись слегка в ее графике, я опять говорю:

— Завтра в одиннадцать ноль-ноль на месте будущего памятника генералу Карбышеву.

— В одиннадцать сорок пять, — категорично отвечает Валька из-за кассы. И опять: — Следующий!

В воскресенье в одиннадцать сорок пять я стою на бульваре и изучаю плакат насчет любви к молодым насаждениям и вдруг вижу: идет она по дорожке мимо этих самых насаждений совершенно современная. Синяя юбка над коленями, туфли на широком каблуке, и прическа и все прочее — такое, как нужно. Потом Валька подходит ближе, и я замечаю: чем-то она даже напоминает Мою девушку. Ростом, может быть, она не вышла, а так довольно похоже. И все это довольно странно, потому что ведь Вальку эту я знаю с самого раннего детства.

— Ну, Валька, — говорю я, — ты все-таки здорово изменилась за пять лет.

— Четыре года, — отвечает она, — вы уехали в шестьдесят четвертом.

— Надо же! — удивляюсь я. — За четыре года ты так изменилась. — И веду разговор дальше: — Ну, а как вообще делишки? Как зарплата, мальчишки? Что видела в кино?

Она поднимает голову, разглядывает меня внимательно, как картину, потом говорит, вроде бы скучая:

— Да так. Вот работаю и учусь. В заочном экономическом. Но ты, Толя, по-моему, взял не тот тон. Перестройся, пожалуйста.

Я немного опешил, но сразу же многое про эту Вальку вспомнил. Например, как ее раньше побавлялись мальчишки. Она им говорила в лицо много неприятных вещей. Или просто дралась. И тогда почему-то справиться с ней никто не мог.

Но я все-таки слегка перестроился и сказал вот что:

— В общем, я очень рад тебя видеть, Валентина. Такое вдруг чувство, что встре-

Журналистка Галина Корнилова (очерки ее публиковались и в журнале «Работница») начала писать свои рассказы, накопив уже не малый жизненный опыт, познакомившись с судьбами многих советских людей разных профессий.

Зоркость взгляда молодой писательницы, ее умение находить точное слово, душевно раскрывать характеры полюбившихся персонажей отметил еще в начале шестидесятых годов писатель К. Г. Паустовский, прочитавший первые рассказы Г. Корниловой. Все это присуще и публикуемым здесь рассказам. Их герои жизнелюбивы, стремятся от всего сердца помогать людям.

Рассказы «Встретишь меня на перекрестке» и «Снега» войдут в сборник «Большие дома» — первую кни-



гу рассказов Г. Корниловой. Ее выпустит в свет издательство «Советский писатель» в середине текущего года.

В. КАТИНОВ

тился сам с собой. Я теперешний — с прежним.

Она кивнула и снова внимательно так на меня смотрит. Потом говорит:

— А я там, у нас на Арбате, давно уже не была. Все собираюсь. Вот так же поехать и встретиться сама с собой. А почему-то всегда некогда. Сто лет собираюсь.

Но я как раз тоже собирался туда ровно сто лет. Все-таки родные места, картинки детства. И каждый раз обнаруживались самые неотложные дела. Я ее спрашиваю:

— Поедем?

И вижу: она обрадовалась. У нее оказалась застенчивая такая, милая улыбка.

И вот мы сидим с ней в троллейбусе друг против друга и глядим в окно на прекрасную погоду. Длинный, похожий на гусеницу троллейбус ползет себе, не спеша, по Хорошевскому шоссе. Торопиться ему некуда. Мы тоже особенно не торопимся, сидим и разговариваем о разных событиях. Погода прекрасная, но грустные вещи тоже встречаются на каждом шагу. Кто-то из нашего дома умер, из кого-то совсем ничего не получилось.

На остановках входят в троллейбус молодые ребята и все сначала смотрят на Вальку. Чего-то они в ней замечают. Она и правда ничего, симпатичная, и характер в ней тоже чувствуется.

Чтобы ее подразнить, я спрашиваю:

— А почему ты, Валька, вечно дралась с мальчишками? Не стыдно?

Она отвечает очень серьезно:

— Не стыдно. Потому что они всегда обижали маленьких. Разве ты не помнишь? Благородства в них не хватало, в твоих мальчишках.

Она действительно ничего такого не помню. Что касается меня, то я, кажется, никого особенно не обижал, но и ко мне Валька относилась так себе.

Она отворачивает голову к окну, нахмурив брови, разглядывает зеленый самосвал, идущий вровень с нашим троллейбусом. Потом говорит довольно равнодушно:

— Ты — это другое дело. В детстве я была в тебя влюблена. Да, вот представь себе. И так себя вела, наверное, от досады. Хотя сейчас, конечно, все это просто смешно.

Может быть, ей смешно, но я сижу немного растерянный и от полной неожиданности задаю довольно глупый вопрос:

— А что же теперь? Кончилась твоя детская любовь?

— Да, — задумчиво отвечает Валька. — Кончилась. Детство кончилось, и любовь тоже.

— И я уже стал не таким? — спрашиваю я неизвестно для чего.

— Все ведь стало не таким. Вот здесь, помнишь, ничего ведь не было. Мы ездили сюда купаться. Был берег и наверху деревня. А теперь такой город. И Арбат наш тоже стал совсем другим.

Это я вижу и сам, сразу, как только с Суворовского бульвара мы выходим с ней на Арбатскую площадь. Мы медленно идем в толпе, оглябем потом угол, на котором ресторан «Прага», и здесь я вдруг останавливаюсь как вкопанный и стою, забыв обо всем. Идти дальше мне мешает острая тоска, пароксизм одиночества, смятение, застигшее меня вдруг, врасплох, здесь, на таком знакомом перекрестке.

Как объяснить это? Мальчишкой я шагал по этим мостовым, ясно ощущая блистающее впереди будущее. Переулки провожали меня, убегали вперед, как стая верных гончих. Штандартами развевались над крышами облака, и водосточные трубы трубили победные марши. Там, за невысокими домами, дожидались меня победы, успехи,

разные необыкновенные подвиги. И вот я снова пришел сюда, стою на углу, но никаких особенных побед и подвигов за мной не числится. Нету подо мной белого коня, на котором я должен был проскакать по улице моего детства.

Так, тоскуя неизвестно о чем, я стоял у края тротуара, среди задевающих меня прохожих и вдруг почувствовал, как мою ладонь крепко охватила Валькина рука. Я обернулся и за своим плечом увидел ее лицо. И опять мне открылось в нем совсем новое, то, чего я еще не заметил. Стоял рядом со мной добрый, надежный человек, друг, которого я искал так долго. «Очарованный уличным криком, я бежал за случайным лицом...»

А в это время в нашем дворе подрастают такие девчонки. Но, может быть, еще и белый конь отыщется где-то в моей жизни?

В общем, можно все-таки считать, что Вальку я встретил здесь, на арбатском перекрестке. Ну да, нас было двое. Держась теперь за руки, как школьники на экскурсии или как влюбленные, мы двинулись вперед. А что эта улица тем, кто зашел сюда просто так, по дороге в магазин «Авторучка» или за билетами в кинотеатр «Наука и знание»? Это только для нас здесь все особенное и нигде в другом месте такого нет и не будет.

В ту вон подворотню я в пятом классе и в шестом ходил на музыку. Мука это была, а не музыка. Однажды на коньках я прицепился к легкой машине, и она вынесла меня из переулка вот сюда, на Арбат. И тут, на самой середине, я упал среди машин и отчаянно заорал... А дальше наш «Зоомагазин». До сих пор я помню, почему там черепахи, кролики и зеленые попугаи-неразлучники. А дальше...

Дальше мы заворачиваем за угол, и у меня слегка щемит сердце. Я все это знал и проезжал здесь, но сердце все-таки щемит. Ничего нет. Нет нашей Собачьей площадки, нашего дома, наших деревьев. Сплошной высокий забор, и только поодаль в целостности и сохранности стоит крохотная знаковая церквушка.

— Ну вот, — не очень весело говорю я, — храм Симеона Столпника. А бога на свете нет.

— Не знаю, не знаю, — лукаво щурится Валька, — разные случаи бывают на свете.

— Не разводи религиозную пропаганду! — изо всех сил кричу я, потому что за забором что-то сильно грохает и небо наверху завалакивается желтой пылью.

У самого забора кто-то приладил узкую самодельную скамеечку. Мы подходим и садимся на нее, упираясь спинами в ребристые доски. Позади нас, за забором, не умолкает скрежет и грохот, а мы сидим и молчим. Я молчу, и она тоже, но при этом я знаю: она все понимает, с ней легко и спокойно, с ней очень здорово, и я только удивляюсь, с чего это у меня такой вдруг праздник.

Вокруг здесь, конечно, все очень изменилось. Но все-таки сам я остался таким, каким и был. Я это чувствую очень хорошо и меняться ни в какую сторону уже не хочу.

Потом я опять беру Валькину руку, и мы переходим на другую, тихую сторону Арбата. Там, в переулках уже осень. Машут желтыми кулачками заросли золотых шаров, пылают и выцветают во дворах кусты сирени. И сами старые дома тоже выцветают, жмутся близко один к другому, сбиваются в такое тихое деревянное стадо.

А мы все ходим и ходим по улицам, и я слышу, как где-то над нами все время играет негромкая замечательная музыка.



СНЕ

Ей всегда очень нравились кольца, перстни различные. В буфете, на верхней полке, в жестяной коробочке с розовыми цветами, у нее хранилось их немало — с крупными камнями, с мелкими и простые, с одним только узором. Она их часто меняла. Полностью сначала одно, сменит, а иногда надевает сразу два, на безымянный и средний, и это тоже получалось красиво. Росту она совсем небольшого — на улице всегда меньше всех встречных, заметно горбатая, но ведь руки-то у нее точно такие, как у других. И не просто как у других, а с длинными, узкими пальцами, нежными овальными ногтями, словно по происхождению она какая-нибудь аристократка.

Почему-то часто думают, будто все горбатые — злые. Но это совсем неверно. Например, она вовсе не злая. Наоборот, характер у нее веселый и добрый, и это сразу видно во всем. Еще в ранней своей молодости она примирилась с тем, что в ней уродство, отличающее от других, и что многое для нее закрыто навсегда. Потом уже постепенно, поплавав и пострадав, она все-таки поняла, что остается с ней еще очень многое. И только упаси боже озлиться, оторваться совсем от других и все только жаловаться себе самой и людям.

Что еще ей особенно нравилось и бередило душу до тихой печали, — это дни, когда определялась самая ранняя весна: Когда над снегами, еще крепкими, с утра начинало гореть солнце. Она тогда спозаранку, до работы, до полного света, одевалась тепло, выносила на крыльцо табурет и сидела в тишине, замечала, как по-другому уже пахнет все вокруг, смотрела, как иным делается небо и февральский снег утренним цветом заметно отличается от январского. Для других, может быть, еще рано было заметить, а она уже все слышала особенно сильно, угадывала все перемены и радовалась так, словно шла большие праздники. В такие дни она затевала уборку, белила кухню, двигала взад-вперед мебель, чтобы выглядело все в доме по-новому. Как-то раз соседка ее, счетовод Алек-



Рисунки О. ВУКОЛОВА

сандра Петровна, глядя, как неистово хлопчет она по дому, сказала:

— Ты, Лиза, ведь молодая еще, силы у тебя есть. Ты бы решилась, взяла в детдоме сироту и растила как своего. И тебе будет хорошо, и ему все лучше, чем в детдоме без отца-матери.

Но она все-таки не решилась. Выходило, что здесь прав у нее таких не было — брать сироту. Ну, вот она возьмет, будет растить, привяжется, а он потом станет побольше и застыдится, что мать такая, с горбом.

У нее есть своя родная племянница Женечка, дочь умершего давно старшего брата. Та вот, правда, ничуть не стыдится, любит ее, но все-таки она Женечке всего-то тетка. Женя живет с матерью в Москве, второй год уже студентка и сюда приезжает часто на каникулы, ходит по лесу на лыжах, подруг своих имеет. И получается так, что она Жене тоже вроде подружки, потому что ей племянница рассказывает свои переживания и мысли, про которые мать, может, даже совсем ничего не знает. Женя-то и привозит каждый раз в подарок колечко новое и еще какого-нибудь печенья московского к чаю и здесь в тишине отдыхает от московского шума и от своей учебы.

Женин приезд среди зимы — уже самая большая радость, больше, кажется, ничего и не нужно. Она принаровилась и отпуск свой для этого берет каждый раз зимой. И тогда уже дом звенит весь от радостных хлопот. Заранее она думает, что такого сварить, чтобы Жене повкусней, и пока Женя ходит лыжницей по лесу, все печет и жарит. Успевает она за это время и пошить что-нибудь племяннице — халатик или сарафан на лето, и получается так, что все обязательно выходит Жене к лицу. А еще заведена у них такая привычка: напьются вечером чаю с вареньем, сядут вместе на кровать высокую, среди подушек, и начинают душевный разговор. Женя больше про подруг своих, про институт, а она Жене часто про ее отца, которого дочь едва

помнила. Про то, как жили они детьми в этом вот самом доме.

Вот так сидели они вечером перед самым Жениным отъездом, разговаривали, опершись спинами о коврик, где нарисован был олень с ветвистыми рогами, и Женя вдруг спросила:

— А чего бы ты, Лиза, захотела, если бы сказали тебе вдруг: выбирай, чего захочешь?

И тут же Женя сама смутилась этих своих слов, потому что сразу догадалась, чего бы Лиза выбрала, что ж тут особенно спрашивать. И сразу после этого скорее перевела разговор на себя. Она сделалась задумчивой, тихой и задушевно так сказала:

— Я бы выбрала вот что: пусть меня любят все люди. Просто чтобы я им нравилась, чтобы они замечали меня.

В Женином голосе даже тогда тоска слышалась ей, печаль какая-то.

В воскресенье, проводив Женю, она долго еще стояла на пустой ветреной платформе, грустя о племяннице и не очень желая возвратиться домой. Потом пошла, а по дороге на ходу перебирала все недавние дни один за другим, а скоро вспомнила и тот вечерний, странный их разговор. Женя от рождения была такая, что ей хотелось много чего и каждый раз по-разному. Но чтобы человека все кругом любили, это ведь редко когда бывает.

Она шла по Вокзальной улице, держась ближе к заборам, где снег был побольше утопан, и оставляла на нем мелкие детские следы. На том углу, где близко к тротуару стояла промтоварная палатка, ее вдруг окликнула продавщица Катя Волкова. Она свернула и подошла к самому прилавку, став так, чтобы не мешать покупателям смотреть на промтовары. Она начала рассказывать Кате про Женю, про Женин институт и про то еще, что можно купить в московских магазинах. Потом Катя протянула над прилавком крупный розовый кулак и высypала ей в ладоши твердые, хорошо прожаренные семечки.

Но не успела она отойти совсем от палатки, как на той стороне замахала ей рукой бабушка Митрофановых. Узвзанная от мороза в толстую клетчатую шаль, бабушка Митрофанова кричала через улицу сильным еще, громким голосом:

— Лиза! Зайди-ка к вечеру. Марью будем пробовать. Хотели за тобой Зинку посылать.

Означало это, однако, вот что: два дня назад Митрофановы прирезали свою, хорошо известную всем, свинью Машку, и теперь вот бабушка переводила ее на студень.

Она закивала, замахала ответно рукой и, когда пошла дальше, думала уже не про Женю, а о том, как хорошо относится к ней все Митрофановы и Катя Волкова тоже. Катя часто вечерами забегает к ней домой или на почту советоваться о жизни, насчет разных трудных случаев, которые у Кати получаются из-за ее неустойчивого характера. Она подумала также о других своих соседях и о девчонках у себя на почте, о Степане Степановиче, вокзальном кассире, суровом старике, который каждый раз выходил из своей комнаты-кассы, чтобы поздороваться с ней и поговорить. Она подумала и о других знакомых ей людях, которые звали ее каждый раз на именины или свадьбу и ходили к ней в дом, когда она лежала больная. И получилось у нее неожиданно так, что очень многие люди вокруг вроде бы любили ее, Лизу. Так вдруг у нее вышло, и она в растерянности и радости остановилась посреди дороги.

Она обернулась назад и посмотрела вокруг себя, словно увидела свою улицу и

город в самый первый раз. Город весь лежал в снегах. Снега, как река в половодье, затопили все кругом, до самого горизонта, текли куда-то вдаль, в поля, и от этого была сейчас во всем особенная красота. В садах, которые лежали тихие и качали на ветках белые хлопья, и в домах, где на крышах будто сушили пышные, мягкие перины, и в самих людях, потому что на снегу хорошо заметна была их воскresная, наряднее, чем в простой день, одежда. И многие прохжие здоровались с ней, махая издали руками.

«А за что же? — в волнении вспоминала она. — Разве чего-нибудь такого хорошего я делала людям?»

А отгадка была совсем простой: сердце ее было повернуто навстречу всем им, и радости их чужие и печали были для нее как свои.

«А Женя-то, — думала она растроганно, — такая молодая и поняла, как нужно человеку, чтобы его любили».

Она была уже почти у своего дома, шла к крыльцу и тут ясно вспомнила Женино лицо, грустное и мечтательное, в тот последний вечер. И, уже поднявшись совсем по ступеням, угадала в Жене то, чего она раньше не поняла. Ушла куда-то радость ее недавняя и гордость, и Лиза словно оступилась с чего-то высокого чуть вниз. Ведь Женя-то сказала эти свои слова, думая совсем о другом. Об одном-единственном человеке она думала, который бы заметил ее и полюбил. О ком-то одном грустила и мечтала в тот вечер, как о чуде, Женя, хоть говорила вот про это.

Она отомкнула свою дверь и постояла в комнате не раздеваясь, не вспоминая, какие у нее накопились дела и за что нужно приняться. Розовое ее с мороза лицо в сумерках постепенно бледнело, гасло.

Еще через день она задержалась к вечеру у себя на почте и, когда ушел домой начальник Владимир Афанасьевич и девочки, Шура и Вера, села к окну писать письмо.

«Здравствуй, дорогая Женечка, — писала она. — Как ты уехала, никаких у нас новостей, конечно, не случилось. Пришла сегодня на почту Снегирева Клава, принесла твою книжку. Думала я еще здесь, какой окраски шерсть взять тебе на кофту — розовой или голубой. Голубая, она все-таки больше тебе пойдет к лицу. Вязка будет крупной петлей, как ты видела на Зине Митрофановой. Степан Степанович, который на вокзале продает билеты, сказал, как ты еще выросла и лицом похорошела, а больше пойдешь все-таки в отца. И соседка наша Александра Петровна тоже тебя хвалит».

Еще я хотела сказать тебе, что пошло варенье из рябины, для молодых оно очень полезно, про это написано было в газете.

Кляняйся также своей маме Валентине Алексеевне.

Твоя тетя Елизавета».

Выразить в письме свои чувства она не очень умела. Не знала, как нужно писать, чтобы живая ее боль и радости дошли в конверте до другого человека. Но пока она писала, она чувствовала другое — узкую ладошку Жени в своей руке. Она знала, что все люди, если живут они рядом, если нет меж ними вражды, то словно касаются один другого ладонями и чувствуют чужую жизнь.

Когда же письмо было окончено, она заклеила конверт, и еще долго сидела и глядела в окно, ни о чем уже особенно не думая. А там, за окном, делалось что-то совсем уж необыкновенное. Снег в сумерках загорелся легким лиловым пламенем, оно осветило двор и поднялось к небу, уже темному, но тоже сияющему мягким, едва заметным светом.



На снимке — уфимцы (слева направо): технолог В. Васильева, работницы И. Зайтова, Р. Синяевская.

Шестая бригада берет интервью

Вот какое письмо принесла однажды почта:

«Дорогая редакция! Пишут тебе работницы раскройного цеха уфимской швейной фирмы «Мир». Уже год, как у нас по методу Калининской швейной фабрики введены комплексные универсальные бригады «кубы», как мы их называем. С введением этих «кубов» работа в цехе не ладится. Что-то здесь мы переняли не так. Нам бы очень хотелось, чтоб на калининскую фабрику вместе с технологами поехал в командировку и кто-нибудь из рабочих нашей бригады. Мы бы поговорили с калининцами, поработали вместе с ними — и все ценное потом применили бы у себя.

Работницы комплексной универсальной бригады № 6 Зайтова, Борисенкова и другие».

Получив это письмо, мы позвонили директору уфимской швейной фирмы «Мир» Александру Яковлевичу Могутову.

— Сейчас как раз комплектуем бригаду для поездки в Калинин за опытом, — сказал он. — И раз есть такое предложение, обязательно включим в ее состав работниц.

...Просторный цех калининской швейной фабрики. На больших, длинных столах настланы в 20 слоев ткани для будущих пальто и курток. Еще минута — и опытная рука направит передвижной нож по прочерченной мелом линии. Но сейчас временная передышка, пересменок. И вот прямо у раскройных столов и происходит своеобразное интервью.

Уфимцы — работницы закройного цеха Илия Сахаутдиновна Зайтова, Раиса Павловна Синяевская и технолог Валентина Сергеевна Васильева — задают вопросы.

Калининцы — вся комплексная универсальная бригада: бригадир Антонина Ивановна Афанасьева и работницы Татьяна Болотина, Валентина Полякова, Евгения Юрочкина, Валентина Ермакова и Дина Воронова — отвечают и тут же показывают, убеждают на деле в преимуществах своего опыта.

ВОПРОС УФИМЦЕВ. Как вы работали прежде, до организации комплексной универсальной бригады, и как работаете теперь?

ОТВЕТ КАЛИНИНЦЕВ. Конечно, и прежде мы понимали, как много зависит от нашей работы. Не зря, наверное, про брак у нас говорят: «зарезать изделие». Но прежде все мы — настильщицы, резальщицы и закройщицы-обмеловщицы — работали отдельно, каждый делал только свою операцию и отвечал только за нее. Настильщицы расстилали полотна тканей на раскройных столах. А резальщицы, даже если были свободны в это время, им не помогали. Сидят, ждут, пока им настелют. Если встречается текстильный порок, брак — дыра или утолщение нитей, — этот кусок полотна отрезается: он будет раскраиваться

отдельно. Но весь вопрос в том, какого размера кусок отрезать. Прежде, когда настильщица в дальнейшей работе не участвовала, она нередко отрезала кусок какой попало, и не то чтобы по безответственности или равнодушию, но часто просто по незнанию: она не могла быстро, на глазок прикинуть, а что из этого куска может выйти. За смену вырастали целые горы этих вырезанных полотен с браком, которые надо было кроить отдельно. Обмеловщицам приходилось, теряя часы, ломать голову над каждым куском, и все равно много кусков шло в отходы: иные были так отрезаны, что ничего из этого полотна не выкроишь — взрослое пальто не проходит, детское не шьют из такой ткани.

Теперь в комплексной универсальной бригаде у нас нет разделения на отдельные профессии. Шесть членов бригады в равной мере овладели всеми операциями: все настаивают, все умеют разрезать, все раскраивают полотна. Что это дает? Прежде чем отрезать кусок с браком, мы тут же сообща прикидываем, какого размера он должен быть, чтоб при последующем раскрое из него вышло целое изделие, а дефект оказался между лекалами. Полотно с браком теперь отрезаны, что называется, «с умом», на их раскрой уходит меньше времени, остатков, непригодных к раскрою, почти не стало. Все идет в дело, и это, конечно, дает большую экономию. Если все же случится у нас какая промашка, мы все коллективно отвечаем за каждую ошибку и уж в следующий раз ее не допустим.

ВОПРОС УФИМЦЕВ. Что дала комплексная бригада?

ОТВЕТ КАЛИНИНЦЕВ.

Татьяна Николаевна Шарова, инженер производственного отдела калининской фабрики:

— Производительность труда в раскройном цехе повысилась на четырнадцать процентов. Нерациональные остатки ткани сократились в десять раз. С той же площади, с тех же шести столов, мы стали получать больше кроя. Теперь раскройный цех никогда не задерживает пошивочный.

Антонина Ивановна Афанасьева, бригадир калининцев:

— Это все верно — цифры, подсчеты. Но если от души сказать, то почувствовали мы себя ответственными работниками. Теперь хоть и настаиваешь — не только руками работаешь, а все время умом раскидываешь. А раз у человека работа умственная, ему работать интереснее. Так что мы своей комплексной бригадой очень довольны.

ВОПРОС УФИМЦЕВ. Понятно теперь, почему у нас дело не ладится. От комплексной бригады мы переняли только название, а внутри все осталось, как было. По-прежнему каждый выполняет только свою работу, разряды разные, а заработок приходится делить поровну. Чтоб овладеть смежной

профессией, надо время. А как это сделать, работая?

ОТВЕЧАЮТ КАЛИНИНЦЫ.

Начальник раскройного цеха Зоя Сергеевна Урывова:

— Чтоб каждая работница, кроме старой профессии, овладела еще двумя, мы по очереди освобождали их от своей работы, прикрепляли на обучение к самым опытным. При этом платили мастеру за обучение. В первый переходный период, один-два месяца, мы доплачивали рабочим комплексных бригад до средне-сдельного заработка, давая им возможность набрать темп, мастерство, сноровку. Мы считали нужным пойти на эти расходы, зная, что впоследствии они окупятся с лихвой за счет экономии ткани и повышения производительности труда. Так и произошло. В комплексные бригады сразу вошли люди, владеющие тремя специальностями, и потому бригады эти прижились и хорошо работают. Кстати, ведь мы сами переняли этот метод у других фабрик — московской «Большевички» и Можайской. Туда выезжали наши делегации, смотрели, учились. Бригадиром первой комплексной как раз и поставили раскройщицу Кальвову, которая ездила на другие передовые фирмы набирать опыта.

Комплексные бригады у нас многое решают сами. Что это значит? Если возьмут в бригаду новенькую — скажем, кто-то уехал в другой город, — то этой новенькой фабрика три месяца платит ученические, а бригада сама решает, какой процент новенькой платить от бригадного заработка: 10 процентов или 30 — в зависимости от старания, от успеха. И знаете, так горячо это обсуждают, чувствуют свою ответственность и за человека и за дело.

* * *

...Короткое письмо в редакцию работниц бригады № 6.

Письмо такого содержания не единственное в почте рабочего отдела журнала: работницы все больше интересуются опытом других предприятий, внедрением новшеств.

Вот что сказала на прощание уфимская работница Илия Зайтова:

— Когда меня провозжали, вся наша бригада говорила: «Уж ты там тщательно посмотри, изучи, потом нам расскажешь». И я действительно увидела много интересного — и в Калинин и на московской фабрике «Салют». Теперь мы сами убедились, что комплексные бригады — дело и вправду хорошее. У нас оно потому не удалось, что опыт надо перенимать полностью, а не частично, тщательно его изучать. Инструкций тут мало, нужен рабочий глаз. Вернусь — обойду все бригады, расскажу, как здесь в комплексных дружно дело идет. Надеюсь, что мы теперь так же ответственно научимся работать.



Г. МЕЛИХОВ. НА РОДНОЙ УКРАИНЕ.

Свою картину художник Г. С. Мелихов назвал «На родной Украине». Но ее также можно было бы назвать и «Началось!».

Началось массовое изгнание с родной земли гитлеровских головорезов, начался крах и развал фашистского рейха. Это ведь 1943 год...

Позади — Сталинградская битва, во время которой фашистской армии был нанесен сокрушительный удар, битва на Курской земле. Вот они, вызволенные из неволи украинские села. Пепелища и руины. Больно

смотреть на тех, кто перенес кровавое время оккупации. Но каким счастьем светятся их глаза: «Пришли, родимые... Наконец-то!»

Напьется солдат, обнимет на прощание незнакомую женщину, как родную мать, и уйдет дальше, на запад, бить врага. Но еще долго будет смотреть вслед женщина и шептать: «Сынки, родные сынки. Пусть минет вас вражья пуля...»

Мы знаем: он дошел до Берлина, солдат Советской Армии. Разбил фашизм, принес свободу не только своей

стране, но и всей Европе. Двадцать пять лет назад, в победные майские дни 1945 года, Рабоче-Крестьянской Красной Армии шел всего 28-й год. В нынешнем феврале ей исполнилось 52. Советская Армия возмужала, стала еще более могучей. Но по-прежнему, как и полвека назад, осталась рабоче-крестьянской, плоть от плоти, кровь от крови народа армией, какой родилась в огне социалистической революции, какой создала ее партия и Ленин.

А. ГЛАЗОВ

НОВЫЕ адреса в КОМИ



Маркшейдер нефтяной шахты Алла Кольцова.



г. Ухта ночью.

Зверовод Эмма Пашина.



Вдоль Северного Урала, в поросших мхами пихтовых зарослях, в таежных болотах, где на огромную глубину промерзла земля, лежит Коми край. Когда-то гербом его столицы Сыктывкара был спящий в берлоге медведь.

А вот что писали в газетах о старой Ухте: «Город этот совершенно оторван от промышленных центров и от культурной жизни вообще... Народонаселения нет кругом на сотни верст. Лишь болота, непроходимый лес да речки. Ближайшее почтово-телеграфное отделение в 240 верстах, да и некому туда адресовать».

Каким же стал он сегодня, Коми край?



Л. Н. Новоселова.

* * *

Качаюсь в вертолете, как в люлке. Скоро Вуктыл — поселок буровиков, монтажников, строителей. Не ищите его на карте: не успели нанести.

Рядом со мной сидит укутанная в теплый платок секретарь Ухтинского горкома партии Людмила Николаевна Новоселова. Смотрит в иллюминатор, задумалась. Наверное, вспоминает, как начинался самый северный газопровод, который носит название «Сияние Севера». Еще в 30-е годы две женщины — геологи Т. А. Добролюбова и Е. Д. Сошкина, — проведя съемку района, предсказали, что здесь, на берегах Печоры, должен быть большой газ.

Людмила тогда была еще девочкой. В Ухту приехала из глухой деревушки. Деревянная, невзрачная Ухта показалась ей большим городом. Здесь уже бурили первые нефтяные скважины, геологи говорили об огромных богатствах края, а местные девочки и мальчишки мечтали отвоевать эти богатства у земли, готовились поступать в техникумы и институты. Конечно же, Людмила решила пойти в нефтяной.

Когда я увидела Ухту, то восприняла как должное ее заводы и фабрики, ее широкие улицы с многоэтажными зданиями и магазинами, квартиры с горячей водой, ваннами и телефонами. Надо родиться в Коми, чтобы так же остро, как Новоселова, ощущать: за такой короткий срок Ухта стала нефтяной столицей края, а сам край — одним из богатейших в стране.

«Город вырос на моих глазах, он помолодел, а я постарела», — чуточку грустно говорила мне Новоселова, когда мы ходили по Ухте. Но молодость у некоторых счастливых натур не временное понятие, а свойство души. Людмила Николаевна не

теряет способности радостно и свежо воспринимать все новое, что происходит на ее родине.

При ней здесь были открыты десятки месторождений газа, но о новом, Вуктыльском, она говорила как о чуде. Одно из крупнейших в стране месторождений газа.

— Смотрите! — На правом берегу Печоры показались буровые. Людмила Николаевна оторвалась от иллюминатора: подлетаем...

Перескакивая с кочки на кочку, мы шли вдоль огромной трубы газопровода, который начинался здесь, у буровых Вуктыла. Чтобы проложить его, строители прорубили просеку и вырыли траншею длиной в тысячу километров. Трубы укладывали небывалого диаметра — 122 сантиметра.

«Сияние Севера» — только один из участков самой крупной в мире системы газопроводов. Он уже соединил Вуктыл с Ухтой и Рыбинском. Скоро газ Заполярья получит Череповецкий металлургический комбинат. От Грязовца печорский газ пойдет в Торжок и на берега Невы, в Ленинград.

— Сейчас строители возводят компрессорные станции — всего их будет десять, — без них газопровод не сможет работать на полную мощность, — объясняла Новоселова. — Хотите посмотреть одну из таких станций?

На «газике» мы добирались к островку в тайге, где, прижавшись друг к другу, стояли вагончики.

В здании компрессорной станции шла сборка турбин. Людмила Николаевна спрашивала рабочих, вовремя ли подвозят продукты, есть ли на стройке парикмахерская, привозят ли кинофильмы. Забот много. Надо проложить дорогу, переселить людей в дома — обжить тайгу.

Скоро вдоль трассы «Сияние Севера» встанут новые поселки, появятся новые адреса¹.

* * *

Еще в поезде Москва — Воркута я познакомилась с сухонькой, бойкой старушкой. Она угощала всех дынями и рассказывала о том, что не досидела отпуск на Украине, соскучилась по дому. «Бог с ними, с фруктами! У нас в тайге сейчас ягод и грибов полно». Старушка доказывала всем, что у них в Яриге можно отдохнуть ничуть не хуже, чем на юге. Выходя, она сунула мне бумажку с адресом: 1-я нефтешахта, ул. Космонавтов, дом 56, Алевтина Андреевна Тимакова.

Нефтешахта? Странно: когда говорят о добыче нефти, сразу представляешь вышки, скважины, а тут шахта!

Людмила Николаевна Новоселова, когда я показала ей адрес Тимаковой, сразу же предложила поехать в Яригу, на эти единственные в стране нефтяные шахты. Нефть здесь особая, тяжелая, а давление в пласте низкое, поэтому нефть через скважину на

¹ Когда очерк был сдан в набор, стало известно, что первая очередь трассы Вуктыл — Ухта — Рыбинск — Торжок длиной более 1500 километров вошла в строй действующих. Газ поступает на предприятия Ухты, на Череповецкий металлургический завод и в Европейскую систему газовых магистралей. Укладывается в землю вторая нитка трубопровода.

поверхность вырваться не может. Вот и построили шахты.

Алевтина Андреевна — она гардеробщица на шахте — выдала нам полную шахтерскую амуницию. Пока мы натягивали громоздкие сапоги, тяжелые брезентовые костюмы, прилаживали самоспасатели и каски, Алевтина Андреевна вздыхала:

— Была бы сила, пошла бы и я с вами в шахту. Соскучилась о ней, о голубушке. Сколько лет оператором работала, нефть качала. Во время войны мы ее в блокадный Ленинград отправляли. Много тогда женщин на шахте было. А потом вывели нас на поверхность, сказали — не женский труд. Вот теперь состою в гардеробщицах. Зато сын мой бурильщиком работает...

Клеть скользнула вниз. Но нам еще предстояло долго спускаться пешком по штреку под нефтяной пласт.

На песчаных стенках проступают черные пятна нефти. Ноги вязнут в липкой, тяжелой массе. Я уже запыхалась, а Людмила Николаевна идет бодро, легко.

— Видите трубы в стене? — поднимая лампочку, спрашивает она. — Это скважины. Здесь их бурят в пласте снизу вверх.

Густая, как пovidло, нефть за счет собственной тяжести сползала по этим трубам и плюхалась вниз. Водяной ручей подхватывал нефть и уносил в «ловушки».

Из яригской нефти делают ценнейшие масла. Они не замерзают при температуре — 70°. На севере этим маслом смазывают механизмы, моторы кораблей и самолетов. Тяжелую нефть используют для получения лако-битумов и очень прочного асфальта, который не боится ни жары, ни холода.

— Какие интересные нововведения в шахте! — повернувшись ко мне, говорит Людмила Николаевна. — Нефть начали нагревать паром. От этого она становится более подвижной и менее вязкой, скорее идет по трубам.

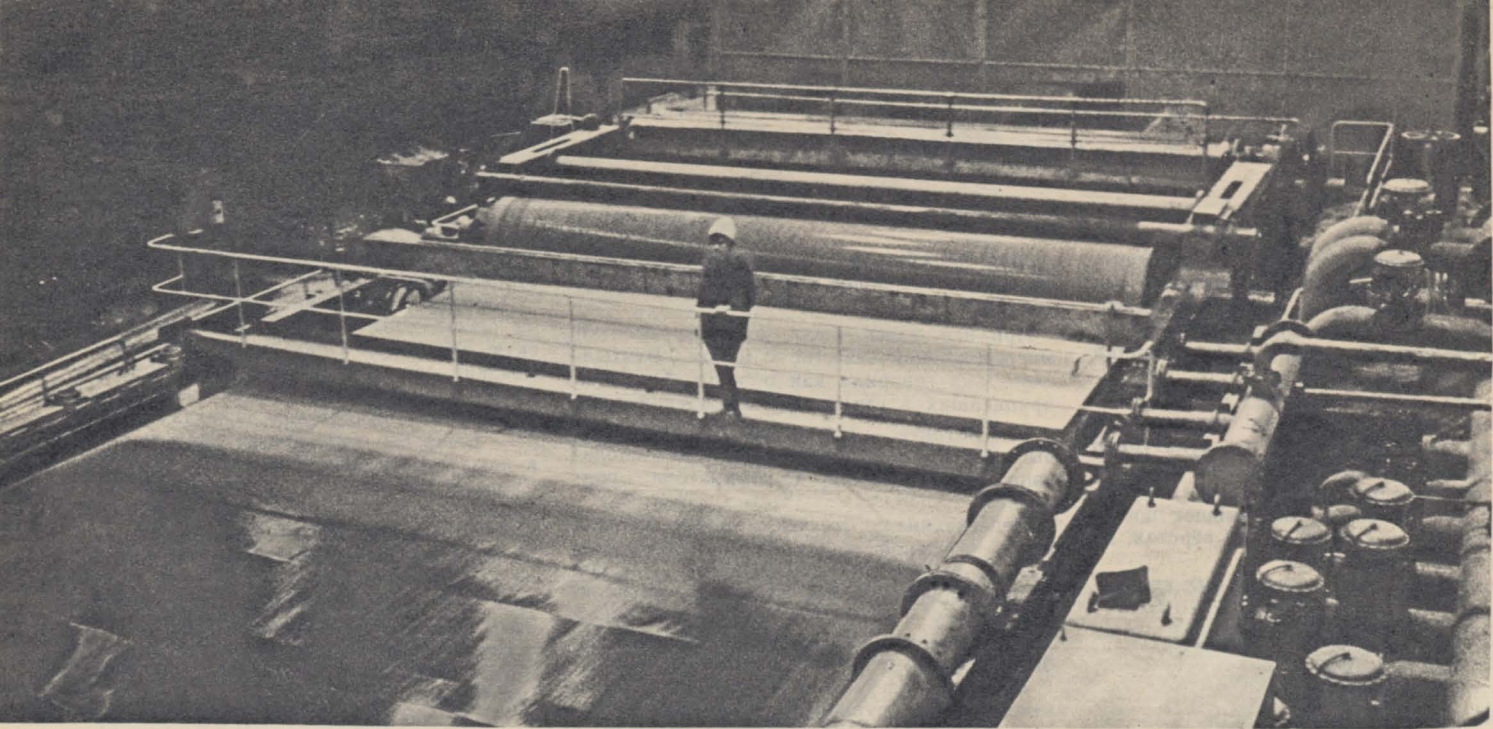
На поверхность мы поднялись поздно вечером и отправились пить чай к Алевтине Андреевне, в ее новую, двухкомнатную квартиру.

* * *

Я стояла на краю леса. Тревожно пахло сырой землей, грибами, смолой. В кустах блестели влажные капли смородины. А рядом с замшелыми деревьями, прямо у столетних скрюченных корней, начинался асфальт. Фонари, как на московских улицах, бассейн и кинотеатр, новенькая больница и музыкальная школа.

Стараюсь и не могу представить глухомань, что была на берегах Вычегды каких-нибудь 10 лет назад... А вот как это выглядело! Заблудились в низинке последние из могиан — четыре кривобокие избушки. Находились, знают — скоро снесут. Лучше бы оставили: рядом с ними как-то особенно победно выглядит светлая Эжва! Здесь, на месте бывшей деревни в несколько дворов, живут 30 тысяч человек. Они приехали сюда со всех концов страны, осушили Комариные болота и построили один из крупнейших в стране лесопромышленный комплекс, или, как его сокращенно называют, ЛПК.

ЛПК будет выпускать картон для упаковки молока, творога и других продуктов, мелованную и газетную бумагу. Кстати, мелованную бумагу будут делать не



Вот такая это громадина — картоноделательная машина.

как обычно, из ценного строевого леса, а из самой что ни на есть бросовой древесины, которую раньше просто сжигали. Будут выпускать и фанеру. Художники и химики сделают ее внешне похожей на дуб или красное дерево.

Не пропадут и отходы. На гидролизном заводе из опилок приготовят кормовые дрожжи и ценный химический полуфабрикат фурфурол. Кора сгорит в топках теплоэлектроцентрали. Горбыль и обрезки отправят на завод древесностружечных плит.

Мне показали замечательную картоноделательную машину, которая дала уже первую продукцию. Машина эта, длиной в 254 метра, с широкими, точно иллюминаторы, смотровыми окнами, напоминает двухпалубный теплоход. Рядом с машиной ходила строгая — не подступишься — начальник смены Нина Кечаева. Рассказывала Нина о своей работе сдержанно, и лишь под конец разговора я поняла, чего стоило ей, молодому инженеру, освоить эту уникальную машину.

— Такую автоматику, — сказала мне Нина, — мы раньше нигде не видели, хотя практику проходили на крупнейших предприятиях. Пока машину собирали, устанавливали и готовили к запуску, я каждую деталь, каждый винтик ощупала, всю конструкцию назубок выучила. Столько за это время нового узнала, словно второй раз институт окончила!

И молодой прессовщице Зое Плохих первое время тоже приходилось нелегко, зато теперь машина ей послушна. Зоя нажала кнопку на пульте управления — и 27-тонный громадный вал первого пресса опустился на мокрую ленту картона. Снизу ленту — ширина ее 6,3 метра — прижал другой вал. Заработал двигатель, и лента помчалась со скоростью 400 метров в секунду. На прощание Зоя подарила мне чуть влажный, теплый кусочек картона. На память о строителях, монтажниках и рабочих, которые вложили в него свою теплоту.

И еще один адрес: берега Ильича и Печоры. Таежное государство. Здесь на территории 700 тысяч гектаров живут медведи, волки, бобры, лоси и птицы. И всего несколько человек, охраняющих заповедную страну и ее обитателей.

Когда наша лодка пристала к высокому берегу, в Якше, «столице заповедника», уже спали. Только на краю поселка сквозь темную завесу деревьев робко просвечивало чье-то окно. Я постучала. Дверь распахнулась, и на пороге появилась статная девушка с длинными, до плеч, светлыми волосами. Девушку звали Люда. А если официально — старший научный сотрудник заповедника, ботаник Людмила Ивановна Турмасова.

Ровно через десять минут мне стало казаться, что я знала Люду всегда. Вот она быстро вытряхнула в миску крупную оранжевую морошку, налила молока, подвинула мне ломоть хлеба. А потом притащила из сеней раскладушку, огромный полшубок, и домик погрузился в густую, мохнатую черноту.

— А не скучно тебе здесь? — спросила я Люду.

— Вечерами одиноко, конечно. — Люда вздохнула. — Здесь ведь все семейные. Ну, ничего, я книги читаю, да и работы много... У нас заповедник редкий, самый большой от Урала до Карпат. Уникальное сочетание сибирской и европейской флоры и фауны. Тайге и давать надо, не только от нее брать. Мы, ботаники, ихтиологи, зоологи, изучаем и сохраняем тайгу.

После университета Люде предлагали в Ростове-на-Дону интересную работу, а она заладила на Печору да на Печору! До сих пор Людина мама не может понять, чего это дочку из таких благодатных краев понесло на Север?.. Ночные шорохи за окном — и негромкий Людин голос:

— Летом, в тайге, я, бывает, неделями человеческого голоса не слышу. Только с транзистором разговариваю. Диктор скажет: «Доброе утро, товарищи», и я ему: «Доброе утро!» Но зато красота вокруг! Красота меня здесь и держит...

На следующий день Люда познакомила меня с зоотехником лосефермы Элей Кудрявцевой. Оказывается, научные работники заповедника первыми в мире сумели одомашнить лосей. Хотя нет, если соблюдать хронологическую точность, здесь решили повторить опыт, поставленный сотни лет назад. На Лене, Ангаре и Енисее сохранились наскальные рисунки, «писанцы» наших далеких предков. На писанцах были изображены лоси. На лосях ехали верхом, в санной упряжке, везли воду.

Ведь лось в тайге, доказывала Эля, что верблюд в пустыне. Во-первых, коров здесь не очень-то разведешь: пастбищ нет. Прессованные брикеты сена приходится везти издалека. Для лосей же корм заготовить не надо, в тайге его всегда много. Во-вторых, лосиное молоко жирнее и полезнее коровьего. А в-третьих, на лосях можно перевозить грузы по болоту и бурелому, где ни одна лошадь не пройдет.

В пять часов вечера Эля подоила лосих, и мы на лодке отправились в «детсад» — к лосяткам. Взрослых лосей ловить нельзя: это очень впечатлительные животные, они могут погибнуть от нервного шока. Зато совсем крошечный лосенок — не старше трех дней от роду — спокойно идет к человеку, охотно пьет молоко из соски, а потом на всю жизнь привязывается к месту, где он вырос.

В «детсаду» не было никакого загона, только маленький домик да кормушки. Раньше Эля, когда ей надо было создать своих питомцев, трубила в охотничий рог, теперь же они, как только услышат тарактеные ее моторки, выходят из зарослей.

Лосята резво трусили за своей «мамкой» к корытцу, куда Эля насыпала мелкую молодую картошку. Потом начался «урок». Эля учила малышей ходить на поводке, приучала к седлу. Надевая на лосят хомут, затягивая подпруги, она то и дело совала им что-нибудь вкусенькое.

— Эля двенадцать лет с малышами возится, — шепнула мне Люда. — Как-то повадился медведь на лосеферму и задрал одного лосенка. Так она несколько дней в засаде сидела, подкараулила медведя и убила. Эля у нас знаменитая охотница. Только не любит об этом рассказывать...

Провожая нас, лосята еще долго тянулись вдоль берега, позванивая колокольчиками.

За рекой, в домах заповедника, зажглись огни. Я подумала о том, какие здесь живут интересные люди.

Впрочем, в Коми интересные люди — везде. Они работают на шахтах, добывают металл будущего — титан, рубят и сплавляют лес, разводят, несмотря на суровый климат, цветы. В Коми теперь есть «кому адресовать», есть где приложить силы, талант и навсегда оставить свое сердце.

АГРЕССОРЫ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Ближний Восток продолжает оставаться горячей точкой планеты. Государство Израиль, занимающее площадь в 20,7 тысячи квадратных километров с населением 2,85 миллиона человек, оккупирует арабскую территорию в 63 тысячи квадратных километров с 1,5 миллиона жителей.

Несмотря на резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, положение на Ближнем Востоке не только не нормализуется, а становится все тревожней, существует реальная опасность, что затянувшийся конфликт перерастет в войну большого масштаба. Не прекращаются провокации Израиля вдоль Суэцкого канала и на реке Иордан; израильские отряды то и дело вторгаются на территорию Ливана, израильская авиация бомбит объекты в глубинных районах ОАР, в каких-нибудь пятнадцати километрах от Каира.

«Ближневосточный кризис, — справедливо пишет лондонская газета «Морнинг стар», — является не конфликтом между арабскими народами и народом Израиля, а результатом империалистических интриг, направленных на подавление освободительного движения арабов с целью защиты интересов нефтяных монополий Запада. При этом главная империалистическая держава, Соединенные Штаты, использует в борьбе против освободительного движения арабских народов, и в первую очередь против наиболее передовой как в экономическом, так и в политическом плане арабской страны — ОАР, сионистских лидеров Израиля».

Совпадение интересов США и Израиля произошло не случайно. Закрепившись в странах Ближнего Востока после первой мировой войны, американские монополии ни за что не желают расстаться с теми поистине баснословными прибылями, которые им приносит эксплуатация ближневосточной нефти и которым угрожает национально-освободительное движение арабских народов. Ведь в ОАР и Сирии национализированы все иностранные предприятия и компании; под контроль государства поставлена значительная часть иностранной собственности в Алжире, Южном Йемене и ряде других стран.

Выступая добровольным сторожем монополистического капитала США, израильское правительство преследует, конечно, и свои собственные выгоды. Тель-Авив давно уже носит с планами создания «великого Израиля». Во имя этой цели Израиль за двадцать лет своего существования провел три войны. Это была война против арабов в 1948—1949 годах, агрессия против Египта в 1956 году и, наконец, агрессия против ОАР, Иордании и Сирии в июне 1967 года.

У агрессии всегда есть оборотная сторона — военизация внутренней жизни страны. Примерно 40 процентов израильского бюджета идет на военные нужды; непрерывная война против арабов обходится Израилю в три миллиона долларов в день. Израиль входит в число государств мира, где существует самое высокое налогообложение. «В новом бюджете, — заявила недавно премьер-министр Израиля Голда Меир, выступая перед еврейскими редак-

торами и издателями из Соединенных Штатов, — на народ Израйля будет возложено тяжелое бремя. Мы воюем, и народ должен нести это бремя».

И все-таки, даже при самом крайнем напряжении своих сил, израильские экстремисты не решились бы столь упорно игнорировать волю Совета Безопасности, противостоять всеобщему требованию прекратить агрессию и возратить арабам оккупированные земли, если бы они не чувствовали за своей спиной поддержку мировых империалистических и сионистских кругов. Прежде всего это американская политическая и финансовая помощь, а также и военная, выражающаяся, в частности, в поставках танков и самолетов «Фантом» вместе со специалистами и даже «добровольцами».

Как заявил американский сенатор Джекоб Джавитс, побывавший недавно в Тель-Авиве, «Соединенные Штаты помогают Израилю уже двадцать лет и будут продолжать делать это». Свою лепту в поддержку Израиля внесла и Англия: стало известно о заключении секретного соглашения о поставке двухсот танков «Центурион», заключена также сделка на поставку боевых самолетов. Секретные сделки о поставках вооружения Израилю из ФРГ исчисляются, по сообщениям прессы, уже не сотнями, а тысячами миллионов марок.

Что касается самого Израиля, то его правительство готово вооружаться любой ценой, не брезгуя никакими средствами. Красноречивый тому пример — шербурская история. Как известно, французское правительство наложило запрет на продажу Израйлю оружия. Запрет распространялся и на то вооружение, которое производилось фирмами согласно ранее подписанным договорам. Исключения не составляли и пять быстроходных военных катеров, построенных на верфи «Конструкторсьон механик де Норманди». И вот в самый канун нового года эти катера таинственно исчезли из французского порта Шербур. В судовых документах портом назначения значился город Осло, но через шесть дней катера оказались в израильском порту Кишоне. Надо сказать, что этим пиратским актом израильская военщина пыталась пробить брешь во французском эмбарго, но расчеты не оправдались: правительство Франции подтвердило свою ближневосточную политику, и в частности запрет на поставки оружия.

Шербурский прецедент повторился, правда, в другом варианте, в бельгийском порту Зебрюгге. Оттуда недавно отправился израильский корабль «Тамар», груженный якобы металлом. Оказалось, однако, что он везет американские пушки, бронетранспортеры, ящики с боеприпасами и запасными частями для танков.

Американско-израильским отношениям вовсе не мешают инсценировки «ссор» вроде той, свидетелями которой мы явились в конце декабря. Речь идет о так называемой «сбалансированной» политике, которую на весь мир провозгласил государственный секретарь США Роджерс и которая означала, что от поддержки Израиля Соединенные Штаты перешли к «позиции беспристрастного посредника».

Чего стоит это «беспристрастное посредничество», свидетелям тут хотя бы «мирные» предложения, которые Вашингтон направил по отдельности ОАР и Иордании.

Дело в этих предложениях представлено так, будто США пекутся о выполнении резолюции Совета Безопасности. Но если резолюция требует безоговорочного вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, то США делают этот вопрос предметом торга в пользу агрессора. Судьбу района Газы, например, США предлагают решить с участием Израиля, хотя он не имеет на этот район никаких прав. Демилитаризованную зону предлагается создать за счет арабских территорий. В завуалированной форме США стремятся протолкнуть израильский тезис о переговорах с каждой из арабских стран, с тем чтобы их пидночке принудить к капитуляции.

Маневры американского правительства нетрудно разгадать. С одной стороны, они порождены боязнью некоторых финансовых и промышленных кругов, и особенно нефтяных компаний США, потерять окончательно свое влияние в арабском мире. С другой стороны, здесь явно просматривается стремление успокоить общественное мнение и внести разброд в единство арабов.

Но народы арабских стран не намерены отступать перед агрессором. Это еще раз подтвердила недавняя встреча руководителей деятелей ОАР, Ливии и Судана в Рабате. Как заявил председатель Революционного совета Ливии Каддафи, «крепнувшее сотрудничество между Ливией, ОАР и Суданом является шагом на пути к достижению арабского единства». С помощью социалистических государств арабские страны серьезно укрепили свою экономическую базу, свой военный потенциал, расширили и активизировали антиимпериалистическую борьбу.

Советские люди как искренние друзья арабских народов не раз доказывали делом свою солидарность с их справедливой борьбой. Они решительно требуют, чтобы агрессоры покинули оккупированные земли. Арабские народы хотят строить новую жизнь в условиях мира и независимости.

Н. РОЩИНА



Иерусалим. Арабские женщины выступают против израильской агрессии. Фото из журнала ГДР «НБИ».

Делегация Совета чехословацких женщин побывала на одной из обувных фабрик производственного объединения «Заря» в Москве.

На снимке (слева направо): генеральный директор объединения И. М. Архипкин, Густа Фучикова, Марта Людровская, Ольга Вацкова.

Фото Э. Оремуса.



В конце прошлого года председателем Федерального совета женщин Чехословацкой Социалистической Республики была единодушно избрана товарищ Густа Фучикова. Кто не помнит прекрасных строк Юлиуса Фучика, написанных в тюрьме в его последнем репортаже о ней, о жене и боевом друге!

«19 мая 1943 года. Сегодня ночью мою Густу увозят в Польшу, «на работу». На немецкую каторгу, на смерть... Сегодня голова и сердце полны Густинной. Она всегда была благородна и глубоко искренна, всегда преданна — верный друг моей суровой и беспокойной жизни...

Как много силы в этой маленькой женщине с четкими чертами лица и большими детскими глазами, в которых столько нежности! Жизнь в борьбе и частые разлуки сохраняли в нас чувство первых дней...

Все годы мы вели борьбу плечом к плечу, — а борьба не прекращалась ни на час... Много мы испытали лишений, познали и много больших радостей, мы были богаты богатством бедняков — тем, что внутри нас...

Густина? Вот какова Густина!

Это было в середине июня прошлого года, в дни осажденного положения. Она увидела меня через шесть недель после нашего ареста, после мучительных дней в одиночке, полных дум о моей смерти. Ее вызвали, чтобы она «повлияла» на меня.

— Уговорите его, — говорил ей на очной ставке начальник отдела. — Уговорите его, пусть образумится. Не хочет думать о себе, пусть подумает хоть о вас. Даю вам час на размышления. Если он будет упорствовать, расстреляем вас обоих сегодня вечером.

Густина приласкала меня взглядом и сказала просто:

— Господин следователь, для меня это не угроза. Это моя последняя просьба: если убьете его, убейте и меня.

Такова Густина — любовь и твердость...

Эх, друзья, можете ли вы представить, как бы мы жили, если бы нам довелось снова встретиться после всех страданий?... Жить, когда свершится все, о чем мы мечтали, к чему стремились, за что сейчас идем умирать!

Но и мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья, ведь мы вложили в него нашу жизнь...»

Приезжая в СССР, встречаясь с советскими людьми, Густа Фучикова часто повторяла, что вся ее работа и в Чехословацком союзе женщин, и в Комитете защиты мира, и как партийного пропагандиста подчинена одной цели — выполнить предсмертный наказ Юлиуса Фучика. Вся ее жизнь связана с утверждением социалистического строя в Чехословакии.

Когда летом 1968 года распоясавшаяся контрреволюция предприняла попытку оторвать Чехословакию от социалистического лагеря, она осталась верной и стойкой коммунисткой. От нее требовали выступить против Советского Союза — она гневно отказалась. Ей присылали анонимные письма с угрозами — она смеялась над ними. Разве могла испугать ее, прошедшую через ад

ГУСТА ФУЧИКОВА — председатель Совета женщин Чехословакии

Равенсбрюка, кучка реакционеров?! Она верила в свою партию, в свой народ, в его способность отмести плевелы лжи от зерен истины. Верила в дружбу советского народа и других стран социализма, которые в трудный час не оставят в беде своих братьев по классу.

Так оно и случилось.

Недавно Густа Фучикова приезжала в нашу страну во главе делегации чехословацких женщин. Визит был коротким и до предела насыщенным. И все же она выбрала время для встречи с корреспондентом «Работницы».

Густа говорит по-русски с едва заметным акцентом.

Корреспондент. От имени «Работницы», от всех наших читателей поздравляю вас с избранием председателем Совета женщин Чехословакии.

Густа Фучикова. Большое спасибо.

Корреспондент. А теперь несколько вопросов. Не могли бы вы рассказать о первых шагах Совета нового состава?

Густа Фучикова. Прежде всего мы должны были дать принципиальную политическую оценку действиям бывшего руководства Союза женщин Чехословакии. Как известно, в 1968 году в результате ошибочной, правооппортунистической позиции, занятой некоторыми деятелями женского движения, нашей дружбе с женскими организациями СССР и других социалистических стран был нанесен большой ущерб. В МДФЖ и другие общественные организации были направлены письма, в которых несправедливо и ложно освещались августовские события. Надо сказать, что о действиях бывшего руководства многие местные организации Союза женщин узнали только год спустя, когда эти письма были доведены до всеобщего сведения.

Совет женщин Чехословакии единодушно осудил и лишил силы клеветнические документы, принятые бывшим руководством союза.

Во время встречи в Комитете советских женщин мы передали наше письмо к советским подругам. В нем, в частности, говорится: «Мы заверяем вас, что хотим искренне воплощать в жизнь принципы пролетарского интернационализма, желаем укреплять дружественные связи и приложим усилия к тому, чтобы справиться с нездоровыми явлениями, внесенными в наши ряды.

Мы высоко оцениваем интернациональную помощь Советского Союза, которую он бескорыстно предоставляет прогрессивному движению всех народов, весьма высоко оцениваем братскую помощь СССР другим социалистическим странам. Поддержкой в нашей деятельности была и в настоящее время является ваша братская товарищеская помощь, которую вы нам оказывали как в прошлом году, так и в настоящее время. Мы надеемся, что и впредь найдем у вас понимание, которое вы не раз проявляли в прошлом.

Мы обещаем, что дальнейшее сотрудничество с вами мы будем развивать в духе крепкой дружбы, искренних товарищеских связей и боевой солидарности народов социалистических стран. О решимости выполнить эти цели свидетельствует движение женщин за развертывание политико-воспитательной работы по случаю 25-й годовщины освобождения нашей родины Советской Армией и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Корреспондент. Из ряда неотложных задач, которые стоят сейчас перед организацией чехословацких женщин, какую вы считаете самой главной?

Густа Фучикова. Помочь партии в консолидации всех здоровых сил в стране, в укреплении экономического и политического положения республики.

В 1968 году многие общественные организации, в том числе и женские, подчас предъявляли требования без учета экономических возможностей страны. Некоторые люди, поверив демагогическим, провокационным призывам, стали игрушкой в руках правых сил.

Разъяснение политики партии, воспитание каждой женщины активным, мыслящим строителем социалистического общества — наша первейшая и главная задача. В этой работе для меня всегда служили примером Клара Цеткин и Надежда Крупская.

У нас еще много и других, чисто «женских» проблем, связанных со строительством детских учреждений, соблюдением правил техники безопасности там, где трудятся женщины, с заботой о подрастающем поколении.

Корреспондент. После августа 1968 года к нам в редакцию приходило много писем от наших читательниц, адресованных женщинам Чехословакии. Одно из них, от В. Л. Киреевой из г. Хабаровска, я взял с собой, потому что здесь есть строки, адресованные лично вам. Вот оно:

«Когда пришло сообщение о гибели наших людей в Чехословакии,— писала тов. Киреева,— и мои дети готовы были обвинить всех чехов, я сумела внушить им, что стреляли предатели чешского народа. А предатели народа — не народ. И как хорошо, что у нас в доме оказались книги чешских писателей! Мои дети читают сейчас «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Я храню эту книжку с девичьих лет. Прошу передать Густе Фучиковой мою глубочайшую симпатию. Я преклоняюсь перед

этой необыкновенной женщиной, перед памятью о ее негибавшем муже».

Густа Фучикова. Я очень благодарна товарищу Киреевой и всем советским женщинам за их веру в наш народ, за большую помощь и моральную поддержку в трудное для моей страны время.

Я давно полюбила Советский Союз. Еще в то время, когда читала восторженные очерки и репортажи Юлиуса о вашей стране. Во время оккупации Чехословакии гитлеровскими полчищами, когда я вместе с Юлиусом боролась против фашистов, эта любовь помогала мне верить в победу. До конца жизни буду вспоминать день, когда Красная Армия освободила меня из концлагеря Равенсбрюк. Буду всегда помнить, как советские воины помогали нам, привозили из собственных запасов лекарства, продукты, создавали больницы для тысяч освобожденных узников.

Я навсегда связана с советским народом искренней дружбой не только потому, что он спас мне жизнь, но и потому, что он разбил немецкий фашизм. И сейчас вы самоотверженно и бескорыстно помогаете всем, кто борется за свое освобождение от империалистического гнета,— и героическому вьетнамскому народу, и Кубе, и арабскому народу. Мы бесконечно ценим, что Советский Союз помог и нам в августе прошлого года, когда безопасность социалистической Чехословакии находилась под угрозой. Мне бывает больно, когда я слышу из уст студента или школьницы недоброе слово, обращенное к советским солдатам.

Я обвиняю в этих ложных взглядах не только молодых людей. Гораздо больше я обвиняю их педагогов, редакторов газет, радио и телевидения, которые до недавнего времени обладали возможностью деформировать мысли людей. Я обвиняю некоторых писателей и работников кино, некоторых родителей. Я говорю это в основном о чешских областях. В Словакии ситуация была, к счастью, иной.

Но вместе с тем я должна сказать: в нашей республике гораздо больше писателей, поэтов, журналистов, которые в самые критические периоды шли верной дорогой, ведущей к расцвету нашей страны, к глубокой дружбе между чехами и словаками, к прочной дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Об этом убедительно свидетельствуют события последних месяцев...

Потом Густа берет ручку, на минуту задумывается и пишет:

*Dráhc' stonácký čaropis, občinný
k 60. jubilejmu mezinárodního dne žen
přijí tam z úleho srdce, aby byl zřejmý
mýtoj' mýj po kterém touží každému
pokřikovat lidstvo na světě
Křivěně hoj' propagace
váš' rojna' přátelství
Gusta Fuchiková*

Фучикова 1970

«Дорогие читательницы журнала «Работница», по случаю 60-летнего юбилея Международного женского дня я желаю от всего сердца сохранения мира во всем мире, мира, к которому стремится все передовое человечество.

Искренне вас приветствует
Ваш верный друг

Густа Фучикова».

Москва, 1970 г.

Интервью вел А. ГЛАЗОВ.



«ПОРТУГАЛЬСКАЯ» ГВИНЕЯ. Итальянский журнал «Вие Нуове», напечатавший этот снимок, не назвал имени девушки, которая здесь изображена.

«17-летняя партизанка» — подписал фотографию корреспондент журнала, побывавший в освобожденных от португальских колонизаторов районах Бисау.

«Героизм — самый буднич- ный, не бросающийся в глаза, героизм женщин и девушек — здесь повсеместное явление, — пишет корреспондент. — Они готовят пищу бойцам, стирают им белье, а если нужно, стреляют по врагу».



ЮАР. В первый раз Дороти Ньембе бросила в тюрьму на три года. Тогда, в 1963 году, она выступила против позорного закона южноафриканского расистского правительства о пропусках для африканцев.

Тюрьма не сломила мужества патриотки. Дороти Ньембе — одна из руководителей женской Лиги Африканского национального конгресса — неутомимо борется против политики апартеида и расовой дискриминации.

Недавно Дороти арестовали снова. При обыске полицейские обнаружили у нее портрет Патриса Лумумбы. На этот раз суд приговорил Дороти Ньембе к пятнадцати годам тюремного заключения.

Фото из английской газеты «Морнинг стар».



США. Среди депутатов палаты представителей конгресса США впервые появилась женщина-негритянка. Это Шерли Чизом, нью-йоркская учительница.

Теперь пламенный голос Шерли часто звучит в конгрессе, когда идут дебаты по важнейшим государственным вопросам. «Как учительница и женщина, я не могу понять смысл ассигнования миллиардов долларов на войну, в то время как в стране сокращаются расходы на образование. Я буду голосовать против всех законопроектов, направленных на увеличение военных расходов», — заявила она.

Фото из американской газеты «Дейли уорлд».



Из пушек по облакам

В день 52-й годовщины Великого Октября появилось сообщение о присуждении Государственных премий СССР за 1969 год. В числе удостоенных этой премии — группа советских ученых, которая разработала и внедрила методы и средства борьбы с градом.

Если вам случится ехать по шоссе из Пятигорска в Нальчик, вы наверняка заметите необычный дорожный указатель, на котором написано: «Куба-Табинский противоградовый отряд», — а в кругу под силуэтом Эльбруса еще три буквы — ВГИ. Эти же буквы на подобных указателях можно встретить и в других районах на юге страны. Буквы обозначают: Высокогорный геофизический институт. Этот институт, расположенный в Нальчике, — одно из научных учреждений страны, занимающихся борьбой с градом. Трое из его сотрудников, руководившие работами, отмечены Государственной премией. Это доктор географических наук Георгий Константинович Сулаквелидзе и его ближайшие помощники — кандидат физико-математических наук Валентина Федоровна Лапчева, которая долгое время была ученым секретарем института, и кандидат физико-математических наук Нодар Шалвович Бибилашвили.

От большинства стихийных бедствий люди могут лишь пассивно обороняться. Увы, мы еще не в силах прекратить землетрясение, остановить ураган, заткнуть глотку вулкану. Но на град ученые уже нашли управу. Градобоям объявлена самая настоящая война, с применением той же боевой техники, которая нужна для борьбы с вражескими самолетами.

Любопытно, что идея артиллерийской борьбы с градом возникла впервые еще в XIX веке. «Градобитные mortiry» были в свое время во Франции и Италии. Никакого толку от этой стрельбы не было, и о mortiry забыли. Но у идей, казалось бы, совсем неудачных, бывает порой странная судьба. Проходит время, и к ним возвращаются уже на совершенно ином уровне знаний. Недавно ученые снова стали стрелять в облака из самых обыкновенных зениток, отслуживших свой срок в армии.

Чтобы понять, как и зачем они это делают, давайте свернем с нальчикского шоссе и, следуя указателю, направимся в Куба-Табинский противоградовый отряд.

Нам повезло: с работой отряда нас знакомит сам Георгий Константинович Сулаквелидзе.

— Природа распорядилась столь «мудро», — рассказывает он, — что чаще всего град выпадает и крупнее всего он бывает именно в тех местах, где вред от него наибольший. На юге не столь уж большая редкость градины размером с голубиное яйцо. Эти ледяные «снаряды» уничтожают посевы кукурузы, табака, citrusов. Но прежде всего и больше всего от града страдает самая ценная культура — виноград.

Наш «газик» останавливается возле радиолокатора, антенну которого, похожую на громадную пиалу, мы видели еще издали.

Появившись на свет лет 30 назад, радиолокатор «состоит» теперь не только на военной, но и на гражданской службе. Он не дает кораблям столкнуться в тумане или сесте случайно на рифы, он помогает самолетам находить аэродром и ориентироваться в незнакомой местности. Приспособили его для своих нужд и метеорологи. Локатор многое умеет «видеть», в том числе даже и облака. Правда, не всякие и не одинаково хорошо. Сквозь туман и тонкую облачность его лучи проходят совершенно свободно, а от мощных кучевых облаков, в которых есть крупные частицы — капельки, градины, снежинки, они отражаются. Вот это-то свойство радиоволн и использовали ученые, чтобы в сплошной пелене туч, даже ночью, при отсутствии видимости, сразу находить градоопасные части облаков, или, как их называют, «зоны».

...Профессор легко взбирается по железной стремянке в кабину локатора. Там жарко и полутемно. Ритмично завывает мотор, вращающий антенну. На черной приборной панели горят контрольные красные и зеленые лампы. Три человека внима-

тельно разглядывают зеленоватый экран. По нему бежит яркая линия, точь-в-точь как секундная стрелка на часах. Это и есть тот самый луч, который «рассматривает» окрестности.

Дежурная по локатору отрывается от экрана и, поздоровавшись с нами, докладывает руководителю института обстановку:

— В первой половине ночи ожидается прохождение холодного фронта. Возможен град. Сейчас есть две слабенькие зоны, но они еще далеко: одна в 70 километрах, другая в 120, на северо-восток...

— Связь с орудиями проверена?

— Они доложили о готовности.

— Хорошо... Если обстановка ухудшится, немедленно позвоните меня.

Ухудшилась обстановка довольно скоро. Мы беседовали с сотрудниками отряда, когда укрепленный на столбе динамик заорал так, что было слышно, наверно, по всей Кабарде:

— Внимание! Внимание! Георгия Константиновича просят срочно зайти на локатор!

Градовые тучи шутить не любят. Они возникают стремительно. Да вы, наверно, и сами замечали, что ни град, ни ливень (а это родные братья, у них общее происхождение и одинаковые повадки) долго не продолжают. Всего минут 10—15. Но за эти десять минут град успеет натворить много бед.

Мы были на одном винограднике после сильного града. На лозах не осталось ничего — ни одного листика, ни одного цветка, только голые плети. Трудно было поверить, что сейчас разгар лета, а не глубокая осень. Нам сказали: если эти лозы и выживут, то снова они начнут плодоносить лишь через несколько лет... Вот почему и не смыкает глаз дежурный, снова и снова оглядывая небосвод, то опуская антенну к самому окоему, то заставляя ее задира голову прямо вверх, в зенит. Ведь градовая зона может образоваться прямо над локатором. Собственно, так однажды и случилось. Дежурный увлекся «обработкой», как здесь говорят, градового облака, которое «гуляло» где-то километрах в двадцати, и забыл вовремя посмотреть вверх. Представляете, как было обидно слышать стук градин по крыше кабины противоградового локатора! И град, к несчастью, выпал крупный. Правда, это было давно.

Не успел замолкнуть динамик, как по всему лагерю раздался резкий звонок: боевая тревога. Артиллеристы, живущие в отдельной палатке, выскочили и побежали к орудиям, которые стоят неподалеку на удобном пригорке.

Мы вновь забираемся в кабину локатора. Дежурная останавливает антенну и, вращая маленький штурвалчик, нащупывает нужную точку.

— Вот она! — Оператор показывает на ярко сверкающее пятнышко. — Зона в пятнадцати километрах от нас. Града пока нет. Приняла решение произвести профилактическое воздействие.

— Хорошо, работай! — кивает Сулаквелидзе.

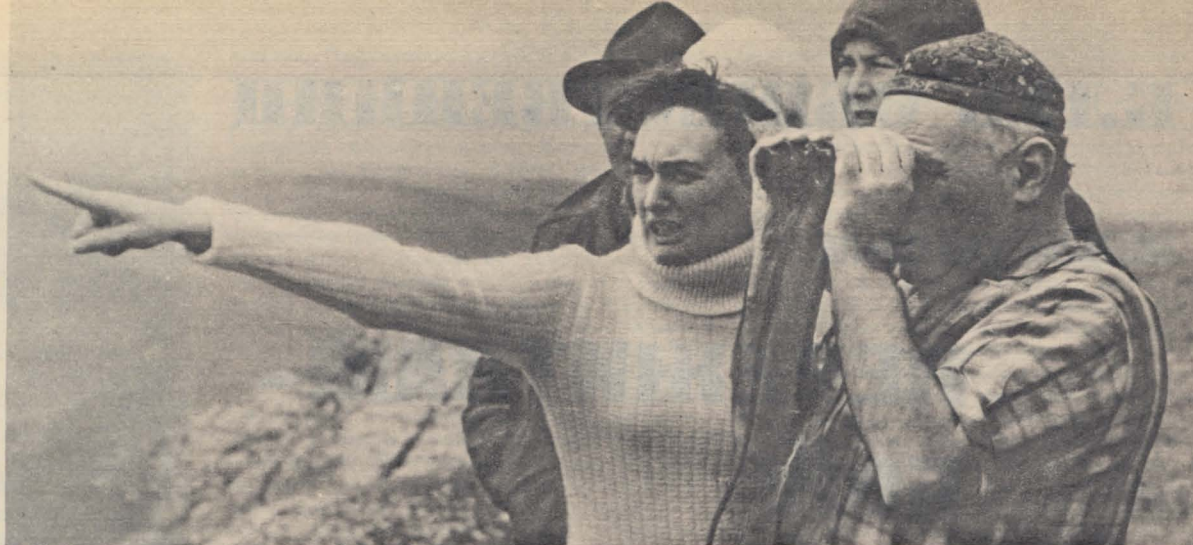
Оператор берет за трубку полевого телефона.

— Орудие? — кричит она. — Слушай мою команду: азимут — 3-20, угол возвышения — 0-80, дальность — 14 километров. Огонь!

Небо в сплошной серой пелене, накрапывает мелкий дождичек. Как говорят, не видно ни зги. Но пушка уверенно посылает снаряд за снарядом в эту самую «згу», в сердце облака, где растут, наливаются силой злые ледяные шарики. Пока достаточно, надо понаблюдать за результатами.

...Что же происходит в облаке после того, как в нем разрываются снаряд, почему перестает падать град?

Наивно предполагать, что стрельба по облакам ведется обыкновенными боевыми снарядами. Во-первых, ими стрелять опасно: ведь при разрыве боевой снаряд дает массу осколков. И толку от такой стрельбы никакого. Ну, разорвется он, разлетится оказавшиеся поблизости частички, а дальше что? Градовая зона может занимать несколько кубических километров. Разрыв снаряда в таком облаке произведет не большее впечатление, чем дробина на слона.



В. Ф. Лапчева и директор института Г. К. Сулаквелидзе наблюдают за результатами стрельб.

Фото В. Ревича.

В облако стреляют специальными снарядами, совершенно безопасными, после разрыва их оболочка рассыпается в мелкую пыль. Но опять-таки главное не в оболочке. Главное в начинке. А чтобы понять, как она действует, надо хоть в двух словах рассказать об «устройстве» градового облака.

Облако — это туман, то есть мельчайшие капельки воды. На той высоте, где оно находится, всегда стоит сильный мороз, даже в летнюю жару там может быть — 30°, а то и ниже. И, казалось бы, все частички воды при такой температуре должны превратиться в кристаллики льда. На самом же деле мелкие частички воды могут долгое время не замерзнуть даже при очень низких температурах. Это и приводит к беде: если бы все частички замерзли одновременно, то града вообще не существовало бы. Две ледяные частички даже если и столкнутся друг с другом, то не слипнутся, а разлетятся в стороны, как бильярдные шары. И так как частички эти, в общем, очень мелкие — большинство из них куда меньше миллиметра, — то крупных градин в облаке, состоящем из одних ледяных кристалликов, возникнуть не может.

Но когда с ледяной частичкой сталкивается водяная (а это порой и случается), то сразу же примерзает к ней. Ледяная крупинка увеличилась и идет дальше разгуливать по облаку, захватывая воду и намораживая ее на себя. Чем больше она становится, тем больше воды захватывает, а значит, и растет быстрее, пока не вырастет в крупную градину, опасную для посевов.

В облаке всегда есть мощные воздушные потоки, достигающие силы, какая бывает при ураганах, тайфунах, смерчах. Такой восходящий поток и поддерживает градину до тех пор, пока ее тяжесть не переборет подъемную силу воздушного потока.

...Когда после долгих исследований и наблюдений картина

градообразования стала ясна, ученые догадались, что надо делать, чтобы не допустить появления крупного града. Нужно вовремя превратить все частички воды в лед! Химики нашли вещества, которые быстро замораживают переохлажденную воду. Одно из них — это твердая углекислота, тот самый «сухой лед», который все видели в ящиках у мороженщиц. Но в снарядах используется другое вещество, более удобное — йодистое серебро. Оно очень летучее, сравнительно небольшого количества йодистого серебра хватает, чтобы заполнить значительный объем. Правда, в большие зоны приходится выпускать по несколько снарядов. Из «замороженного» облака могут выпасть мелкие град и крупа, да и те скорее всего не долетят до земли — растают. Пойдет обыкновенный дождь, правда, очень холодный.

...После обстрела все собрались возле экрана локатора и не отрываясь смотрят, что делается в зоне. Конечно, сам взрыв не увидишь, но проходит совсем немного времени, и плотное пятнышко начинает бледнеть и расплываться. Это значит, что в нем стали исчезать крупные частицы и радиоволны перестали от них отражаться. У тучи вырвано жало. Она уже не принесет вреда людям. Но успокаиваться рано, опасность еще не миновала. Новая градовая зона может образоваться в любую минуту...

Так и несут боевую вахту люди, защищая посевы и насаждения в Кабардино-Балкарии, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Грузии, в Армении, в Азербайджане. С каждым годом охраняемая площадь увеличивается.

Достижения советских ученых привлекают все большее внимание за рубежом, особенно в тех странах, для которых борьба с градом такая же насущная задача, как и для нас, — во Франции, Италии, Соединенных Штатах.

В. РЕВИЧ,
Р. ЦЕРБАКОВ



БЫВАЕТ ЛИ КРОВАВЫЙ ДОЖДЬ?

Бывает, да еще какой сильный! Например, на юге Франции в 1608 году прошел именно такой дождь. Все листья, вся трава были залиты «кровью». Кривавый дождь приняли тогда как дурное предзнаменование, и поднялась паника.

Такие «чудеса» случались не только в давние века. Они могут быть и в наше время, если сильно размножится бабочка-боярышница. Когда она покидает свою куколку, то выделяет каплю кроваво-красной

жидкости. В «урожайный» на бабочек год растительность в месте ее размножения покрывается «крававым» потом.

ВСЕ ЛИ ПЛАНЕТЫ ОТКРЫТЫ!

Последняя известная планета — Плутон. Она девятая по счету. Но вполне возможно, что в Солнечной системе есть еще одна или даже несколько неоткрытых планет.

Планеты светят отраженным светом. Поэтому наблюдать отдаленные планеты трудно. Ведь на большом расстоянии от Солнца света до них доходит крайне мало. И вот небесные тела, расположенные на окраине нашей системы, стали открывать на «кончике пера». Два ученых, Леверрье и Адамс, обнаружили, что траектория движения Урана не совпадает с расчетной. Ученые независимо друг от друга пришли к выводу, что это несовпадение вы-

зывает сила притяжения еще неизвестной планеты. Расчеты указали место, где она должна находиться. Так был открыт Нептун. Но, когда Нептун был как следует изучен, выяснилось, что он не в состоянии столь сильно исказить орбиту Урана, как это было на самом деле. Стали искать еще более далекое тело и обнаружили Плутон. О Плуtone мы знаем мало. В телескоп он не виден. Судя по искажениям, которые Плутон внес в орбиту своего соседа Нептуна, его масса должна быть довольно велика. А размеры диска Плутона, который определяют по звездам, закрываемым планетой на небесной сфере, невелики. Его диаметр — что-то около 5 тысяч километров. Большое несоответствие между массой и объемом планеты натолкнуло астрономов на мысль о существовании в Солнечной системе еще одной планеты. Открыть с помощью телеско-

па десятую планету почти невозможно. Остается возлагать надежды на космонавтов.

СПЯТ ЛИ ПТИЦЫ В ПОЛЕТЕ!

Чувствительные приборы, укрепленные на груди у аистов, убедили ученых в том, что птицы могут спать в полете. Правда, сон их недолог: всего 10—15 минут. Но этого времени оказывается достаточно для восстановления сил. Чтобы не сбиться с дороги, дремлющие аисты размещаются в середине клина и летят на слух, ориентируясь во сне по крикам своих бодрствующих собратьев. Потом происходит «смена караула»: перестраиваются ряды стаи — и следующая партия погружается в сон. Вот почему за время многодневного перелета птицы могут совершать только короткие остановки на отдых.

КЛУБ ОБЩЕСТВЕННИЦ

ЗАСЕДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ:

ПЕРЕЖИТКАМ-БОЙ!

В ГОСТЯХ У ЖЕНСОВЕТА НЕБИТ-ДАГА

Над пустыней лететь тревожно. Насколько хватает глаз — бесконечная рыжевато-серая, мрачная земля. Ни кустика, ни деревца. Только мелкая рябь песчаного моря да растрескавшиеся от жары такыры. И вдруг белостенный город... Вышки нефтяных промыслов... Небит-Даг!

В 1944 году в пустыне, возле железнодорожного разъезда Небит-Даг, где были найдены большие запасы нефти, начали строить город. Здесь это было не легче, чем где-нибудь за Полярным кругом. Не хватало воды. Ее привозили на верблюдах. Горячий, сухой ветер засыпал дома песком, и каждое утро людям приходилось откапывать соседней. Но строители были упорны. Провели водопровод, и когда вода, пробежав 136 километров, пришла в Небит-Даг, молодой город зазеленел: улицы превратили в аллеи, возле стадиона разбили парк. Открыли школы, больницы, дворцы культуры, ремесленные училища, техникумы, научно-исследовательские институты.

Город продолжает расти. Вдоль асфальтированных улиц поднимаются все новые жилые кварталы. Уже есть 200-й, 205-й, 209-й... В новых районах открывают детские сады и ясли, магазины, ателье мод, кинотеатры, клубы, кафе...

Мы прилетели в Небит-Даг по приглашению городского женского совета. Он существует шестой год. Врачи, работницы, инженеры, учителя, экономисты — все 26 членов женсовета — часто встречаются в здании горкома партии: здесь у совета своя комната, чтобы поговорить об очередных заботах, посоветоваться, рассказать друг другу, что уже сделано. А делается немало. Женсовет заботится о дошкольных детских учреждениях (кстати сказать, вот уже три года, как нет недостатка мест в садах и яслях), проверяет, как кормят ребят в школьных буфетах, проводит семинары женского актива предприятий и учреждений. Активистки стараются привлечь к общественной жизни домашних хозяек; то поведут женщин на нефтепромыслы, туда, где трудятся их мужья, то устроят вечер вопросов и ответов с участием представителей горсовета.

На этот раз в женском совете обсуждалось, казалось бы, довольно простое дело: устроить в выходной день чаепитие и пригласить на него женщин с мужьями. Но тем, кто знает местные обычаи, понят-

но, что осуществить такую встречу не так уж просто.

Вечера для женщин, различные женские «Огоньки», собрания клуба девушек «Айна» — не новинка в Небит-Даге. Но далеко не во всех туркменских семьях принято пойти мужу с женой в кафе. Не случайно на торжественных вечерах, собраниях и даже в кино не много встретишь супружеских пар.

Столетиями был у туркмен такой уклад жизни, при котором женщина была рабыней в доме. Ее можно было купить, продать, передать по наследству. Она собственность отца, брата, мужа. Яшмак — головной платок, закушенный зубами, был символом женской покорности и молчания. И не существовало среди старых обычаев ни одного, который защищал бы туркменку.

Советская власть коренным образом изменила жизнь женщин Востока. Эти перемены общеизвестны и, может быть, особенно видны здесь, в молодом городе. Биография каждого члена женского совета служит убедительным тому примером. И все-таки... В обиходе, в повседневности туркменской семьи нередко еще сказываются отголоски старого уклада. И как бы их ни называли — обычаями или особенностями быта, — сущность от этого не меняется. Они отражают старый взгляд на женщину как на существо, стоящее ниже мужчины. Пусть мало найдется теперь «смельчаков», открыто высказывающих такие взгляды. Но с этим еще не покончено.

Городской женский совет разными дорожками, разными путями ведет борьбу с этим горьким наследием прошлого. И встреча за чайным столом в выходной день задумана активистками тоже в противовес старому.

А как получится? Важно, чтобы не прошла эта встреча не замеченной в городе. Вот это и волнует Джерен Курбанову, директора производственно-технического училища, председателя городского женсовета, и Чинар Мередову, директора швейной фабрики, и Тач Тачмамедову, лаборанта ВНИИ, и Нину Михайловну Гомолинскую, экономиста ОРСа, да и весь женсовет. Думали, прикидывали, как лучше устроить встречу, какие семьи пригласить для первого раза. Какой написать текст на приглажительных открытках? Какую самостоятельность показать — взрослых или де-

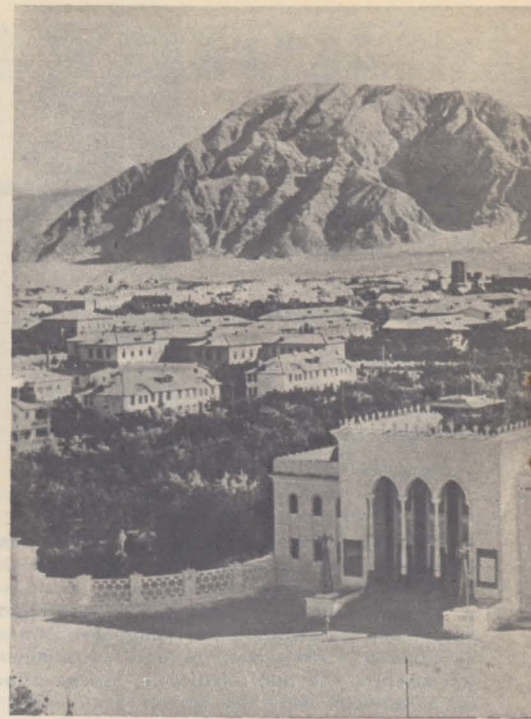


Фото А. ПШЕНИЧНИКОВА.

Огулькурбан Дурдыева.

тей? Решили: школьничков. Придут-то родители.

...Воскресенье выдалось солнечное, ясное, теплое, словно бы и не зимнее. На голубом небе четко рисовались коричневые вершины Большого Балкана. В ветвях пустынных акаций неистово щебетали птицы, вдоль арыков зеленела трава.

Приближалось время сбора гостей.

Придут или не придут?

Но вот у входа в кафе «Молодежное» появилась первая пара, за ней вторая, третья, десятая...

Гостей встречает Огулькурбан Дурдыева, народная артистка республики. Ее попросили быть хозяйкой встречи не только потому, что Огулькурбан любит все, кто видел ее на сцене или на экране. Дурдыева — человек нелегкой судьбы. В дни ее юности нужна была и воля и смелость, чтобы убежать из дому, поступить в театральную школу, появиться на сцене. Через слезы, разрыв с близкими шла Огулькур-



Город Небит-Даг.



Джерен Курбанова.



Мамаджан Клычева.



Аман Караджаева.

бан к своей цели. Сейчас ее талант получил заслуженное признание. И хотя ушла она из театра, но по-прежнему живет искусством, снимается в кино, играет в телевизионных постановках, руководит самодетельностью во Дворце культуры нефтяников Небит-Дага. Выросли у нее хорошие дети — все они получили высшее образование, есть уже и внуки.

...Точно пестрый ковер расстелили в кафе. Цветастые платки женщин, нарядные национальные платья перемежаются с европейскими костюмами мужчин. Поначалу гости чувствуют себя чуть скованно. Но Огулькурбан, непринужденно, словно у себя дома, не дает возникнуть неловкости. Рассаживает, угощает...

— Вот ведь как славно — сидим мы за одним столом с мужчинами. Пьем чай, — это голос Аман Караджаевой, одной из первых комсомолок Туркменистана. — А я вспоминаю, как собирали мы женщин на первые курсы ликбеза. Чуть ли не за руку

тащили. Поддержку находили среди самой бедноты да среди коммунистов. Мужчины-коммунисты тогда долгом считали посылать своих жен и сестер учиться. Иные женщины сопротивлялись: боялись гнева аллаха... А случалось, кровью расплачивались первые женделегатки и учительницы за свою смелость. Мстили им богачи и религиозные фанатики. Смотрю я на вас, дорогие мои, и думаю: вы того времени и не помните; многие из вас годятся мне в дочки, а иные во внуки. Почему же некоторые сидят, опустив глаза, словно провинились в чем? Смотрите смелее. Теперь-то по старинке жить и вовсе не годится.

— Мужчины, а не из-за вас ли женщины стесняются? — подхватила Огулькурбан. — Знаете историю о том, как муж с женой в кино ходил? Пригласил муж жену в кино. Ну, жена обрадовалась, модные туфли надела, красивое пальто. Только вышли на улицу, муж ее в бок: «Что по сторонам смотришь? Витрин не видела?» И помчался, словно на пожар. Жена — за ним, да разве поспеешь... А он сердится: «Тащишься, как хромая кобыла». Бедная женщина бегом побежала, даже опередила мужа на полшага. Он опять недоволен: «Куда, словно коза, скачешь?» Вернулись муж с женой домой. Бедняжка на ковер бросилась и в слезы: «Пропади оно пропадом, кино. Лучше дома сидеть!» Надеюсь, дорогие мужчи-

рил первый нефтяной фонтан. И росла я вместе с Небит-Дагом. И все, что я имею: образование, интересную работу, дружную семью, — принес мне советский образ жизни. И биографии многих моих подруг складывались так же. Но где-то по углам таится старое, не хочет сдаваться. И мы испытывали это на себе. В 1953 году, когда я окончила десятилетку, мальчишки кидали в меня за это камнями. Было обидно и горько. Поехала учиться в Ашхабад в медицинский институт. Получила специальность акушера-гинеколога. Вернулась домой. И что же увидела: в родильный дом Небит-Дага обращалась лишь одна из трех беременных туркменок, две рожали дома. Не шли женщины в больницу, как когда-то не шли на курсы ликбеза. Обычай удерживали. Приходилось ездить по домам, убеждать, упрашивать рожениц лечь в больницу хотя бы на послеродовой период. И ведь этот предрассудок побороли! Не так ли? Теперь до 90 процентов всех рожениц-туркменок приходят в наш роддом. И все беременные стоят на учете в консультации. А прошло всего десять лет. Значит, когда проявляют достаточно настойчивости, не отступают, женщины на опыте убеждаются, что по-новому жить лучше.

— Права Мамаджан, — поднялась Эджеке Атаева, заслуженная учительница республики. — Пятнадцать лет руковожу я школой. Бесспорно, за последние годы дети отошли от многих, бытовавших ранее нездоровых обычаев. Но не все еще благополучно. Мы знаем, что нарушается закон о всеобщем для девочек. И почти всегда виноваты в этом родители. Вот один пример. Школьница Гульбине Мередова перестала посещать седьмой класс. Спрашиваю родственников: «Почему девочка не ходит в школу?» Отвечают: «Больна мать». Однако заметьте: брат Гульбине продолжает посещать школу. Предлагаем организовать для девочки отдельные занятия на время болезни матери, чтобы она могла больше помогать дома. Но Мередовы не откликаются.

Мало еще девушек-туркменок оканчивают полную среднюю школу. После восьмилетки теперь часть девушек, правда, идет работать на швейную фабрику. И это хорошо. Но большинство либо выходит замуж, либо сидят дома и ткут ковры. А почему бы способным не учиться дальше? Чья вина в том, что Бахтыгуль Курбанова из 13-й туркменской школы не пришла в девятый класс, хотя очень хотела учиться? Отец за нее решил: для дочери и восьмилетнего образования достаточно. И скольким же людям пришлось беседовать с ним, пока Бахтыгуль снова села за парту...

— Можно я скажу? — Это встала Бибисара Культачева. — Совершенно согласна с уважаемой Эджеке, — начала звонко и взволнованно. — Мы сами создаем счастье детей. Можем открыть им широкую дорогу в жизнь, а можем обрезать крылья... Я благодарна школе, учителям за то, что они дали мне силы перешагнуть через предрассудки и предубеждения. Я решила пойти учиться в Бакинский нефтяной институт. Как видите, со мной ничего дурного не случилось: окончила вуз, работаю инженером «Туркменнефти», преподаю в техникуме, у меня хорошая семья. Но мне обидно: среди женщин — инженеров, операторов, техников я почти не встречаю молодых туркменок. Среди студентов вечерних и заочных учебных заведений в нашем городе туркменки составляют всего около одиннадцати процентов. А почему? Не смеют наши девушки пойти против родительской воли. Оказываются в плену отсталых взглядов.

В зале было тихо, даже чайник не звякнет о пилу.

ны, что, вернувшись домой с этой встречи, ни одна женщина так не скажет, — закончила Огулькурбан под общий смех.

За столом стало шумно, весело. Зазвенели чайники.

— Огулькурбан-эдже рассказала нам анекдот, — вступила в разговор Мамаджан Клычева, — но в этом анекдоте есть и горькая правда. Живучесть иных унизительных для женщин предрассудков заставляет задуматься. А не сами ли мы в этом виноваты? Не слишком ли благодушны? Конечно, за годы Советской власти далеко шагнула туркменка. Только в нашем городе десятки женщин имеют высшее образование, занимают руководящие должности. Тем более нельзя мириться с предрассудками, которые возвышают мужчину над женщиной. У нас ведь достаточно сил, достаточно сознательных людей, чтобы навсегда покончить с этим позором. Может быть, настойчивости не хватает? Я уроженка этих мест — из поселка Вышка, оттуда, где уда-

ИДУ РЯДОМ С ПАПЕЙ...

Зима. Я смотрю в окно на крупные хлопья снега, на улицу, где соседские ребятишки строят снежную крепость. Упорные какие — вот уже третий день возводят крепостные стены! Раскраснелись лица, в глазах радость и удовольствие... Я хорошо знаю всех этих маленьких строителей, но больше всего мне нравится Василек. Вот он крикнул что-то друзьям и побежал по улице. Смотрю на часы: наверное, с работы возвращается мой отец. Василек всегда встречает его, едва он покажется на углу. Набрасываю на плечи мамин платок и выбегаю за дверь. Так и есть: по улице, о чем-то оживленно разговаривая, идут два друга. Наверное, о машинах говорят, — отец любит свою работу. Уже больше двадцати лет он

водит грузовик. Часто дает о себе знать правая рука, контуженная на войне, но работу он оставляет и не думает.

Отец идет усталой походкой — наработался за день, а рядом с ним семенит, стараясь не отстать, маленький человек и с гордостью показывает на крепость.

Спешу навстречу отцу, беру из рук его тяжелую сумку, целую в щеку. Она у него колючая и блестящая от пота и мазута. «Устал?» Он улыбается мне: «Немного. Как мама?» Я очень люблю своего отца. Мне он родней родного. Я говорю — родней, потому что где-то живет человек, которого тоже называют моим отцом...

Было это давно, после смерти мамы. Они усыновили меня. — Раиса Мефодиевна и Иван Иосифович Харченко.

Я много болела. Сколько бессонных ночей провели они у моей постели! Когда я, тяжелобольная, лежала в больнице, кровь моей но-

вой мамы вернула мне жизнь.

А отец?

...Вспоминаю: я еще маленькая. На том самом углу, где его сегодня встречал Василек, появляется знакомая машина. Все мы, малыши, гурьбой бежим навстречу. Отец на ходу подхватывает меня на руки и поднимает высоко над головой. Пока он обедает, мы играем в пятнашки. Но вот открывается дверь, и отец появляется на пороге. Первой в машину он сажает меня, а вслед за мной втискивается и вся босоногая ватага моих друзей. Машина трогается с места, мамы и бабушки машут нам руками, как будто мы и правда уезжаем далеко-далеко. А мы проезжаем два проулка, и отец высаживает нас, строго приказывая бежать домой, нигде не задерживаясь.

Когда я подросла, отец стал изредка брать меня на свой завод. Мы проходили через проходную, и он коротко бросал дежурной:

«Моя дочурка». Часто мы слышали: «Как она похожа на вас, Иван Иосифович». И не было тогда человека счастливей меня. Пока отец осматривал машину, я проходила к заводской доске почета. И всем, кто пытался со мной заговорить, объясняла, что на этой доске висит фотография моего отца. Потом в одном из цехов мы с отцом пили газированную воду. Кто хоть раз пил газированную воду на заводе, поймет, почему она казалась мне вкуснее, чем вода с сиропом.

Иногда к нам приезжает Александр Николаевич Шулепов, фронтовой друг отца. Я люблю слушать их воспоминания о войне, осторожно перебираю отцовские ордена и медали и с гордостью думаю, какой он сильный, смелый, хороший человек — мой отец!

Его все уважают. Потому, что никогда не пройдет мимо чужой беды.

Лариса ХАРЧЕНКО

г. Донецк.

ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Есть такие деятельные люди на свете, у которых энергия не иссякает с годами. И всегда направлена на то, чтобы людям жилось лучше.

Ольга Николаевна Яворская работала учительницей, а сейчас на пенсии. Однако дел у нее не убавилось. Она депутат Юратишкского горпоссовета, пред-

седатель детской комнаты, член лавочной комиссии. Она помогает родителям воспитывать детей, да и многим взрослым людям ее советы помогают.

Летом в Юратишках у каждого дома, в сквере, на улицах — цветы, цветы... Это тоже дело рук Ольги Николаевны. Шестой год выращивает она цветы для родного поселка. Сейчас в ее питомнике уже тысячи различных цветов. Одних герцинов 160 сортов.

Откуда только не получает она семена! От цветоводов Ленинграда, Москвы, Хабаровска, Львова, Петрозаводска, Урала, Сибири, Казахстана, Украины...

И сама Ольга Николаевна отправляет сотни посылок с семенами цветов.

С утра до вечера не закрывается дверь Ольги Николаевны. Люди идут к ней по разным делам. Но за чем бы ни приходили, никто не выходит из ее дома без цветов.

Ольга Николаевна увлечена и плодоводством: сейчас выращивает в своем питомнике «уральскую вишню», которую получила из Саратовской области, а также черноплодную рябину, присланную из Ленинградского ботанического сада. Если они хорошо пойдут, появятся в Юратишках новые саженцы.

Е. МАКОВСКИЙ

г. Ивье,
Гродненская область.

Кто-то передал Огулькурбан Дурдыевой записку: «Просим Тазегуль Клычеву спеть», — прочитала она вслух. Зал насторожился. Тазегуль — петь? И двух месяцев не прошло, как она вышла замуж! По прежним обычаям ей не то что петь, — показываться на людях неприлично. А она с мужем и невесткой сидит здесь, в зале...

Тазегуль, в розовом шелковом платье, в малиновом платке, золотое ожерелье на груди, сидела бледная. Конечно, она комсомолка, и оба они с мужем студенты, учатся в Небитдагском филиале Московского заочного нефтехимического института. А все же... Она покосилась на мужа и чуть слышно прошептала: «У меня горло болит». Но тут обняла ее невестка и стала уговаривать. Подошел завуч школы, аккордеонист: «Тазегуль, только скажи, вмиг подберу музыку!»

И Тазегуль решилась. Жаворонком зазвенел ее голос. Старые женщины улыбались и украдкой вытирали глаза: в прежние-то времена бедной Тазегуль лучше бы и не возвращаться домой после такого «позора». Муж убил бы ее.

Тазегуль мельком взглянула на мужа — слушает и улыбается.

Неторопливо, как истари ведется в Турк-

мени, пили гости душистый чай, подливая его в яркие пиалы. Добрый обычай — радость людям, и бережно передается он из поколения в поколение туркменским народом. А говорили — откровенно и остро — о тех старых привычках, которые правильнее назвать пережитками, чем обычаями, и которые вопиюще несовместимы со всем строем нашей жизни, с ее основными принципами.

Секретарь горкома партии Джапар Шаназарович Шаназаров назвал собравшимся такие цифры: из 11 тысяч женщин, занятых в общественном производстве Небит-Дага, всего 1 200 — туркменок, хотя большая половина жителей города — туркмены. Нужно ли доказывать, что участие в общественном производстве — основа роста личности женщины, путь к ее самостоятельности? Силы же есть где применить. В городе не хватает рабочих рук — нужны инженеры и рабочие, нефтяники, строители, воспитательницы!..

Джерен Курбанова, председатель городского женского совета, с негодованием говорила о том, что есть еще случаи, когда мужья запрещают женам поступать на работу, есть немало фактов недостойного поведения мужа в семье.

— Если каждый из нас не смолчит, не скроет, выступит с открытым и суровым осуждением нездоровых явлений, — быстрее они исчезнут. А нам есть где высказать свое мнение: и на работе, и на школьных родительских собраниях, и на таких вот совместных встречах. Мы очень рады, что сегодня к нам пришли и мужчины. От них многое зависит в преодолении феодально-байских пережитков по отношению к женщинам. И пусть здесь собрались не все супружеские пары, которые мы пригласили, я уверена: в следующий раз нас будет больше.

...Над городом еще висело солнце, но горы стали розовато-сиреневыми, небо позеленело. В Небит-Даге загорались огни.

Любезная хозяйка — Огулькурбан Дурдыева прощалась с гостями, провожала их до дверей.

— Простите, если что не так, — говорила она. — Но чай, кажется, был горячий, пели и танцевали наши дети старательно, ну и поговорили по душам, откровенно. Есть о чем подумать!

Счастья и благополучия вам, дорогие!

Репортаж вели
Н. Вьюкова и К. Мамиева.

Батыр и его невеста

Хотя в этой истории ничего не придумано, она все же похожа на легенду.

...Во время войны служил в нашей, 31-й армии молодой казах Агадил Сухомбаев, парень дельный и умный. Когда шли бои за Гродно, Агадил командовал отделением.

...Наши части, с ходу вступившие в бой, с грузом пробивались вперед. И вдруг совсем близко от передовой застрочил немецкий пулемет. Один за другим начали выходить из строя бойцы. Тогда Агадил сказал:

— Пойду сниму пулемет,— и пополз, ловко прячась между деревьями. Он подполз к немецкому блиндажу и швырнул гранату, но она ударилась о дерево, и в этот момент пулеметная очередь прострочила правую руку батыра. Зубами выдернув чеку, он левой рукой швырнул вторую гранату и снова был ранен. А пулемет все строчил и строчил. Тогда Агадил вплотную подполз к блиндажу и бросил в него свою последнюю гранату.

— За Агадила Сухомбаева! Вперед! — пронеслось по цепи, и уже ничто не могло сдержать натиска наших войск. Немцы побежали.

...Прошли годы. Однополчане не забыли батыра, они послали письмо в колхоз, где некогда жил и работал герой. Вскоре оттуда пришел ответ. Его написал директор школы, в которой учился Агадил.

Рассказывалось в этом письме о переменах в колхозе, который носит теперь имя Агадила Сухомбаева, а также о невесте его Айтай. Девушка не поверила в гибель Агадила,— все ждала его. И стремилась стать достойной любимого. Она вступила в партию, самоотверженно работала в колхозе. И все время верила, упрямо верила, что Агадил вернется...

Айтай — трудолюбивой и верной — я и посвящаю это стихотворение.



Рисунок Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Эта весть, словно смерч холодный,
В дальних окнах затмила мир:
Да, погиб Агадил под Гродно,
Не вернется домой батыр.

Стонет мать, не находит места,
Опечалилась вся родня,
И одна лишь Айтай, невеста,
Ждет любимого из огня.

Ловит грохот дальнего поезда.
Ах, чего только в мире нет:
Шел Пер Гюнт за охапкой хвороста,
А пришел... через тридцать лет.

Жив батыр Сухомбаев, верьте ей,
Но далек его трудный путь.
Не таков Агадил, чтобы смерти
Дал веревку перетянуть.

Эй, Айтай, нужно дело жаркое,—
Только с виду она тиха.
Не забитою и не жалкою
Встретит девушка жениха.

Нет ей устали: косы длинные
Развеваются над жнивьем.
Только вечером степь полынная
Слышит трудную боль ее.

А с годами приходят хворости,
Прежней силы в руках уж нет.
...Это правда ль, что связку хвороста
Пер принес через тридцать лет?

Но печальным словам не верьте:
Бьется пульс. Не застыла ртуть.
Не позволим проклятой смерти
Нашу память перетянуть.

Повесть вся, нет конца у повести.
Слушай поезда дальний гул.
Той же тропкой к этому поезду
Молодые бойцы идут.

Степь родная благословила
Смуглолицых детей своих,
Чтобы встали в строй Агадила,
Чтобы девушки ждали их.

приходится продолжать спор

В № 4 журнала за прошлый год была опубликована статья Н. Голиковой и Т. Костыговой «Всплески фантазии или 45 мнений о моде», написанная в результате опроса тружеников московских предприятий, побывавших на просмотрах новинок сезона в Общесоюзном Доме моделей и ГУМе.

Оказалось, что большинство вещей, показанных на этих просмотрах, неприемлемо в практической жизни и сшито из материалов, которых нет в широкой продаже. Женщины же справедливо считали, что главная задача моделирующих организаций — создание образцов красивой и практичной одежды, которую можно купить, заказать в ателье или сшить самим.

Коллектив работников ГУМа в письме, подписанном директором и секретарем парткома, признал критику журнала правильной. Статья обсуждалась на заседании эстетической комиссии отдела мод, на открытом партийном собрании, и были намечены меры по улучшению работы художников-модельеров. В частности, многие

модели будут создаваться из тканей, которые всегда можно купить в торговых залах универмага.

Ответ из Дома моделей был иным. В письме, подписанном главным художественным руководителем ОДМО Л. Турчановской и искусствоведом отдела пропаганды моды Н. Окунева, сообщалось, что Дом моделей целиком присоединяется к критике, высказанной в адрес... ГУМа. Да, модельеры ГУМа обязаны создавать практичную одежду, ориентируясь на ткани, которые есть в продаже. А у Дома моделей задачи более высокие, и потому лишь «ряд критических замечаний, высказанных в статье, частично правы» (видимо, имеется в виду часть, относящаяся к ГУМу), «но в целом высказан ряд положений, с которыми мы не можем согласиться». Показ мод не должен давать конкретные рецепты для любой женщины, пишут Л. Турчановская и Н. Окунева, «он может лишь помочь в этом, расширяя кругозор посетительниц в области моды и культуры одежды».

Ну что ж, приходится продолжать спор!

45 москвичек и читатели, в своих письмах горячо поддержавшие выступление журнала, считают, что обратиться к законодателям моды за советом (или «рецептом», как предпочитают выражаться в Доме моделей) вовсе не зазорно. Ведь мода по самой природе своей конкретна и утилитарна. Нелепо строить дома, в которых нельзя жить. Печь пироги, которые нельзя есть. Зачем же создавать одежду, которую нельзя носить? Нельзя купить? Нельзя заказать в соседнем ателье?

Не может быть моды на несуществующие товары. Это нелепо, ибо противоречит самой сущности моды — ее всеобщности. Пусть модные просмотры будут ярким зрелищем, парадом вкуса и элегантности. Но каждое зрелище несет какую-то мысль, чему-то учит зрителя. Не к лицу нам ставить знак равенства между красивым и дорогим, редким.

Приходя на просмотры, мы согласны «учиться организации ансамблей», «знакомиться с

модными силуэтами и цветовой гаммой» (все это перечислено в письме Дома моделей как первоочередные задачи). Но учиться не просто так, для общего развития, а чтобы применить познания об «ансамблях» и «силуэтах» в жизни, в повседневной одежде.

Л. Турчановская и Н. Окунева другого мнения. Они утверждают, что авторы статьи «тенденциозны» и «становятся на точку зрения отсталых слоев населения».

Почему же москвички (в их числе работницы, инженеры, техники, экономисты) в купе с художником и журналистом столь безапелляционно и высокомерно зачислены в разряд «отсталых»? Неужели лишь за то, что осмелились кое в чем возразить уважаемым творцам моды? Разве не для этих самых женщин творят художники свои модели? Для кого же тогда?

Не бывает моды вообще. Мода — это тоже участок идеологии. Оторванная от жизни, она не отвечает задачам, которые ставит перед ней наше общество.



— Катя!
— Ау!
— Гера дома?
— Посиди помолчи.
— Сажусь, сажусь... А ты не можешь сказать человеку?

— Господи! Каждый день одно и то же... Откуда он тебе будет дома, если он на работе? Не знаешь, что ли?

Моя мать стирает в цинковом корыте, над которым лопаются мыльная пена. На руках ее тоже лопаются пузыри. Она шлепает бельем по воде и кричит на инвалида, который сел на крыльцо и вытянул свою деревянную ногу, подбитую грязной резиной.

Он одноногий и кривой. Левый глаз у него спрятан под черной тесемкой с хвостами на макушке. Наш Рыжик не лает на него, лежит у своей конуры, даже не шевелится, не звякает цепью.

Я сижу в стороне, пускаю пузыри из бумажной трубки, макая ее в тарелку с недолговечной пеной. Они становятся воздушными шарами, улетают к солнцу, дрожа и вытягиваясь оттого, что изо всех сил дую на них, и вдруг лопаются, не оставляя следа, будто обожглись о солнце, на которое невозможно смотреть. Я шурю, у меня даже голова кружится.

Солнце плывет в большом небе, обнимающем наш двор. Утром оно было за высоким тополем, растущим у забора, в углу двора, а сейчас висит прямо над моей головой, и мать велит мне пересесть под старую грушу, где стоит обеденный стол с двумя скамейками, врытыми в землю. Когда придет отец и застучит носиком умывальника, фыркая на весь двор, мать накроет стол белой скатертью и расставит на ней посуду с перчаткой посередине, потому что отец все любит перчить. Но это будет еще не скоро. Мать опять велит мне уйти в тень, а я не уйду. Оттуда далеко бегать к корыту за пеной. Я сижу на траве, в которой роются куры.

У крыльца трава вытоптана, мне видно, что резинка на деревянной ноге стерлась вместе со шляпками гвоздей. Скоро потеряется, придется новую прибавить...

— Катя!
— Я сказала, помолчи, Ефимыч.
Ефимыч кладет на ступеньку возле себя жестяную коробочку с табаком, сворачивает из серой бумаги «козью ножку» (много позже я узнал, что она так называется, и вспомнил Ефимыча), закуривает, кашляет в кулак, трет щетинистые щеки.

— А он сегодня не задержится? Ничего не сказал?
— Нет.

— Ну, хорошо...
— Хм! — вырывается у матери.

Каждый день отец может задержаться. Он отправляет грузы со станции. Осенью,

когда возьет зерно, там, у складов, суетятся толпы сизых голубей... Бывает, солнце уже перевалило за крышу нашего дома, а отца все нет. Тогда мать посылает меня отнести ему еду в судаках и газете и узнать, когда он явится.

— Будто не соображаешь, что такое станция, Ефимыч. Сам не соображаешь, что ли?

Ефимыч тянет в дыму какие-то свои «э-э-э», «и-и-и», а потом выговаривает:

— Гера тебя любит.

Мать вытирает лоб мокрой рукой, направляет косынку на затылке. Белье хлопает и шлепает громче, из корыта летят брызги, а Ефимыч, глядя на мать, прибавляет с усмешкой:

— И ты его любишь.

Тогда мать поворачивает к Ефимычу странное лицо: сама улыбается, а брови сжаты.

— Не подлещивайся, Ефимыч! Всего-то надо тебе пол-литра!

— Не пол-литра, — обиженно ворчит Ефимыч. — Заладила: пол-литра, пол-литра...

— Литр! — смеясь, бросает мать.

А он придавливает свой окурочок о ступеньку, швыряет подальше, через кур, и просит:

— Ну, дай мне тридцать копеек.

— Прямо!

— Эх! — вздыхает Ефимыч. — А меня не любит никто!

Мать сливает воду из корыта и спрашивает:

— За что тебя любить-то? Эх, ты! Жил с Матвеевной, бить бы ей тебя, как следует, а у нее самой руки дрожали. Оба пили, какая уж тут любовь? Погубила тебя Матвеевна.

Ефимыч сидит, насупившись и набычась. Волосы у него перепутанные, торчат на голове, как попало, забыв о расческе и не нуждаясь в ней, щеки заросли как-то пятнисто, у трех бородавок, под незавязанным одиноким глазом, возле уха и на подбородке, плечи под натянутой рубахой костистые, видно, когда-то были мощные, да мощь с них стаяла...

— Не Матвеевна меня погубила. Я Матвеевну погубил, — мрачно поправляет он. — Ушла и правильно сделала.

— В другом месте пьет.

— Не знаю. И ты ничего не знаешь, Катя. Не знаешь, а говоришь. Зачем зря говорить? Да что Матвеевна! Была у меня краля...

— Слышала! Красавица писаная!

— А я прибыл вон какой! С гражданской.

Ковыляю по деревне — пляшут черти!

Мать полощет белье и усмеяется.

— Смотрю: она пляшет! И я пошел — на деревянной ноге. Забыл про ногу! И упал. Мордой в пыль. Посмеялись, подняли, отвели на бревнышко. И опять гармошка заиграла. Будто меня и нет. Хы!

— Врешь ты все! Да жалобно как врешь-то! Артист!

— Я думал, ты меня не слушаешь. Один пацан слушает. Слушай, — заторопился Ефимыч. — Я ее подстерег. «Ты же, — говорю, — ждать меня обещала. Клялась. Вот он я!» А она спрашивает: «Где? Половинка от тебя осталась. Не работник, не начальник. За что геройствовал?» Ах, дрянь!

Мать с укором велит:

— Не ругайся при малом, Ефимыч!

— Разве я ругаюсь? Про свою кралю тебе рассказываю...

— Не было у нее сердца, значит.

— Муженька-то ее на свадьбе я чуть не прибил. Насмерть. Уж это я пьяный был.

— Пьяному море по колено.

— Я и трезвый не боялся ничего. Ве-

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунок Е. ЮРЧЕНКО.

Рассказ

Духовой оркестр

ришь? По минному полю в разведку ползал... В один раз шесть деникинцев зарубил!

— Может, восемь?

— Нет, шесть. Спроси Геру. Вот я перед кем виноват, Катя, это перед Герой. Вызвал он меня в ваш город...

— На свою голову.

— Да... Это душа... В склад меня поставил, на учет, а ведь я нужную букву через раз пишу. Сторожем сажал на ночь, а я все слышал, как она спрашивает: «За что геройствовал?» Я-то знал. А она не знала! Дрянь!

— Ефимыч!

— Ну, дай мне тридцать копеек. Хочешь, я тебе песню спою? Веселую...

Не прокашливаясь и не церемонясь, Ефимыч сразу запевает:

Не с кем мне, молодке, ночью ночевать,
Ночку ночевать, темну переспать,
Переиду на ту сторонушку, где милый ^{живет,}
Речка глубока, жердочка тонка...

— Песня хорошая, да голос у тебя не тот! — смеется мать, выкручивая бельё.

— Я ночам даже плакал там, Катя, на станции.

— Тебе сейчас бы поплакать-то над собой!

— Слез нет. Слез у человека ограниченный запас. Кончились. И нашла на меня тоска.

— Ой, Ефимыч! Какая еще тоска?

— Человеческая. Что же я — не человек? Да мне...

— О господи! — перебивает мать. — Надоел ты мне, Ефимыч!

— Надоел, значит, помирить пора, — отвечает Ефимыч, пока мать сердито стряхивает с отцовской рубашки брызги. — Эскадрон! Шашки к бою! На врага, в атаку, за мной, марш, марш!

Он встает и подмигивает мне. А я замечаю, какой у него глаз. Всегда казавшийся тусклым, он еще светится одной живой точкой, и эта точка такая веселая, что я перестаю воображать, как Ефимыч полз по минному полю и один зарубил шесть деникинцев, потому что эта точка и мигающее веко выдают в нем обманщика.

— Ухожу я, Катя.

— Слава богу.

Он идет, переноса свою деревяшку короткими взмахами. Идет, и что-то в его ноге поскрипывает... Мать вешает бельё на веревку. А я вдруг вижу, как Ефимыч хватается за грушу, за край стола под ней и приседает, словно его ударили в живот.

— Марш, марш, да не сразу, — ворчит Ефимыч и трясет лохматой головой.

— Мама!

Ефимыч хрипло вдыхает на весь двор, но мать даже не поворачивает головы к нему, и он уходит, а мать говорит сама себе за бельём:

— Брехун! Притворяется! А всего-то надо ему...

...Вся наша улица знает, что всего-то надо ему пол-литра, и вся зовет его брехуном, но я подбегаю к матери, прижимаюсь и бормочу:

— Он папу спас!

— А ну! Брешут, чтобы пить вместе.

В нашем дворе уже тень, только верхушка тополя освещена из-за крыши дома, но мне видно все солнце, потому что я стою у ворот, на улице, жду отца. Я люблю бежать к нему, когда он выходит из-за дальнего угла и расставляет навстречу мне руки. Люблю тыкаться губами в его колючие усы.

Но вот уже и на улице тень.

Вернувшись во двор, я вижу накрытый стол и говорю:

— Нету.

А потом бегу с газетным свертком на станцию. В газете два куска хлеба и теплая котлета между ними. Мне хочется добежать, пока она не остыла, и я решаю, что не буду останавливаться у цирка, где висят картинки с борцами, выкатившими грудь и растопырившими надутые руки. Потом рассматриваю, сейчас только гляну...

— Ав! — раздается за спиной лай, короткий, как у нашего Рыжика. И я получаю ласковый отцовский подзатыльник.

Возвращаемся мы вместе. Отец ставит на стол бутылку, спешит умываться, а мать сердится:

— С чего это ты? С полочки, что ли? Или так уж, как Ефимыч?

— Не с полочки, — улыбаясь в полотенце, гудит отец. — Рано для полочки.

— Вот я и спрашиваю: с чего?

— Есть с чего, раз принес. Такой день. А ну, сына, за Ефимычем! Быстро! — подаёт он мне свою отцовскую команду.

У Ефимыча небольшая коморка в доме наискосок, через дорогу. Окно смотрит в забор, почему-то поставленный вплотную. Если хочешь заглянуть в окно, обязательно вытрешь забор штанами. Ефимыч лежит на своей одинокой койке, и я захожу в узкую комнатку, отряхивая штаны. Пахнет табаком и мышами. Я останавливаюсь, переступив порог, вижу стертую резинку на деревянной ноге Ефимыча, простой, как палка, вижу кривую железную лапу в углу, на которой Ефимыч чинит ботинки всем соседям, смотрю на заросшее лицо Ефимыча:

— Заболели?

Ефимыч морщит лоб, и губы его морщатся. Наверное, ему больно улыбнуться, как он всегда мне улыбается. И я тоже морщусь.

— Отец пришел и зовет. Пойдемте, а?

Он качает из стороны в сторону головой на жидкой подушке. Не хочет. Я тихонько стою, не поворачиваясь.

— А какой такой сегодня день?

Ефимыч лежит, прикрыв глаз, как мертвый. Потом открывает свой одинокий глаз, долго смотрит на меня и шепчет:

— Обыкновенный.

Я еще не ухожу.

— А правда, что вы шесть деникинцев зарубили? В черкесах?

Я напоминаю ему подробности из прошлого его рассказов, чтобы он разговорился. Он любит рассказывать истории, даже когда его никто не слушает. Ефимыч долго набирает воздух, как будто разучился дышать, кивает головой, ничего не сказав. Тогда я убегаю.

— Папа! Ефимыч лежит на койке нераздетый!

— Пьяный?

— Нет!

Отец встает из-за стола, на котором пускает пар фаянсовая супница, стоят всем тарелки, и Ефимычу тоже, а возле тарелок для отца и для него — две рюмки с водкой и перцем на донышке. Отец думал, что я его приведу. А они всегда посыпали водку перцем...

— Ну вот! — в отчаянье машет руками мать. — Грела, грела, и опять! Поешь!

Но отец не слушается ее, уходит, и она чуть не плачет, пока его нет. А он, вернувшись, говорит:

— Я поем, Катя, а ты беги за доктором. Ефимычу что-то плохо.

— Еще бы!

— Беги бегом! — обрывает ее отец.

Он молча и шумно ест, пока мать снимает фартук, тянет, следит, что ему подать.

— А какой сегодня день такой? — спрашиваю я отца.

— Я рассказывал, как белые наступали, мы отступали, — отвечает он, оторвавшись от тарелки и глядя на меня. — Как оставили меня в землянке одного, в тифу. Авось не убьют! Убили бы. Но за мной Ефимыч вернулся, на себе унес. Так вот, было это сегодня, только десять лет тому назад. Ровно.

— Правда, что ли? — спрашивает мать в тишине.

Рыжик позвякивает цепью.

— Придумали, чтобы выпить.

— Вот, не пью же, — говорит отец.

— А чего раньше не сказал, что правда? Мне сказал бы!

— Так ты ж не веришь, Катя. И Ефимыч не велел. Ты его за это поила бы, а не для того человек человека спасал.

Рыжик погремел цепью, требуя еды. Сегодня, по его разумению, что-то слишком долго обедали.

— Нет, Гера, это...

— Беги!

Мать ставит тарелку с жарким на край стола и убегает, а отец гладит меня по голове, ерошит мои вихры. Жаркое стынет, Рыжик подбирается к столу и всё звенит и звенит цепью, ожидая костей. Отец зацепляет вилкой из тарелки кусочек мяса, кивает на остальное:

— Отдай ему.

А сам встает и уходит...

Ефимыч умер. Вся улица говорила, что это хорошо, потому что все равно смотреть за ним некому. Еще говорили, что его и похоронить некому. Ни одного родного человека...

В то утро я сидел дома. Отец и мать ушли, а мне запрещено было выходить за калитку. Было тихое небо, и тихая, как обычно, улица, даже еще тише, чем всегда, и я что-то делал во дворе, не помню что, как вдруг по тишине ударила музыка.

Я выбежал за ворота.

На улице собралось много всех. Я пробирался сквозь толпу, спеша увидеть оркестр и слушая шепоток:

— Отпрыгал свое Ефимыч.

— Допрыгался.

— Допился.

Но даже этих нешумных разговорщиков осекли:

— Тише... Имейте уважение!

Оркестр был военный. Он стоял у забора, и трубы гремели и блестели. Я бы никогда не подумал, что этот оркестр пришел хоронить Ефимыча, но ведь больше никто не умер.

Из открытых ворот на кумачовой материи, как на полотенце, вынесли что-то. Боец нес, молодой и печальный.

— Гляди! У него орден был!

— Настоящий!

Потом вынесли самого Ефимыча в красном гробу, заложенном цветами так, что вовсе не было видно лица. Медленно двинулись своими рядами другие военные, все молодые бойцы, только командир был старый, с бородой.

А духовой оркестр еще стоял на месте и играл. Тяжело вздыхала самая большая труба. Бил и охал барабан. Играя, оркестр пошел за всеми, но его пропустили вперед и подождали, пока он не оказался впереди ордена.

Мать и отец взяли меня за руки и повели. А за нами шла чуть ли не вся наша улица. Слепительно светило солнце. На кладбище я увидел, что по лицам музыкантов тек пот. Еще бы! Все просто стояли, а они играли опять. Медные тарелки, которых Ефимыч не слышал, до сих пор звенят у меня в ушах. И еще я помню, как мама сказала:

— Господи! А я его обидела!

Семейное счастье приходится завоевывать. У одних это происходит легко, у других — труднее, но у всех борьба за семейное счастье неизбежна.

Чуть-чуть статистики. Из тысячи бракоразводных процессов 400 вызваны конфликтами, возникшими в первый же год после свадьбы, причем часто уже через два-три месяца...

Конечно, кое-кто просто сделал скоропалительный выбор и ошибся. Но многие из опрошенных сообщили, что до свадьбы они были знакомы довольно долго, что женились по любви, твердо веря в прочность взаимных привязанностей.

Выходит, даже подлинное чувство не всегда гарантирует успех при переходе с рельсов «холостяцкого» ухаживания на рельсы супружества! Отчего так?

Начнем с вещей, лежащих на поверхности, — с ломки привычек. У каждого человека множество привычек, крепко въевшихся, ставших, по пословице, «второй натурой». Сами за собой мы их почти не замечаем и даже не подозреваем часто, насколько в быту мы рабы каких-то мелких слабостей, пристрастий, повадок.

И вот уже на следующий день после свадьбы выясняется, что любимому существу некоторые ваши привычки не по нраву. Да и у «существа», оказывается, тоже есть мешающие вам черточки. Пока вы бегали друг к другу на свидания, вы и понятия не имели о каких-то там деталях, не думали о них совершенно. Но теперь, живя бок о бок, начинаете замечать все. Он оглушительно чихает в самые неожиданные моменты; она не открывает форточек, боясь сквозняка; он перед сном курит и тычет окурки в пепельницу возле кровати; она не выносит запаха табачного дыма; она любит в воскресенье поспать, он имеет обыкновенные вставать рано и вечно будит ее, не умея двигаться бесшумно; она... он...

Когда подобных, в общем-то микроскопических несоответствий много, уже нужны некоторые усилия, чтобы их переварить. Уже нужно умение понять пустячность взаимных претензий.

То, что мы называем второй натурой, психологи именуют динамическим стереотипом. Капитальная перестройка динамического стереотипа, то есть ломка одних привычек и выработка других, утверждают они, может вызывать подспудное, внешне беспричинное раздражение, беспокойство, повышенную чувствительность... И какую бы нежность молодые ни испытывали друг к другу, некое обоюдное внутреннее сопротивление будет непременно присутствовать на первых порах в их отношениях.

В быту немало прозаической повседневности — стирка, уборка, магазины, грязные носки и немытая посуда. Не всякому удается преобразить для себя суету вокруг зарождающегося домашнего очага в радостное служение любимому.

А жизнь берет свое: каким бы студенческим ни был поначалу уклад новоиспеченной пары, в конце концов молодежь принимается «обставляться» и «устраняться». Им приходится обычно нелегко и с жильем и с бюджетом, — пока не научатся планировать и укладываться в нужные рамки... Смотрите, что-то уже «не то» и «не так», какая-то тень, если не разочарования, то упрощения и огрубления чувства, нависает над молоды-

ми. Иногда нависает так скоро, что их оторопь берет: уж не поспешили ли они со свадьбой, не обманулись ли!

Скажем сразу: источником подобных «разочарований» является, как правило, упрощенное, наивное отношение к семейной жизни. Зачем представлять себе другого человека, пусть даже распрекрасного, таким эфемерным созданием? Все мы едим, пьем, моемся и сморкаемся... Это общий знаменатель, его надо отбросить, он не имеет никакого значения. Важно, что в числителе. Только то, что в числителе!

Если это понять (заранее понять, до совместной жизни), понять и усвоить, что любимый может, к примеру, страдать бессонницей, а любимая периодически недоумает, — то никаких «Ах, кто бы мог подумать!» не будет и в помине. Вы сознательно пойдете на некоторые «психологические издержки», но перенесете их без ущерба для чувства.

Однако при всем том важно не «распускаться» друг перед другом. Побольше опрятности, чистоплотности, такта и уважения. Поменьше «простоты нравов», хотя бы вначале, пока еще не свыклись, не сжились и не перестали замечать бытовую шелуху.

Интересно, что в Болгарии после исследования причин разводов среди недавно пожившихся пар решено было, в частности, резко улучшить ассортимент и качество... домашней одежды. Молодоженам предлагается большой выбор уютных и привлекательных халатов,

курток, ночного белья, кокетливых фартуков, шлепанцев.

А теперь поразмыслим о ваших родителях — о теще, тесте, свекре и свекрови. Тема для многих болезненная, нелады здесь не в диковинку.

Создание собственной семьи и отдаление юных супругов от родителей и одновременно в чем-то сближает с ними. Хозяйственная беспомощность нередко вынуждает обращаться за поддержкой к старшим. Кроме того, появляется потребность поделиться планами, радостями, услышать добрый совет. А на советы родители в подобной ситуации очень щедры.

Но все ли советы должны приниматься молодоженами как руководство к действию? Вопрос крамольный. Что же, мы отрицаем родительский авторитет? Проповедуем неуважение к старшим? Или не верим, что их рекомендации продиктованы горячим желанием добра?!

Нет, мы не отрицаем, не проповедуем и верим... Только вспоминаем случаи, когда, желая добра, тещи и свекрови разбивают молодые, потенциально жизнеспособные семьи. И поэтому, сберегая свое счастье, молодые, если они любят, если уверены в правильности своего выбора, не должны позволять никому — никому! — вставать между ними.

Родители пристрастны. Им все кажется, будто краше собственных детей на свете нет. Все грезится сказочные зятья и невестки, которые будут их боготворить, забывая о себе, холить и нежить. И, случается, обе стороны втайне счита-

Молодожены

Фото нашего читателя В. Широкопояса (г. Иркутск).



Первенец.

ют женитьбу, замужество своего чада неудачными.

Сколько порой предвзятости и подозрительности проявляют старшие к невестке и зятю! Уверены, что в них говорит «родительское чувство», «материнское сердце». А на самом деле их точит тайная ревность, боязнь одиночества, стремление сохранить власть над ребенком, в которое вложено столько сил, столько надежд, столько любви! Нячили-нячили, учили-учили, и вдруг оно их покидает ради какого-то совершенно чужого человека, оно отдаляется... Ну, разве не горько?

Правда, горько. Умом-то отцы и матери понимают: пришло неизбежное, сработал закон природы. А сердцу все равно горько. Их пристрастность, невольная жажда удержаться около себя, их ревность — за все это осуждать родителей нельзя. Чувства эти естественны. Но когда они вырываются наружу, то в состоянии порой наделать беды.

Потому десять, сто раз подумайте, вы, молодые, прежде чем поверить родственникам, будто вы и ваш муж (или жена) «не пара». Не впускайте в едва родившуюся семью нашептываний, намеков, косых взглядов. Не поддавайтесь на удочку тщеславия, коли вам возьмутся твердить, что вы-де достойны лучшей доли. Не прислушивайтесь к популярному припеву: «Все они одинаковы!»

Может быть, вашей половине говорят точно то же самое, вплоть до «Все они одинаковы!». Что же будет с вашим домашним очагом, если вы оба поверите?!

Значит, держаться от старших подальше? Не посвящать в свои дела? Отвергать любые наставления и пользоваться их опытом лишь в пределах заимствованных кулинарных рецептов?

Тоже нет. Прежде всего оговоримся: далеко не все родители сознательно или бессознательно стремятся внести рознь в молодую семью или навязать ей собственные взгляды. Многие умеют сохранять объективность, инстинктивно избегают вмешиваться в отношения юных супругов, а при размовах мудро берут сторону зятя (или невестки), а не сына и дочери. Такие родители — честь им и хвала! — помогают молодым ужиться, укрепить свой союз.

Но даже если отец и мать ведут себя не идеально, разве допустимо забывать людей, которые дали вам жизнь, вскормили и воспитали вас? Они заслуживают уважения, благодарности, любви... и терпимости. Когда-нибудь ваши дети вырастут, женятся и выйдут замуж, и для вас наступит черед испытать то же самое, что ныне испытывают ваши родители. Вам тоже будет без детей тоскливо и пусто и тоже, вероятно, будет казаться, что виноваты тут «неудачные» невестки и зятья.

Если родители сумели дружно и ладно прожить свой век, если детство вспоминается вам радостным и интересным, у них и по-прежнему есть чему поучиться, на их опыт можно полагаться смело. Вы еще не раз черпнете на протяжении жизни из этого источника.

К разряду весьма распространенных и вредных напутствий, даваемых молодым, относятся и такие: «Главное — сразу себя поставить», «Пока любит, надо забрать его (ее) в руки. А то избалуешь, потом на шею сядет!», «Ты не поддавайся ему (ей), не поддавайся. Или у тебя гордости нет?»

Не дай бог принять эти напутствия всерьез! Сразу поселятся в неокрепшей еще семье подспудная неуверенность, ревность, подозрительность. А хуже всего эта пресловутая «мужская гордость» и «женская гордость». Мы говорим «пресловутая» потому, что в данном случае не о гордости вовсе идет речь, — речь обычно идет об уязвленном самолюбии, о примитивном желании взять верх.

В супружестве форма любовных отношений меняется и наполняется более глубоким значением. Пока шло ухаживание и «жениховство», допустима была какая-то игра, испытание своей власти над возлюбленным, проба любви на прочность. И «девичья» или «мужская» гордость (в том мелочном смысле, какой мы имеем здесь в виду) находила себе изрядную порой пищу. Но переносить подобные нравы в семейную жизнь по меньшей мере неразумно. Как часто ложно понятая гордость, строптивость, чувство противоречия толкают на стычки, даже на обоюдные оскорбления!

Ничтожный пустяк — вспыхивает негодование, вскипает кровь, сыплются резкие слова... И вот уже сидят у домашнего очага не муж и жена, сидят две сплошные «гордости», и очаг начинает так чадить, что того и гляди глаза выест. И все почему? Потому что обидно, поддаться, согласиться, уступить!

Разве супружество — поединок? Разве дозволено строить его по правилам бокса или хотя бы шахматной партии? Ведь вас теперь не просто двое, вы семья! Теперь не приходится считать очки в пользу жены или мужа. Теперь уже и выигрыш и проигрыш общие. Вернее, всегда будут только проигравшие — люди, утратившие доверие, нежность, чуждость друг к другу.

Он и она вышли из разных семей, получили разное воспитание, у них разные темпераменты, бытовые навыки, пристрастия. Их эмоциональный склад, тип интеллекта, внутренние ритмы, которым подчиняется смена настроений, — все более или менее несхоже. Искать полной гармонии бесполезно. А произойди чудо, найдись пара совсем одинаковая, не исключено, что ей пришлось бы туго: постоянно хочется одного и того же (а семья требует разделения функций), взаимный интерес быстро угасает без малейшей борьбы мнений.

Нужна объективность при оценке поведения друг друга. Требовать, чтобы другой приравнивался к тебе, и не делать ни шага навстречу — нечестно, да скорее всего и бесполезно. Молодая чета, бьющаяся в каких-то противоречиях, должна знать, что попытки отрегулировать эти противоречия за счет одной стороны бессмысленны. Редчайший случай, когда корень зла лишь в нем или в ней. Ни он, ни она, как правило, не совершенство. Значит, если они хотя и дальше быть вместе, перестраиваться надо обоим (разумеется, не всегда в равной мере).

Побольше юмора, побольше снисходительности к извинительным недостаткам любимого человека, побольше ласковой терпимости.

Трудно? Утомительно? Просто никакого терпения не хватает? Но ведь вы же любите друг друга, верно? А раз так, о чем речь? Неужели любовь не стоит жертв?

А. ЛАВРОВ,
О. ЛАВРОВА

Стихи поэтов гор

Мирза МАГОМЕДОВ

ЧЕЛОВЕК

Он плачет, родившись, и слезы отчаянно
льются...
Возможно, ему не пришелся сей мир
по нутру?
Но солнце увидит — и к солнцу он
станет тянуться,
как будет тянуться всю жизнь к красоте
и добру.
И встать он захочет. Пускай удастся
не слишком,
пусть неодолимы преграды на первом
пути...
А все же он встанет, как будто он знает,
мальшшка,
что нет ничего унижительней в мире —
ползти!

Перевел с лакского
Игорь Михайлов.



Хазби ДЗАБОЛОВ

СОНЕТ ДЕВУШКЕ

Серебряные нити из короны —
Седые волосы не рви из кос!
На горы посмотри: чернеют склоны,
Высокие вершины снег занес!

Ты яблоко на самой верхней ветке,
Краснеющее где-то вдалеке.
Хоть слаще не были твои соседки,
Ленивой легче их достать руке.

Кого-нибудь обрадовать хотелось,
Побегами зелеными расцвевать...
Но не жалеешь ты о том, что есть,
Неласкового не клянeshь удела

И, гордая, не подавая виду,
В себе таишь высокую обиду.

СОНЕТ МАТЕРИ

Мы встретились с тобой на самой грани
Земного бытия с небытием,
И ты исчезла в ледяном тумане,
Мне жизнь отдав, согрев своим теплом.

Глаза закрыла ты, а я открыл глаза
И закричал, и с этим первым криком
Последний твой смешался, мне грозя
Грядущим горем и тоской великой...

Не знали мы друг друга никогда.
Но все, что лучшего нашел на свете,
Что потерял, казалось, без следа,
Я навсегда собрал в твоём портрете.

И в женщинах, что славятся молвой,
Мне хочется увидеть образ твой!

Перевел с осетинского
Сергей Залин.

Высокая награда



Евдокия Ивановна Селихина, бригадир маляров Черноморского судостроительного завода, смеется, вспоминая первые дни на верфи: — Когда я впервые увидела огромный корабль, стоящий у пирса, то подумала не о том, справимся ли, окрасим ли мы, маляры, такую махину и внутри и снаружи. Подумала другое: «Где взять столько краски?» Время — 1950 год — было трудное. Город Николаев, разрушенный в войну чуть не дотла, отстраивался, и строительных материалов требовалось столько...

Но краски хватило — и для города, и на этот корабль, и на все остальные, которые отделявали Евдокия Ивановна Селихина и ее бригада. Много их, и больших и малых судов, ходят теперь по морям и океанам, радуя моряков красотой и прочностью окраски. Добросовестная работа маляров не только украшает корабль — это гарантия его долготлетия.

Безупречно трудится бригада Селихиной. За смену маляры делают самое меньшее 170% нормы, и это при отличном качестве.

Отделку китобазы «Советская Украина», например (а база — целая плавучая фабрика), закончили за два месяца раньше срока. И это не исключение, это стиль работы бригады.

Вот почему бригадир ее Евдокия Селихина недавно отмечена высшей наградой страны — орденом Ленина.

А. ПЛЯСКОВА



Наталья Фроловна Лагутеева (слева) и Александра Павловна Соловова — москвички, а работают сейчас в Ташкенте. И к ордену Ленина были представлены там.

Родным стал для них Ташкент: своими руками поднимали они из праха его дома, его кварталы. Такими же своими стали, например, для Натальи Фроловны и Куйбышев и Целиноград... Дело в том, что эти женщины — строители и за двадцать лет работы породнились со многими городами. Строитель приходит на пустое место, как сеять на голое поле, а оставляет после себя дом, дворец, город, как пахарь колосающую ниву.

Как-то так получилось, что Александра Павловна и Наталья Фроловна принимали участие в возведении самых знаменитых зданий нашего времени. Машинист башенного крана Соловова строила Телебашню в Останкине, Институт имени Курчатова. Штукатур Лагутеева отделывала Дворец спорта в Лужниках, Дворец съездов в Кремле.

Сейчас силами строителей разных городов и областей заканчивается восстановление Ташкента. Скоро Александра Павловна и Наталья Фроловна вернутся домой, в Москву.

П. ДЯТЛОВ



В. А. Тропинин (автопортрет).

Крепостной художник

В 1815 году в имени графа Морнова произошел неприятнейший случай. Граф с великосветским раболепием перед всем заграничным принимал некоего «ученого француза». Осмотрев именные и собранные картины, гость был приведен, наконец, в мастерскую художника. «Француз, — как вспоминает современник, — пораженный работой живописца, много хвалил его и одобчительно пожимал ему руку». Когда в обеденный час в столовой появился тот же живописец, «живой француз схватил порожний стул и принялся усаживать на него Тропинина за графский стол». Произошло ужасное замешательство: француз растолковали, что Василий Тропинин — крепостной, «раб», занимается живописью с милостивого графского разрешения, в столовую явился в качестве лакея.

Василий Андреевич Тропинин родился крепостным графа Миниха. Как вещь, вместе с приданной дочери Миниха, он перешел к графу Морнову. Морнов и отправил его в Петербург, где Тропинин в возрасте 21 года стал «посторонним учеником» Академии художеств.

Напомним, что в те годы в академии начинали учиться с детских лет. Считалось, что рисунок и живопись требуют тренировок с младчества и зрелый человек искусством художника овладеть не сумеет. Однако Тропинин учился успешно, и уже через несколько лет его картина «Мальчик, тоскующий об умершей своей птичке» имела на выставке большой успех. Только к этому времени «воля» барина изменилась, и, не дав Тропинину закончить курса, Морнов отозвал его к себе в имение, где на положении полулакея-полуживописца его и застал «ученый француз».

Лишь в 47 лет, уже известнейшим художником, Тропинин вырвался из неволи. Но сын художника еще несколько лет оставался крепостным.

В год 1823-й, тот самый, в который Василий Андреевич Тропинин был отпущен баринем на свободу, им была создана одна из лучших его картин — «Кружевница».

Академия не поощряла изображения лиц простого звания, ибо «целью искусства вообще должно быть изображение природы в изящнейшем виде», а «изящные соразмерности не суть удел людей известного класса».

Вместе с крепостным художником Тропининим вошли в русское искусство образы людей, которые, по убе-

ждению представителей официального искусства, не могли служить «пленительной моделью». Это «Слуга Тоштофом», «Старуха с мурицей», «Пряха», «Золотошвейка», «Крестьянин, обстригающий ностыль». Картины, свидетельствующие, что трудящийся человек являет собою воистину «пленительную модель».

В Третьяковской галерее выставлен карандашный рисунок Тропинина — этюд и «Кружевница». Кружевница на этом рисунке, сделанном, очевидно, с натуры, и старше, и прозаичнее, и менее красива, чем ясноглазая девушка с картины. Работая над картиной, художник «облагородил» свою модель, но сохранил естественность и простоту первоначального наброска.

Тропинин боролся за правдивый портрет, лишенный официальной парадности.

И кружевница «забыла», что она сидит для портрета: она работает. Только на секунду девушка взглянула на живописца, руги ее продолжают свое дело. Одна рука держит нолшувку, другая вальсует булаву. Внизу картины мы видим кончик работы — конец того нежного, пышного, прекрасного кружева, которое десятками метров шло на костюмы дам и над которым слепли крепостные.

В парадных портретах огромное значение имели ансессуары. Художник тратил много времени и таланта на изображение кружев, мехов, шеллов, страусовых перьев, многочисленных драгоценностей. В портрете работницы подобная задача не стояла. Кружевница одета в скромное платице, на плечах ее бедная косынка. Но эта привычная, обжитая одежда мягко облегает тело и выявляет его пластику лучше, чем жесткие от золотого шитья и крахмала платья барынь.

Все просто в этом портрете. Но тем ярче бросается в глаза красота и свежесть девушки, ее упругая, здоровая кожа, более прекрасная, чем атлас дорогой одежды. Ясный и радостный душевный мир девушки легко читается на ее лице, юношеским задором светится лукавый взгляд.

Посмотрите, как внимательно прорисовал художник руки. У кружевницы крупные кисти рук с детства работающего человека. Они словно живут своей собственной жизнью, привычно продолжают работу, хотя девушка смотрит в сторону. Ногти на руках кружевницы аккуратно и глубоко пострижены, чтобы, не дай бог, не задеть нитку кружева, не испортить его. Испорченная работа грозила барским гневом, а порой и физической расправой.

Тропинин, много работавший на заказ, создал картины разной ценности. Среди его портретов мы встречаем портреты официальные, холодные, написанные художником с закрытой душой. Но лучшие его портреты выделяются особой задумчивостью. Среди них — портреты жены, сына и великодушный портрет А. С. Пушкина. К числу лучших относится и «Кружевница».

На вкладке:

В. ТРОПИНИН
КРУЖЕВНИЦА.

Для вашей галереи • Для вашей галереи • Для вашей галереи • Для вашей галереи • Для вашей галереи •





К. БРЮЛЛОВ. ВСАДНИЦА.



К. П. Брюллов
(автопортрет).

В день окончания Академии художеств Карл Брюллов вынес из актов зала «полные пригоршни» медалей. Его называли «Карлом Великим», «Новым Микеланджело». Его любили Пушкин, Герцен, Белинский и Чернышевский. Гоголь написал о нем: «Кисть его можно назвать сверкающей, прозрачной». И в основе его успеха лежал не только яркий талант, но и работа.

Брюллов утверждал: необходимо начать рисовать с младшего возраста, чтобы приучить руку передавать мысли и чувства, подобно тому, как скрипач передает на скрипке то, что чувствует.

Но до пяти лет болезнь держала маленького Карла в постели, и он рисовал грифельом на грифельной доске. Едва он встал на ноги, началась профессиональная выучка. Его отец, дед и прадед были художниками. Четыре его брата, так же, как и он сам, учились в Петербургской Академии художеств.

В девять лет Карл Брюллов был принят в академию. Уже в тринадцать рисовал натурщиков так, что ему завидовал бы зрелый художник. Об усидчивости Брюллова можно говорить языком цифр. Он сорок (!) раз скопировал скульптурную группу Лаокоона, десятки раз писал скрупулезные копии с портретов и этюдов великого испанского художника Веласкеса. Свою программную работу он переписывал восемь раз и получил за нее первую золотую медаль.

Приехав в Италию, Карл Брюллов продолжал учиться. Он выбрал для копии «Афинскую школу» Рафаэля и целых три года писал семидесят фигур этой фрески на холсте величиною в пять сажен.

Жестокая учеба дала Брюллову сверкающую и молниеносную кисть. Свой знаменитый автопортрет 1848 года он написал за полтора часа. Многие известные портреты написаны им за сеанс. Большую картину «Инесса де Кастро» он создал за семнадцать дней, «Последний день Помпеи» — за одиннадцать месяцев. Порою его приходилось выносить из мастерской на руках: он работал до тех пор, пока его держали ноги.

Но самое великое его очарование в том, что он умел скрыть свою работу. В его картинах не видно «пота». Казалось, ему так же легко и естественно писать, как птице петь. И внешний облик художника словно подтверждал это заблуждение: Брюллов был красив, весел, разговорчив, умел привлекать к себе сердца. По характеру он был независим и горд: поссорился с президентом Академии художеств Олениным, отказался от пансиона Общества поощрения художников, демонстративно никогда не носил орден Вла-

димира, пожалованный ему императором Николаем I. «Он мне очень понравился», — сказал о Брюллове Пушкин.

Человек в картинах Брюллова горд и прекрасен. «У Брюллова является человек для того, — писал Гоголь, — чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы».

Перед нами именно такой портрет. «Всадница» — под таким названием известен этот портрет. «Жованин на лошади» — называл его сам Брюллов. Жованин — это Джованнина Пачини, приемная дочь графини Юлии Павловны Самойловой, своеобразной, одаренной женщины, с которой Брюллова связывала нежная дружба. Девочка в розовом платье, глядящая на всадницу с террасы, — Амацилия Пачини, вторая приемная дочь Самойловой. Мы встретим этих же девочек позднее на двух больших парадных портретах Ю. П. Самойловой. И «Всадницу» художник писал по заказу Самойловой.

Джованнина еще девочка — ей четырнадцать лет. Может быть, она впервые надела длинную амалонку. Девушка подъезжает к веранде дома, осаживая разгоряченного коня тонкой, но сильной рукой. Рыжая собака заходит лаем. Маленькая Амацилия Пачини с восхищением и испугом смотрит на бьющего опытами коня. А у Джованнины бесстрастное лицо, как у настоящей светской дамы.

«Еще мало окончить картину, но надо окончить ее до волосков», — писал Брюллов. Картина «Всадница» окончена «до волосков»: сияют локоны девушки, красиво лежит кружево около шеи, ломким блеском переливается шелк. Но «до волосков» окончено только то, что кажется художнику важным. В полусумраке тонет легко и обобщенно написанный парк, аллея, по которой только что проскакала Джованнина.

Карл Брюллов был жизнелюбом. Не только «Всадница» — все его картины полны света, яркого цвета, героизма, даже в минуту гибели, прекрасны. Вокруг имени Брюллова кипели страсти. Путешествие самой знаменитой его картины «Последний день Помпеи» по Европе стало триумфом. В России Брюллов был объявлен первым русским живописцем.

Более века прошло после смерти Брюллова. Противоречивое, сложное его творчество вызывало различные, иногда диаметрально противоположные оценки. Действительно, в творчестве Брюллова был и неизжитый академизм, и излишняя эффектность, и театральность. Но умение художника передать натуру так ярко, осязательно, что давно умершие люди кажутся нам живыми, юными, торжествующе-прекрасными, радует и сейчас.

К. Брюллов оставил потомкам не только картины, он оставил учеников. Работая в Академии художеств, Брюллов показал себя умным, талантливым и добрым педагогом. Именно он высоко оценил талант крепостного юноши Тараса Шевченко и помог ему вырваться из крепостной неволи. «Его произведения», — писал о Брюллове Гоголь, — первые, которые могут понимать и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое искусство».

Ариадна ЖУКОВА

ВОКРУГ «ШАЛОСТИ»

«Сын мой, Ступин Володя, учился в девятом классе средней школы № 8 имени М. Горького г. Саратова. Еще в восьмом он попал в плохую компанию, начал курить, выпивать. Потом дал слово: водиться с этими друзьями больше не будет. За месяц до экзаменов заметно подтянулся в учебе, но отметка за поведение была снижена. Летом поехал в лагерь, а там не оказалось баяниста. И Володя стал работать баянистом (он закончил музыкальную школу). Привез из лагеря деньги, 42 рубля заработал. И книгу с надписью, и еще две почетные грамоты. Что я этим хочу сказать: мы с отцом успокоились, слава богу, все как будто стало хорошо, думали, повзрослел, поумнел. Но однажды звонят мне из школы: Володя пропусает уроки, приходит. А на следующий день опять звонят: Володя ударил мальчика из своего класса, Кузнецова Сергея, папкой по голове, и у того сотрясение мозга. Отец Сергея — прокурор нашего района.

Вызвали нас на педсовет. Вынесли решение: исклю-

чить сына из школы без права поступления в другие учебные заведения.

Я не защищу своего сына, но и так делать нельзя. На это есть одна русская пословица, и она очень правильная: с сильным не борись. Так и у нас, наш сын — простого рабочего, а их сын — прокурора, который одним взмахом пера написал в школу — немедленно исключить, и исключили. Где уж нам искать правду! Я уже однажды убедилась в этом: сама пошла в детскую комнату милиции, думала, как лучше сделать для сына, а оказалось, теперь его попеняют: «состоишь на учете в милиции». В жизни себе не прощу этого.

Я к вам обращаюсь, помогите Володе закончить среднюю школу.

Ступина А. В.»

Уважаемая редакция! Саратовский городской отдел народного образования сообщает, что Ступин Владимир обучается с 1 сентября 1969 года в средней школе № 3 г. Саратова.

Зам. зав. горно
К. Родионова.

В промежутке между этими письмами я была в Саратове. Сразу скажу, что история оказалась гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Сообщение горно нельзя считать ее благополучным концом.

Да, внешне все выглядело так, как писала Анна Васильевна Ступина. Показали мне и эти «роковые», по словам Ступиной, несколько строчек, которые обессиленно споют с линейки: «Таким хулиганам не место в школе, прошу этот вопрос решить, как положено в школе».

Просидев ночь у постели сына, услышав от врачей страшный диагноз, Кузнецов наутро пришел в школу к директору Буровой. А кто бы не пришел на его месте? А кто бы не написал? Его можно понять.

Кира Александровна Бурова знала: Кузнецовы много пережили с Сережей, в детстве мальчик тяжело болел, только последний год окреп немножко — и на тебе, сотрясение мозга... Стоял перед ней не грозный прокурор, явившийся в школу ввиду чрезвычайного происшествия и требующий возмездия. Стоял растерянный отец...

Пусть сколько угодно смотрит на меня подозрительных глаз, я скажу, что роль прокурора в этой истории случайна. Главное как раз в том, что дело Владимира Ступина не было решено «как положено». И именно это дало Анне Васильевне право считать: «С сильным не борись».

Я у Ступиных. Володи в городе нет, как всегда, отправили его летом отдыхать. На стол ложится фотография: чуть наместливо смотрит темноголазый крепыш, низенькая челка перечеркнула лоб, еще по-детски торчат уши — маленькие локаторы. Разглядываю снимок и слушаю:

Мать. Я, как узнала, говорю Вовке: ты что, с ума сошел, у него же отец прокурор! Пошли после педсовета к Кузнецовым. Сережа, и правда, лежит. Он у них слабенький, много ли ему надо было...

Отец. С кем грешки в школе не бывают, а его исключили. Обыкновенная же мальчишеская шалость! Хорошо, что еще сотрясение мозга, а если бы глаз выбил? Пришлось бы всю жизнь выплывать. Сначала мне, а потом сыну — я так и сказал Володьке.

Мать и отец не ужаснулись: Володя поднял руку на слабого. Они ахнули: замахнулся на сына прокурора! Именно в этом

увиделась опасность проступка сына, а не в том, что стал причиной несчастья, не в том, что неспособен контролировать свои действия, думать об их последствиях для окружающих. Ударил — неважно. Шалость — с кем не бывает? Важно, кого ударил, вот в чем родительский урок. Мотай, Володя, на пробивающийся ус...

Нет, прокурор не диктовал, как поступить с обидчиком сына. Он даже на педсовете не был, когда разбиралось это дело. Причина исключения Владимира Ступина из школы — его дикий поступок. И этот поступок был лишь последней каплей, переполнившей чашу учительского терпения.

Родителей Володи много раз предостерегали. Были тревожные сигналы. Но их в семье не принимали близко к сердцу.

«Не прощу себе», — говорит в письме Анна Васильевна, вспоминая, что обращалась в детскую комнату милиции. А куда же ей было обращаться, когда пропал сын, не пришел ночевать? Где он, что с ним? Помоги, милиция! Наутро явился ее Вовка пьяный...

Бедная, слепая мать, да если бы ты не обратилась в милицию, то милиция сама бы позвала тебя! Ведь не ты заявила о том, что сын хулиганит на улицах, вымогает деньги у маленьких, обирает пьяных. Это уже инспектор детской комнаты милиции вела свой тревожный реестр.

Объяснение: 11 февраля 1968 года я вместе с Резеповым, Шариным и Барановым пошел в баню. Мы зашли погреться в магазин «Вино — соки». Ребята закурили. Какой-то мужчина сделал им замечание. Потом мужчина пошел. Баранов и Резепов шли за ним, а я с Шариным сзади. На углу Баранов ударил мужчину. Он упал. У него слетела шапка. Баранов ударил по шапке ногой, и она отлетела в сторону. Мужчина закричал. Подошел к нам сотрудник милиции и привел нас в отделение. Обещаю, что больше безобразничать не буду.

14/II.1968 г.

Ступин В.

Замечу в скобках, что в этот день Володе исполнилось 15 лет. Объяснений, подписанных Володей, много в детской комнате. Все они кончаются одинаково: «Больше не буду». Но есть в милицкой папке и такой документ:

Докладная записка: 5 апреля я пошла к родителям Володи. Его не было дома, родители ответили, что он на тренировке (у Володи второй разряд по волейболу). Я отрекомендовалась. Тогда отец стал на меня кричать, что я пришла клеузничать, стал стучать кулаком по столу. Я очень тихо сказала, что я ему в матери гожусь. Он заявил, что я ему не даю пить чай, и ушел в комнату. Тогда и я ушла. Такое отношение я еще за всю свою жизнь, проработав 45 лет на общественной работе, не встречала.

Член домкома № 27 Александрова.

Школа, милиция, добровольные их помощники — все они наталкивались на решительную родительскую защиту. Я не один раз разговаривала с Анной Васильевной и Алексеем Валентиновичем, и как-то так получалось у них, что разговор неизбежно переходил на тех, кто их Володе помешал, кто обидел, придрался, слишком строго обошелся с ним. Не слышали Ступины главного предостережения: смотрите, из поступков уже сложился характер! Та же Римма Васильевна Денисова, инспектор детской комнаты, считает самым тревожным не случай, за который Владимира Ступина исключили из школы, а то, что у подростка возникло чувство безнаказанности. Он уверен: «шалости» простят, если скажешь «больше не буду». Человек, стоящий на пороге зрелости, умело пользуется тем, что к нему снисходительны как к ребенку.

Не было, значит, у школы союзника в семье. А поступки Володины все накапливались — и вот, наконец, последний, действительно безобразный. Исключили...

Юмор



— Пока ты, папа, спал, я разукрасила твои брюки...

Рисунок Е. Шабельника.

Но почему же «без права поступления»? Кто может утверждать, что шестнадцатилетний человек — потерянный человек? А вдруг найдутся педагоги и обстоятельства более сильные, под чьим влиянием Ступины по-другому взглянут на себя? И тут выясняется: формулировка «без права поступления» появилась в результате... запальчивости учителей.

Кира Александровна Бурова: «До педсовета и мысли такой не было. Стали собираться на педсовет. Владимир у двери класса стоит. Конечно, каждый ему скажет что-нибудь: «Как же, мол, ты...» А он развалился у стенки и ухмыляется: «Подумаешь, возьму документы и отдам в другую школу. Вот вам и исключили!» Тут мы все взорвались. И документы ему несколько дней не отдавали, чтобы почувствовал...»

Удивительно! Не то, что учителя возмутились: в конце концов живые же они люди, не мудрено порой и взорваться. Но разве снимает это с них ответственность за судьбу подростка? Пусть даже исключенного из школы.

Приняли постановление не для того, чтобы на самом деле лишить Володю права учиться, а чтобы «прочувствовал». Но что получилось дальше? Горону, утвердив исключение, указало школе на то, что она превысила свои права, записав насчет лишения права продолжать образование в других учебных заведениях. Но решение педсовета школы уже было отослано в комиссию по делам несовершеннолетних при исполкоме райсовета. Родителям Володи об отмене формулировки «без права поступления» никто не сообщил.

Пришлось уезжать парню из дому: родители устроили его учиться в область, у дяди (он учителствует в сельской школе).

Не только минпросовские правила, простая логика нарушена. От семьи справедливо требуют повышенного внимания к воспитанию трудного подростка, но тут же создают обстоятельства, при которых этот подросток, по сути дела, оказывается оторванным от семьи.

У комиссии при райсовете задача не столько карательная, сколько спасательная. Комиссия эта, как правило, сталкивается с подростком и его семьей, когда почти весь арсенал воспитательных средств исчерпан. На этом этапе важен анализ причин, приведших к печальным последствиям, но еще важнее — найти рычаги, при помощи которых можно круто повернуть жизнь трудного мальчишки.

Беру на себя смелость утверждать: вряд ли комиссия вдумчиво отнеслась к делу Володи. Формально вроде бы решили все правильно: дали согласие на исключение Владимира Ступина из школы, учитывая его влияние на слабохарактерных ребят и возрастающую общественную опасность его проступков. Постановили оштрафовать его родителей за допущенную безнадзорность сына. Володю направили на работу и обязали заводской коллектив помогать семье Ступиных в воспитании сына. Но при этом не обратили внимания на незаконное, уже отмененное горону «без права поступления». Направление на завод дали, не вникнув в то, что родители и слышать не хотят, чтобы сын работал. «Направление так у нас и валяется», — презрительно сказал мне Ступин-старший...

Не обратила комиссия внимания и на то, что перед ними стоят люди, считающие себя и своего сына ни в чем не виновными, незаслуженно обиженными. И остались Ступины при своем мнении: несправедливо обошлись с Володей. Несправедливо в школе. Безучастно в комиссии. Даже то, что штраф с них забыли взять; истолковали по-своему: «Пугнули только, — права не имеют». О судьбе сына, о том, каким человеком растет Ступин-младший, по-новому не задумались. А ведь Алексей Валентинович Ступин не всегда глух к укорам. На заводе «Газоаппарат», где он работает, мне рассказывали: его одно время «песочили» за выпивку — и тоже как об стенку горох. А стал он делиться с товарищами бедой — сын, мол, курит и к бутылке прикладывается, его и поймали на слове: «Что же ты его коришь, если сам...» И вот начальник цеха А. М. Говорков свидетельствует: «За последний год Алексея как подменили».

Воспитание — процесс общественный. Воспитывают (думая об этом или не думая) не только тех, кого прямо касаются меры воздействия, но и свидетелей этих мер. Придя на завод «Газоаппарат», я услышал мнение: «Володьке дали волчий билет, потому что прокуророва сына тронул». Вот какой молвой обернулась, казалось бы, незначительная ошибка воспитателей. И никто на заводе не попытался узнать действительно положение вещей, объяснить его людям, поговорить серьезно с отцом...

Поэтому я и сомневаюсь, можно ли сказать, что история окончилась благополучно. И еще по одной причине. Да, учится Володя Ступин в десятом классе. Я желаю ему успехов в учении и во всей жизни. Только вот вспоминаю его темноголозое мальчишеское лицо и спрашиваю себя: «Что уловили его ушилокаторы? Чем обернулась эта история для него? Суровым жизненным уроком или очередной прощенной шалостью?»

Л. НИКОЛАЕВА

КИТЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Король маршей

Если вы внимательно читали все, что до сих пор было написано, то наверняка заметили, что, говоря об одном из «китов», я часто затрагивал какого-нибудь другого, говоря о другом,— часто касался третьего.

Избежать этого я не мог по той простой причине, что между нашими «тремя китами» нет непроходимых пропастей, потому что они крепко и нерасторжимо связаны друг с другом. Связаны потому, что и песня, и танец, и марш рождены человеком, нужны человеку и выражают человека — его чувства и мысли, его движения и поступки.

Давайте посмотрим, как это получается сперва на самых простых примерах.

«Смело, товарищи, в ногу!» — что это такое? Песня? Безусловно, песня! А может быть, марш? Безусловно, марш! Но это не просто песня и не просто марш, а ПЕСНЯ-МАРШ. Мы ее поем, как песню, и маршируем под нее, как под марш...

«Вы жертвою пали в борьбе роковой» — это тоже ПЕСНЯ-МАРШ, но уже не призывно-энергичная, а скорбно-суровая. Но опять-таки нам ее и петь иногда приходится и шагать под нее случается...

Давайте повнимательнее прислушаемся к песням-маршам, которые встречались нам в жизни. И начнем с музыки одного замечательного композитора, чьи многочисленные песни пользуются одинаковой любовью и у детей, и у взрослых, и у пионеров, и у комсомольцев, и у старых большевиков. Их любят люди самых различных профессий и самых различных музыкальных вкусов. Их любят и в нашей стране и во всем мире.

Я расскажу вам о своем знакомстве с одной его песней. Это было давно — в 1935 году. Я, тогда еще совсем юный композитор, поехал в «Артек» на празднование десятилетия со дня основания лагеря. У самого моря стояло пианино, вокруг которого собирались ребята, слушали музыку, сами пели, вели оживленные разговоры. В те дни я стал впервые беседовать с ребятами о музыке.

Пришел в «Артек» свежий номер «Пионерской правды». Смотрю, напечатана какая-то новая, еще неизвестная мне песня. Отличная песня, бодрая, веселая, увлекательная, но не очень простая: сначала одна мелодия, потом вторая, за ней третья... Трудно, думаю, будет ребятам «с лету» выучить такую песню. Но уж очень песня хороша.

На следующий день — очередная на-

ша встреча. Прочитал я ребятам стихи, на которые песня написана, сыграл песню целиком, потом по частям. С восторгом приняли ее ребята. Стали сразу же учить и довольно сносно запомнили. Но я, честно говоря, подумал, что на следующий день придется начать разучивать ее заново: забудут, мол, за ночь...

Утром следующего дня я проснулся не сам. Меня разбудили звонкие голоса, уверенно и бойко — так, что, вероятно, и на море и в горах было слышно,— певшие новую песню: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер! Веселый ветер! Веселый ветер!..»

Уверен, что среди вас нет никого, кто бы не знал и не любил эту песню, сочиненную Исааком Осиповичем Дунаевским на стихи поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача. Больше тридцати лет живет эта превосходнейшая песня! Сколько других песен для ребят появилось за эти годы, песен хороших, отличных, прекрасных, а «Песня о веселом ветре» из кинофильма «Дети капитана Гранта» продолжает жить, ничуть не стареет, остается все такой же молодой и задорной, все так же радует ребят, так же крепко дружит со многими поколениями советских людей. Вот какую ПЕСНЮ-МАРШ написал Дунаевский!

Ну, а теперь давайте вспоминать другие песни-марши Дунаевского. «Легко на сердце от песни веселой» — все вы, конечно, знаете и любите эту знаменитую песню «Марш веселых ребят», вошедшую в нашу жизнь тоже с киноэкрана. Киноэкран подарил нам и третью, получившую широчайшую популярность песню-марш Дунаевского — «Песня о Родине».

Многие сейчас, может быть, и не помнят, что песня эта впервые прозвучала в кинофильме «Цирк».

Я могу продолжить перечисление песен-маршей Дунаевского — «Марш юннатов», «Марш энтузиастов», «Физкультурный марш», «Весенний марш», «Спортивный марш», «Марш трактористов», «Марш краснофлотцев», «Марш артиллеристов», «Комсомольский марш», «Марш воюющих»... Если же слово «марш» отсутствует в названиях многих песен Дунаевского, то композитор часто в начале музыки ставит такое указание: «В темпе марша». Такое указание, кстати, сделал он и в «Песне о Родине».

Маршевые песни Дунаевского очень различны по музыке, по настроению, по всему своему характеру, но все же в них решительно преобладает одно свойство: все они насквозь пронизаны радостным отношением к жизни, любовью к человеку, все они мужественны, энергичны и вместе с тем озарены доброй, ласковой улыбкой.

По самым скромным подсчетам, Дунаевский сочинил около двухсот песен-



маршей. А как много было сочинено да и сегодня сочиняется разными композиторами песен по образцу и под влиянием маршевых песен Дунаевского!

Если Иоганна Штрауса называли «королем вальсов», то Исаак Дунаевский смело можно назвать «королем маршей»!

Чудо-танец

Среди многочисленных форм танцевально-песенной музыки есть одна, которой принадлежит исключительное, совершенно особое место. Я говорю о ПЕСНЕ-ВАЛЬСЕ. В самом деле: мы знаем, песни-пляски, песни-польки, песни-краковяки, песни-гопаки, знаем в наше время появившиеся песни-фокстроты, песни-блюзы и песни-твисты. Но ни один из танцев не породил такого бесчисленного числа песен, как вальс. Это действительно удивительный танец! Чудо-танец!

Вальс был рожден почти три века назад как народный танец на стыке трех стран — Германии, Австрии и Чехии. Танцевали его и в городах и в деревнях, танцевали всюду, где придется, в самой простой, незатейливой обстановке, где собирался и развлекался простой, не избалованный жизнью народ. Танцевали вальс под звуки малюсеньких народных оркестриков — четыре, три, а то и два музыканта. И вполне уютно чувствовала себя музыка вальса в таком скромном исполнении.

А потом, где-то уже в восемнадцатом веке, перебрался вальс и в самые богатые городские дома, проник в аристократические салоны, даже в королевские и императорские дворцы. Заиграли вальс музыканты в нарядных камзолах и напудренных париках, в шелковых чулках и ботинках с бантами. Появились специальные профессора — «балетмейстеры», и затанцевали вальс обученные этими профессорами богачи и чопорные аристократы. Один историк той поры не без юмора заметил, что вальс распространился по Европе, как эпидемия насморка!

Постепенно, продолжая танцевать вальс, люди стали прислушиваться к музыке этого танца, получившего поистине всеобщее распространение. Вальс обособился тогда и на концертной эстраде. Он зазвучал в большом оркестре и почувствовал себя в великолепном симфоническом звучании ничуть не хуже, чем в танцевальном зале на роскошном балу или на скромной крестьянской пирушке в селе.

И как-то незаметно случилось, что повсюду вальс стали не только танцевать и не только слушать музыку вальса, но и запели его. Вальсы для пения стали сочиняться и безвестными народными со-

Окончание. Начало и продолжение см. в №№ 8, 9, 12 за 1969 год и № 1 за 1970 год.

чинителями и самыми знаменитыми композиторами. Вальс немедленно перебрался и в оперу. Арии, написанные в ритме вальса, сразу же становились популярными, принимались любителями музыки как что-то свое, очень близкое, родное.

Песни-вальсы стали петь под гитару, под аккордеон, под баян. Зазвучали они в сопровождении эстрадных оркестров, а в наши дни и под джаз. Новые танцы появлялись и исчезали, а вальс оставался. Конечно, характер и самого вальса и вальсовых песен непрерывно менялся, в разных странах появлялись свои национальные приметы, но все равно он продолжал жить, живет сегодня и, надо думать, будет так же успешно жить и завтра и послезавтра...

Припомните неисчислимое количество советских песен-вальсов, начиная с «Первых ласточек» в этой области, таких, как очень давняя, в двадцатые годы родившаяся, но до сих пор свежо и романтично звучащая комсомольская революционная песня народного происхождения «Там вдали за рекой...».

Вспомните одну из первых предвоенных песен-вальсов — «Моя любимая» Блантера, ставшую необычайно популярной на фронтах Великой Отечественной войны, — вероятно, потому, что своей нежной лиричностью она напоминала бойцам об их родном доме, о близких, дорогих людях...

Вспомните увлекательные вальсы Дунаевского — «Школьный вальс», «Лунный вальс», его вальсы из многих кинофильмов и оперетт.

А сколько чудесных песен-вальсов было написано в годы Великой Отечественной войны! «В прифронтовом лесу» Блантера, «Заветный камень» Мокроусова, «Московский вальс» Хренникова, «В землянке» Листова, «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк» Соловьева-Седого, «Фонарики» Шостаковича... Да разве все перечислишь!

И сегодня, пожалуй, можно сказать, что вальс — одна из самых излюбленных песенных форм в советской музыке — от эстрадной лирической до детской песни.

Не так давно появился даже «Вальс о вальсе». Это увлекательная вальсообразная песня. Композитор Эдуард Колмановский и поэт Евгений Евтушенко специально для того и сочинили ее, чтобы подтвердить всеобщую любовь к вальсу...

...Пусть проходят года.
Все равно никогда
Не состарится вальс! —

поется в этой песне.

А теперь, наконец, об опере

Первые оперные представления (было это в Италии триста с лишним лет назад) поразили публику и критику своей необычностью. Да это и не удивительно — театральные актеры, к которым зрители давно уже привыкли, вдруг, вместо того чтобы разговаривать, запели! Было чему поразиться! Некоторые критики ста-

ли просто смеяться над новым искусством, издеваться над ним, доказывать, что это и не искусство вовсе, а сплошная нелепица.

«Можно ли нечто более смешное видеть, как дуэль, пением сопровождаемую!» — писал один из таких критиков. — «Люди к смерти готовятся, скорбят о страшном несчастье с приятной и спокойной арией».

И все-таки опера победила, распространилась по всему миру, среди всех народов, все больше и больше завоевывая симпатии многочисленных слушателей-зрителей.

Успех нового искусства отчасти объясняется, может быть, тем, что в нем объединились многие, разные, дотоле порознь существовавшие искусства: театр, музыка, пение, танец, живопись... Каждый мог найти в нем то, что любил, что доставляло ему радость и отвечало его духовным запросам.

И, уж конечно, в опере слились в одно целое наши «три кита». Так основательно слились, что один без другого и без третьего они, кажется, совсем оказались не в состоянии существовать.

Вспомним оперу, о которой уже у нас шла речь, — «Кармен» Бизе. Я уже говорил, что знаменитая увертюра к этой опере построена на двух великолепных, блестящих маршах. Теперь могу сказать больше: вся опера «Кармен», за исключением, пожалуй, лишь нескольких страниц, построена на песнях, маршах и танцах испанского происхождения, на всевозможных их столкновениях и сочетаниях.

Вот в самом конце увертюры, как только в последний раз отзвучала ее главная маршевая мелодия, после короткой, настораживающей паузы вдруг врывается совсем новая мелодия — короткая, но очень страстная и полная трагической напряженности. Мелодия эта будет на протяжении всей оперы развиваться вместе с развитием трагической судьбы героини оперы — работницы табачной фабрики Кармен.

Что же это за мелодия? Она как будто не похожа на песню, тем более не похожа ни на танец, ни на марш. И все-таки это песня! Вернее, такой мелодический напев, который нетрудно встретить в цыганских песнях. Ведь Кармен — цыганка! А из двух популярнейших испанских танцев — сегидильи и хабанеры — Бизе создал две центральные арии своей героини. Третья ее ария, полная предчувствия скорого конца, выросла из короткой мелодии-песни, завершавшей увертюру.

Перечислять все песни, марши и танцы, которые звучат в «Кармен», это значит перечислять почти все музыкальные номера оперы. Сейчас я, конечно, делать этого не собираюсь. Но вот когда вам доведется в театре или по радио слушать эту замечательную оперу, обратите внимание на то, как вся она пронизана песенными, танцевальными и маршевыми ритмами и мелодиями. Не только гениальным даром, но и великолепным мастерством надо было обладать, чтобы опера при этом оказалась произведением в высшей степени цельным, непрерывно и напряженно развивающимся, а не просто «венком» песен, танцев и маршей, как это иногда бывало и до Бизе и после него в операх менее талантливых композиторов.

В операх, в которых нет ни одной песни, ни одного танца и ни одного марша (это хоть и чрезвычайно редко, но все

же бывает), мы все равно встретимся с «песенностью», с «танцевальностью» и с «маршевой». Без этого мы не найдем ни одной оперы. И это понятно: если песенность лучше всего передает чувства задушевные, лирические, поэтические, то танцевальность помогает передать легкость характера, подвижность, игривость, а маршевость служит прежде всего для передачи мужественности, решительности, силы духа, героизма.

Вот, например, почему в опере Бородин «Князь Игорь» знаменитый «Плач Ярославны» — горестная ария княгини, тоскующей по ушедшему в поход князю, звучит как песня; героическая ария пленного полководца князя «О, дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить!» звучит почти как марш (в той части, где князь вспоминает о Ярославне — марш это переходит в песню), а удаляя ария Владимира Галицкого — ему все нипочем, ему море по колено, лишь бы поразвлечься, покутить, — написана Бородинным совсем как пляска.

Теперь, я думаю, настал момент, когда мы с вами должны задать себе вопрос: откуда же возникает в музыке то, что на слух никак не похоже ни на песню, ни на танец, ни на марш, то, в чем мы не ощущаем ни песенности, ни танцевальности, ни маршевости?

Что лежит в основе такой музыки? Каким образом связана она с нашими «тремя китами»? Нет ли еще чего-нибудь такого важного, без чего этих «китов» было бы недостаточно, чтобы музыка могла существовать, развиваться, рождать самые различные, богатые и сложные формы?!

Ответить на эти вопросы обязательно надо, потому что, какую бы большую роль в музыке ни играли песня, танец и марш (а мы убедились в том, что роль эта поистине огромна!), ими музыка еще не ограничивается.

Это точно так же, как всякий дом держится на фундаменте, но ведь не только из фундамента дом состоит! Фундамент, можно сказать, связывает дом с землей, с почвой, на которой он держится. Так же и наши «три кита» — самые массовые, самые широко распространенные формы музыки — песня, танец и марш — связывают все богато развитое здание музыки с огромными массами людей, с народной почвой. Но не только из них состоит это прекрасное здание.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Так кончается первая часть книги Дм. Кабалевского «Про трех китов и про многое другое», которую скоро выпустит в свет издательство «Детская литература».

Возможности журнала позволили нам напечатать лишь некоторые, иногда сильно сокращенные отрывки из отдельных глав этой книги. Однако распространение интереса к искусству, знаний об искусстве представляется нам сегодня задачей столь важной, что мы решили пойти на такое выборочное ознакомление читателей с книгой, даже жертвуя иной раз цельностью и полнотой изложения.

Вторая часть книги Дм. Кабалевского содержит рассказы о том, «Может ли музыка что-нибудь изображать?», «Могут ли музыка и литература жить друг без друга?», «О музыке «легкой» и о музыке «серьезной» и о многом другом, что по замыслу автора должно помочь читателям (не только юным, но и взрослым) лучше узнать музыку, сильнее полюбить ее, глубже понять ту большую роль, какую она играет в нашей жизни.

**страница
отсутствует**

**страница
отсутствует**

ГОТОВЯТ МУЖЧИНЫ

Многие мужчины умеют готовить. Не зря именно они считаются лучшими поварами и кондитерами. Но даже те, кого

никак не назовешь специалистами в области кулинарии, вряд ли откажутся в день 8 Марта сделать приятный сюрприз жене и приготовить праздничный ужин. Какой именно — советует главный кулинар Москвы С. И. ПРОТОПОПОВ.

На 1 кг баранины: 1 кг картофеля, по 200 г моркови, репы и репчатого лука, ¼ стакана томата, ½ стакана сметаны, два корешка петрушки, 1 столовую ложку муки, соль, перец.

Закуски

САЛАТЫ ИЗ СЫРЫХ ОВОЩЕЙ

Нашинкуйте белокочанную капусту, немного посолите, слегка протерев руками, уложите в кастрюлю и оставьте в холодном месте на час-два. Перед тем как подать к столу, добавьте мелко нарезанные яблоки, сбрызните соком лимона (или уксусом), заправьте сметаной.

На средний кочан капусты: 2—3 яблока, стакан сметаны, 2 столовые ложки сахара, 1 лимон, соль по вкусу.

В салат можно добавить и 2—3 натертые на крупной терке морковки.



Впрочем, из **МОРКОВИ** можно приготовить и особый салат. Натерев морковь на терке, перемешайте со сметаной и добавьте сахар, лимонный сок.

Из сырой **СВЕКЛЫ** тоже получается аппетитный салат. Натрите ее, добавьте тертую морковь, немного измельченного чеснока и грецкого ореха, посолите, перемешайте и заправьте майонезом.

Хотите сделать свекольный салат понежнее? Тогда свеклу сварите, замените морковь яблоками, исключите чеснок — все остальное делайте так же.

Оригинальный салат получается из **РЕДЬКИ**. Очистите ее, положите минут на 15—20 в холодную воду. Затем натрите мелкой стружкой и, посолите, заправьте сметаной с майонезом (поровну). Можно заправить редьку растительным маслом с

сырым или жареным луком и шварками.

Готовят редьку и с яблоками, но заправлять тогда лучше одной сметаной, добавив немного сахара.

ГРИБНАЯ ИКРА

Сушеные грибы хорошо промойте, замочите на час-два, затем сварите, мелко изрубите или пропустите через мясорубку. Отдельно поджарьте на растительном масле лук, перемешайте с грибами, добавьте немного грибного бульона и тушите на слабом огне минут двадцать. Затем заправьте по вкусу уксусом, перцем, солью, толченым чесноком. При подаче на стол посыпьте мелко нарезанным зеленым луком — вкусно и красиво.

СЕЛЬДЬ ПОД ГРИБНЫМ СОУСОМ

Грибы готовятся так же, как для икры. Но после того, как пропустите их через мясорубку, обжарьте на растительном масле вместе с репчатым луком, влейте разбавленный грибным бульоном томат и кипятите (минут 5—7), добавив по вкусу соль и сахар. Теперь очистите и порежьте кусочками сельдь, залейте грибным соусом.

На две сельдешки: 2—3 сушеных гриба, головка лука, чайная ложка томата-пасты, полстакана грибного бульона.



БУТЕРБРОДЫ

Хлеб берите не очень мягкий. Нарезав его тонкими ломтиками, обжарьте слегка (не засушив!) на сливочном масле, остудите и намажьте маслом. Уложив на масло закуску и украсив ее дольками крутых яиц, овощами, майонезом, поставьте бутерброды на несколько минут в холодильник.

На белый хлеб кладут сыр, колбасу, ветчину, мясо, рыбу, яйца. На черный — селедку, кильку, шпиг.



Горячее

РАГУ ИЗ БАРАНИНЫ

Мясо (вместе с реберными косточками) нарубите небольшими кусочками (по 2—3 на порцию), посолите, поперчите, обжарьте на раскаленной сковороде и переложите в кастрюлю. В сковороду, где жарилось мясо, влейте немного воды, прокипятите 2—3 минуты и также вылейте в кастрюлю, добавьте томат, закройте крышкой и поставьте тушиться на слабый огонь минут на 30—40. За это время почистите и обжарьте в жиру картофель, морковь, репу, петрушку, репчатый лук и тоже переложите в кастрюлю. Добавьте по вкусу соль, лавровый лист, несколько горошин черного перца, сметану, смешанную с поджаренной или подсушенной мукой. Накройте кастрюлю крышкой и тушите рагу еще полчаса.



ЯИЧНИЦА ПО-ДОМАШНЕМУ

Обжарьте лук, затем на ту же сковородку положите нарезанные ломтиками колбасу, вареное мясо, шпиг — что найдется дома, — заранее пожаренный (можно и вареный) картофель. Когда все это обжарится, залейте яйцами, посолите. Постарайтесь, чтобы не подгорело! Подавая на стол, посыпьте мелко нарезанным луком.

Еще проще и легче приготовить **ОМЛЕТ В СТАКАНЕ**. Выпустите в миску два яйца, размешайте, влейте полтора стакана молока, посолите и взбейте вилкой или венчиком, разлейте в две чайные чашки или стаканы, положите по кусочку масла, поставьте в кастрюлю с холодной водой (чтобы вода доходила до середины стаканов) и кипятите, пока омлет не загустеет.

Десерт

Даже неопытный кулинар вполне справится с приготовлением **ДОМАШНЕГО ПИРОГА**.

Смешайте в миске стакан сахарного песка, столовую ложку сливочного масла, два яйца. Разотрите все добела. Добавьте стакан сметаны (размешайте в ней неполную чайную ложку питьевой соды), затем чайную ложку смородинового (или любого другого) варенья, четверть стакана рубленых орехов, перемешайте, добавьте стакан пшеничной муки, хорошо вымесите, выложите на сковороду, на промасленный лист пергамента, разровняйте и выпекайте в горячей духовке в течение 30—35 минут.

НОВИНКИ

ХЛЕБНИЦА

Блестящая продолговатая металлическая коробка — надежная «упаковка», в которой хлеб долго не черствеет. Удобна хлебница еще и тем, что на верхней крышке есть специальное приспособление, чтобы резать булочки ровными ломтиками. Выпускает хлебницу Ступинский металлургический комбинат. Стоит она 4 рубля 50 копеек.



СТУЛ В СУМОЧКЕ

Складной, легкий, он удобен для мам, выезжающих с детской коля-

ской в парк, для рыболовов — любителей зимнего лова, для отдыха. Металлические трубки-ножки убираются, складываясь, в хлорвиниловую

круглую сумочку-сиденье. Производят этот стульчик в Воронеже, стоит он 10 рублей.

ТАРЕЛКА-ТЕРМОС

Многие малыши едят медленно — и суп и каша успевают остыть, пока в тарелке покажется дно. В тарелочках-термосах, производство кото-



рых начал Конаковский фаянсовый завод имени Калинина, еда долго остается горячей. Цена такой тарелочки — около полутора рублей.



БЫСТРО И ЧИСТО!

Все знают, какая это неприятная работа — мыть окна. Значительно об-

легчит ее «Блик» — препарат красногорского химзавода «Бытовая химия». Сбрызнув «Бликом» влажное стекло, протрите его чистой сухой тряпочкой — и окно заблестит.

Другая новинка этого завода — синтетическая стиральная паста «Триалон». Это специальное средство для стирки очень загрязненных вещей — спецодежды, например. «Триалон» стирает в любой воде (даже морской!) любые ткани. Продается он в пластмассовых баллончиках — один рубль за килограмм.

А. ЧЕРНЫШЕВА

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.

Современность и традиции



Зарубежная мода

Ежемесячный бюллетень «Торговля за рубежом» рассказывает своим читателям не только об организации и методах торгового дела во всем мире. Часто на его страницах появляется информация о новых товарах, и, конечно же, моды. С некоторыми новыми моделями журнал знакомит сегодня читательниц «Работницы».



В декабре в залах Московского отделения Союза художников была открыта выставка работ девяти художников прикладного искусства. В двух небольших залах разместились ткани и фарфор, стекло и ювелирные украшения, керамика и одежда. Одна из участниц выставки — художник-модельер Нина Голикова, чье имя, без сомнения, известно читательницам «Работницы».

На выставке художница показала несколько моделей с веселыми названиями, определяющими их стиль: платье «Сударыня» из набивных ситцевых платков, «Нарусель» — блузка из пестрого ситца и подбитая тем же ситцем малиновая юбка; «Ярмарка» — зеленая гладкая косоворотка и шерстяная юбка с ярким орнаментом-аппликацией... Все просто, но обладает неповторимым вкусом, который и делает одежду произведением искусства.

Почти во всех моделях Голиковой, представленных на выставке (некоторые вы можете увидеть на нашей обложке), ощущаются традиции русского народного искусства. Как удастся сочетать их с требованиями современной моды?

Об этом мы и попросили рассказать НИНУ АНАТОЛЬЕВНУ ГОЛИКОВУ.

— В основе своей мода международна, — говорит художница. — И француженки, и поляки, и русские носят в общем-то одежду одного силуэта, длины, отдают предпочтение одним и тем же модным деталям. Но стиль одежды, дух ее непременно должен соответствовать национальному характеру и условиям жизни.

Поэтому первейшая обязанность художников-модельеров — творчески переосмыслить предложения современной моды, отобрать из них лишь то, что нам подходит, что нам не чуждо.

У всех в памяти недавнее повальное увлечение мини-юбками, даже мини-шубками, завезенными из Англии. Разве подходит эта мода к нашим морозам? Тем не менее отнестись к ней критически, а главное — противопоставить что-то другое, тоже новое, мы не сумели. Даже сапожки, косоворотки, сарафаны стали носить лишь после того, как они вошли в моду в Париже. Согласитесь, что это обидно.

Не всякий народ обладает такими высокими художественными традициями, как наш. Не так уж обязательно экспортировать моду из-за границы. Лучше поискать красоту у себя дома, в музее.

Что может быть удобнее, практичнее, теплее, чем русские валенки — уютные и дешевые? Но не носят их наши женщины, потому что валенки серые, скучные, старушечьи. А если сделать яркие, расписные, современной формы? И у парижанок глаза бы разбежались. Кстати говоря, техника окраски войлока давно известна и не представляет больших трудностей.

Или традиционные красочные полушалки с тяжелыми кистями — нарядные, женственные, придающие особую прелесть круглому, раздумывавшемуся на морозе женскому лицу. Как украсит такой платок самое скромное пальто! Кстати, за рубежом русские полушалки стали входить в моду, как бы нам снова не опоздать.

В условиях современного массового производства одежда наша становится все более стандартной. Это совсем не плохо. Мы стремимся к тому, чтобы в любом магазине можно было без хлопот купить готовое платье, пальто, юбку. Но при этом возрастает роль деталей в нашем костюме — пусть маленьких, но индивидуальных. Это может быть цветастый полушалок, вышитые варежки, пояс, необычные пуговицы... Именно в подборе деталей сказывается вкус человека, его умение одеваться. Я убеждена, что народное искусство — неиссякаемый источник таких находок, крошечных открытий, вносящих в нашу повседневность частицу красоты.

Т. МИХАЙЛОВА

Адрес редакции:

МОСКВА, А-15, ГСП,
БУМАЖНЫЙ пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-12-30; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора).

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сдано в набор 30/XII-69 г. — 24/1-70 г.
А 00016. Подписано в печ. 28/1-1970 г.
Формат бумаги 60×92/8.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 11 370 000 экз.
(1-й завод: 1—10 860 000 экз.).
Изд. № 283. Заказ № 134.

На первой странице обложки: Женщины
мира. Фотоплакат.

На четвертой странице обложки: Работы
художника-модельера Н. Голиковой.

К этому номеру дается бесплатное при-
ложение: мотивы вышивок для платья, вя-
зание, выкройка фартука для мужчин и со-
вет, как шить тапочки.

ПЕРСОЛЬ

В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ ОТКРЫВАЕТСЯ
НОВЫЙ ОТДЕЛ — «ПЕРСОЛЬ».

«ПЕРСОЛЬ» — УНИВЕРСАЛЬНОЕ БЫСТРОДЕЙСТВУЮЩЕЕ СРЕДСТВО. ОН СОДЕРЖИТ В СВОЕМ СОСТАВЕ ВЫСОКОАКТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ НАЧИСТИТЬ ДО БЛЕСКА ЗАРВАВШЕГОСЯ БЮРОКРАТА, ВОЛОКИТЧИКА, СНЯТЬ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ПЯТНА ТИПА ХАМСТВА И ПЬЯНСТВА, А ТАКЖЕ ПРОКИПАТИТЬ КАК СЛЕДУЕТ БРАКОДЕЛОВ И РАЗГИЛЬДЕЯВ. ПРИЕМ МАТЕРИАЛОВ В ЧИСТКУ И СТИРКУ ПРОИЗВОДИТСЯ КРУГЛОСУТОЧНО.

Культуру убрали

Три года назад при открытии нового трехэтажного здания Черкесской типографии играл оркестр. Пионеры в белых рубашечках говорили приветствие в стихах. Сияли окна. Над комнатой приема пищи и раздевалкой висел лозунг: «КУЛЬТУРУ — В ПРОИЗВОДСТВО И В БЫТ!» Все сверкало чистотой, весело и уютно шипел душ.

Прошел год. Раздевалку заняли под склад бумаги, душевую — под перевалочную базу. Бумага громоздилась до потолка и закрывала часть лозунга. Осталось: «КУЛЬТУРУ — В ПРОИЗВОДСТВО...»

Прошел еще год. Как-то в комнату для приема пищи принесли машины и больше их оттуда не уносили. Питаться рабочие стали в цехе, прожевывая вместе с домашними котлетами бумажную лапшу. Бумага в коридоре раздалась вширь, закрыв еще часть лозунга.

Осталось: «КУЛЬТУРУ...» Шел как-то директор типографии по этому коридору, пробираясь между рулонами. Увидел, написано: «КУЛЬ...»

Вызвал директор кого следует и спрашивает:

— Что за «Куль»?
— Это не куль. Культура. Просто не видно.
— Убрать.
И культуру убрали.

нормировщица тов. Федосеева и, применив силовой прием, забила тов. Абросимову такую шайбу: «Платить надбавку не буду, потому что у тебя нет возврата материала в поправку».

Абросимов сперва даже не понял, что от него хотят, и продолжал работать без брака.

Прошло четыре месяца, и четыре раза ему пришлось, так сказать, начинать с центра поля. Надбавку за качество четыре раза срезали. Федосеева явно брала верх, публика же — завком, отдел труда и администрация, — хотя и болела за Абросимова, но голоса не подавала. В мае тов. Абросимов для пробы умышленно допустил некоторый брак, сдал его в поправку — и тут же получил надбавку за высокое качество.

Игра продолжается. В хоккее существует правило: удалять нарушителей. В нашем случае налицо явное нарушение принципов материального стимулирования. Интересно, последует ли удаление?



— Я не пущу!
— А я отпущу!

Угадай - ка!



КТО ПРАВ,

КТО ВИНОВАТ?

Научный сотрудник музея г. Клинцы Л. Трусова жаловалась на неправильное поведение директора музея В. Моргунова. Проверив жалобу, председатель Брянского обкома профсоюза работников культуры Л. Школьников прислал нам ответ:

«В основном факты неправильного отношения к Трусовой со стороны директора подтвердились. Вместе с тем следует отметить, что взыскание на Трусову наложено правильно. Директору указано на неправильное поведение».

Попробуйте угадать: почему взыскание на Трусову наложено правильно, если директор относился к ней неправильно и ему на это указано?

— Почему ж, — спросил он строго, — в бога верить стала ты?
— Что вы! Я не верю в бога!

— Ну, а крест?!
— Для красоты...
— Да?
— А разве вы не знали? Это ж модно. И давно! Я была на фестивале Зарубежного кино. Мне автограф дали лично Сразу три кинозвезды. И у всех начес отличный, И цепочки, и кресты...

«О, была тревога ложной!» Пот смахнул комсорг со лба: Перед ним раба не божья — Моды жалкая раба!

„Божья раба“

Странный случай!
Комсомолка Из конторы «Сантехстрой» Превратилась в богомолку: Носит крестик золотой! «Наломать дрова здесь просто:

Ситуация редка!» И комсорг решил вопросы Задавать издалика:
— Мама верит?
— Нет, нисколько...
— Может, бабка?
Или дед?
Или прадед?.. Комсомолка Головой качала:
— Нет!



— Стоило ему только раз сходить с детьми в цирк, и сразу в доме стал полный порядок!



Спортивная хроника

Игра без правил

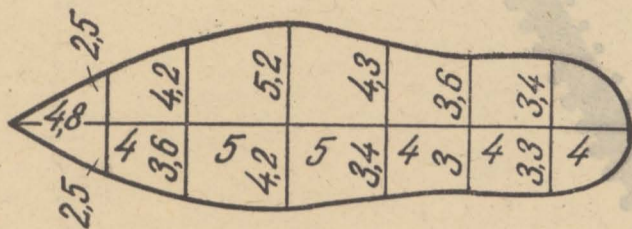
Жил-был в рабочем поселке Ваца, Горьковской области, Абросимов Н. Н. Работал он шлифовальщиком на заводе «Труд» во втором цехе.

Абросимов был политически грамотен, радио слушал, лозунги на стенах завода читал аккуратно, и поэтому, уловив дух времени, он решил бороться за качество. Этим сейчас занимаются все.

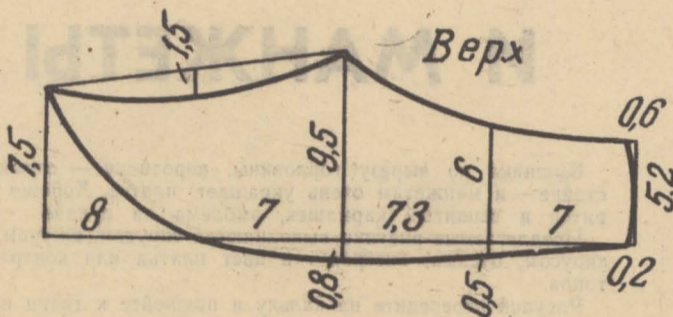
И так у него хорошо стала получаться борьба, что скоро совсем брака не стало, все принималось с первого предъявления. За это тов. Абросимов получал, кроме зарплаты, 10 процентов законной надбавки.

Так продолжалось до тех пор, пока, выражаясь языком спортивных комментаторов, на лед не вышла

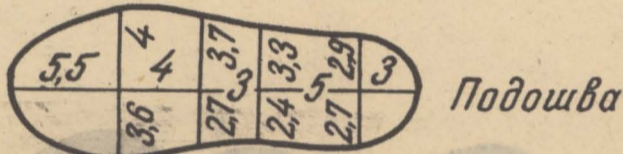
Факты, сообщенные нам читательницами, для этого номера «оперсолили»: Михаил Вадимов, Устин Малапагин, Валентин Преображенский, Анатолий Цветков, Евгений Шабельник.



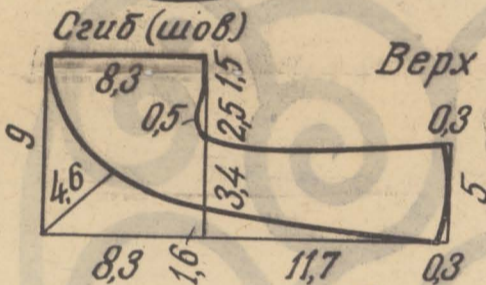
Подощва



Верх



Подощва



Сгиб (шов)

Верх



Рис. 1



Рис. 2



Рис. 3



КОМНАТНЫЕ ТАПОЧКИ

«Научите, как шить легкие домашние тапочки из старой фетровой шляпы или остатков плотной материи.

Е. Черная, г. Одесса».

Мягкие комнатные тапочки лучше сделать с небольшим наблучком. Подметка кроится из старого валенка, а если его нет, — из плотной ткани (или фетра) в два слоя, с ватином в середине. Подметку прострочите на машинке, затем прикрепите к ней простроченный таким же образом каблучок (рис. 1) — сделать это придется, видимо, вручную. А если подметка и каблук очень толсты, понадобится и шило.

Верх тапок можно кроить из любой ткани: пальтовой, байковой (как халат), даже нарядной парчовой, но в этом случае лучше посадить ткань на подкладку и вдеть в верхний край резинку (рис. 2).

Верх тапок прострочите и подметку на машинке или пришейте его вручную отделочными стежками, либо обвязывая крючком. Швы верха строчите на лицевую сторону и закройте косой бейкой (рис. 3). На детских тапочках верх и подметку пришивайте обязательно швом наружу, чтобы не давило ножку, затем окантуйте.

Выкройки тапок — 37-го и 28-го размеров — даем без припусков на швы.

Почта приносит образные «заказы» ния. Труднее все ния относительно творчески. Пото в этом году для у специальных кон выкройку на себ ту или иную лини

Сегодня конст сказывает о пос модели (жакета, вом. Чертежи и 48-й размер, но, з ки на индивиду стронть выкройку, шую ли, меньшу

Первое, что нуж ки (будьте при эт Записываются ме рении:

окружность ш окружность гр мерке, кстат, опр окружность бе ность запястья — 6 длина спины д длина издели длина плеча — д длина рукава

Глубина вытачки для 48-го — 4 см, 5 6 см.

При ажурной, р вешах небольшого обойтись и без вы нить боковую лини а затем этот изли когда будете шив

Итак, возьмите (лучше миллиметр ки спинки (черт

Наметьте в верх от нее вправо от

От + 3 см = 48 см няя линия (3 см — легание). По ве

Д — 58 см — это л достройте прямоуг и 58 см. На лини

ки А вниз отмерьт 5 см = 21 см (расо до линии груди), п середины переда.

От точки А в горловины: Ош : 3 от полученной точк и новую точку соед точкой А (горловин ну плеча + 1 см

ШАПКИ С УШКАМИ



Каждая вяжется из толстой (или сложенной в несколько ниток) шерсти, крючком № 5.

Первая. Понадобится 120 г шерсти и немного кожи или той же ткани, из которой сшито ваше пальто. Вязка — «мушками».

Для образца свяжите цепочку из 20 петель. На ней: 1-й ряд: накид, на 3-й петле цепочки — длинную петлю, накид, на 4-й и 5-й петлях цепочки опять по одной длинной петле и накиду — на крючке стало 7 петель. Сначала провяжите 6 петель вместе, затем 2 петли, затем 1 столбик без накида за нижнюю нитку последней длинной петли. Для провязывания следующей «мушки» первую длинную петлю вытяните из точки прокола последней петли предыдущей «мушки», вторую — из следующей петли цепочки и 3-ю — из второй петли цепочки и т. д.

2-й ряд: столбики без накида.

1-й и 2-й ряды повторяются.

Шапочку начинайте вязать сверху. Свяжите 7 петель цепочки, замкните в круг и свяжите 15 столбиков без накида. Во втором ряду после каждой «мушки» добавляйте по 1 воздушной петле, тогда в 3-м ряду получите 29 столбиков без накида; в 4-м — также после каждой «мушки» провязывайте 1 воздушную петлю, в 6-м — после каждой второй «мушки», в 8-м — после

каждой третьей «мушки», в 10-м прибавлять не надо, в 12-м — после каждой четвертой «мушки» (в работе 71 столбик без накида). Чтобы получить ушки, оставьте впереди 24 петли и провяжите 3 см, сокращая в начале и в конце каждого ряда по 2—3 петли. Затем закройте на затылке 8 петель и продолжайте довязывать каждое ушко отдельно, сокращая петли с двух сторон, пока не останется всего три. Когда шапочка будет готова, пришейте ободок из кожи или материала пальто — выкройку ободка мы даем, — прорежьте две петли и пришейте пуговицы, обтянутые материалом ободка. Можно ободок и связать — столбиками без накида.

Вторая. На нее понадобится 140 г шерсти. Вязка — скрещенные столбики.

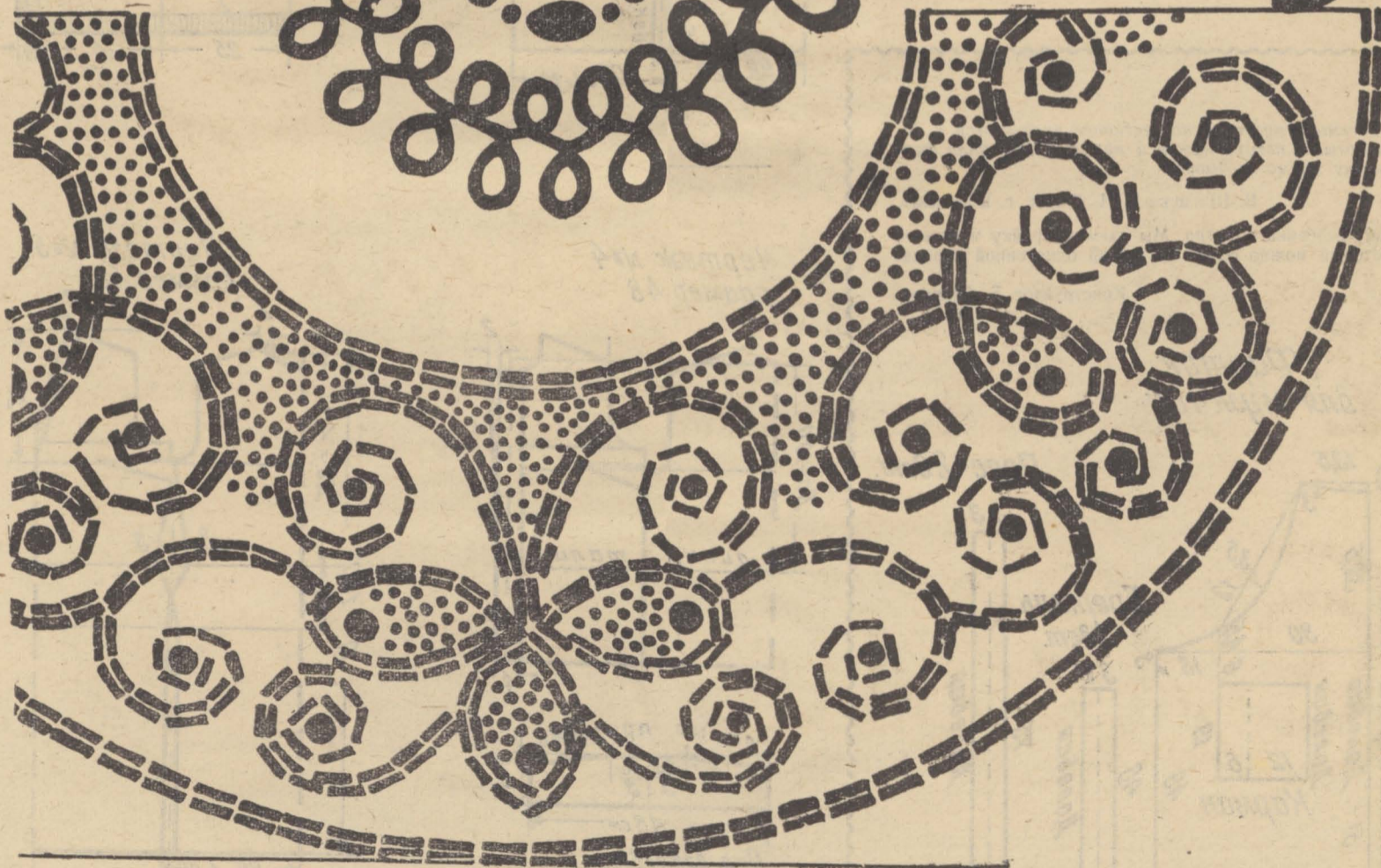
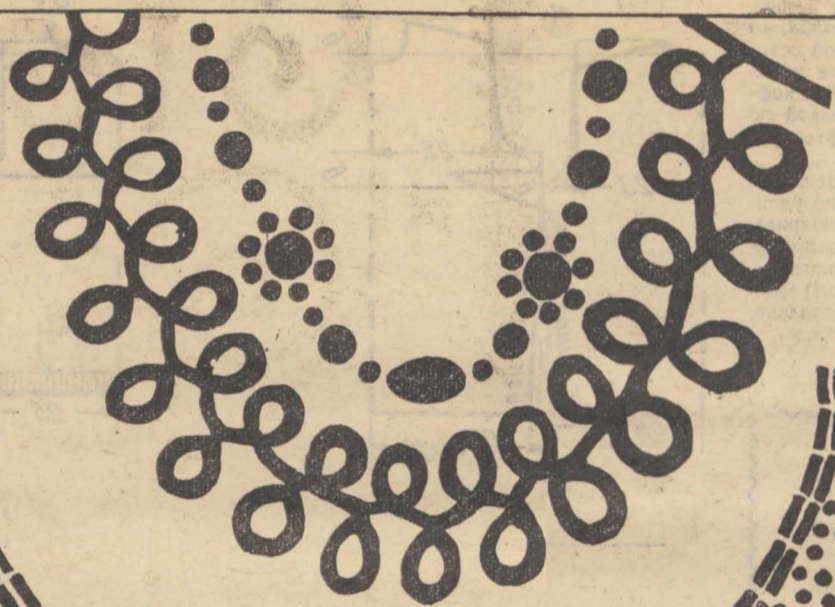
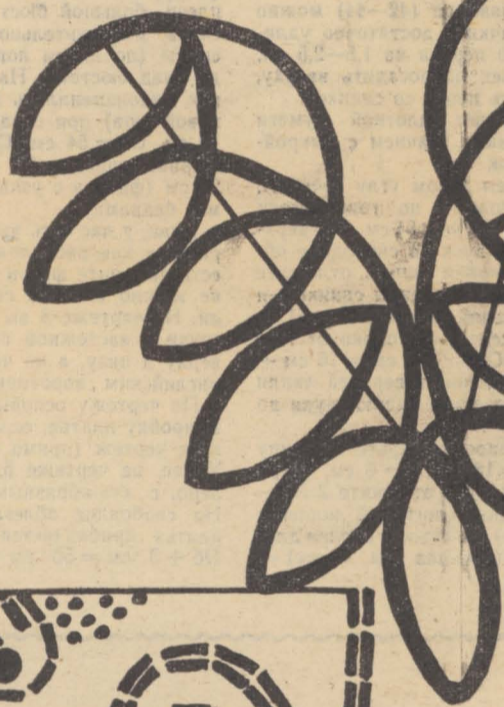
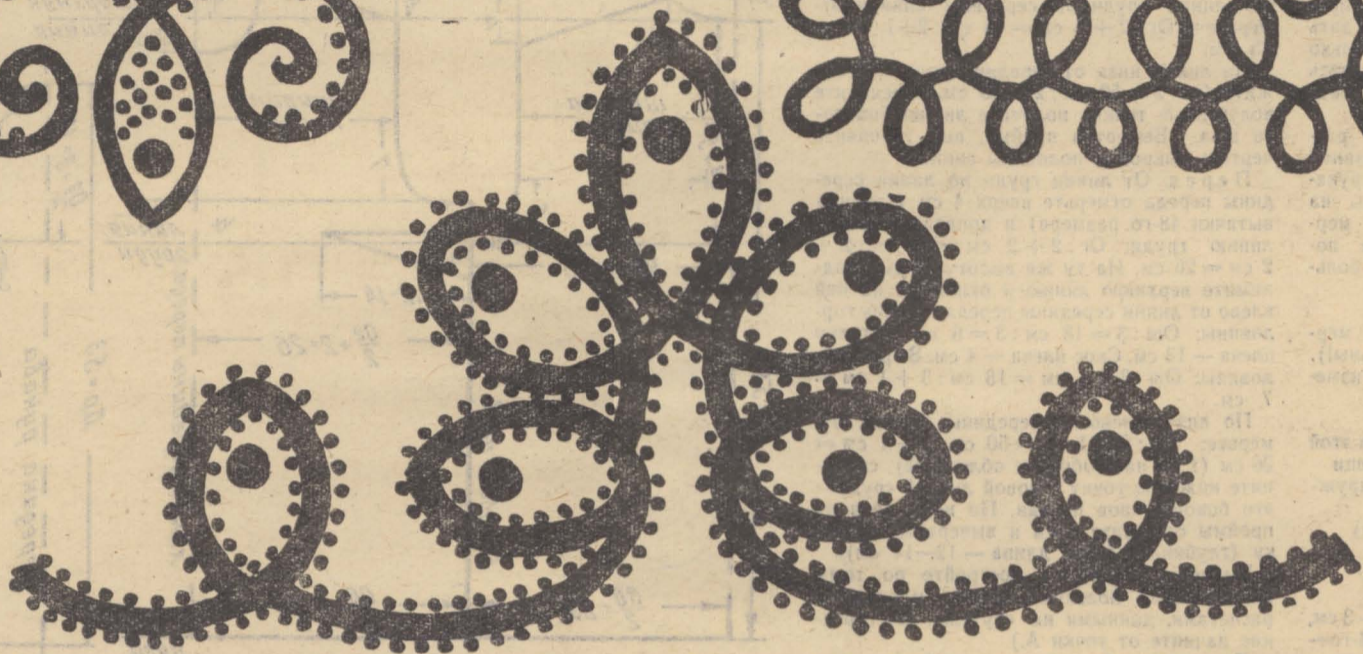
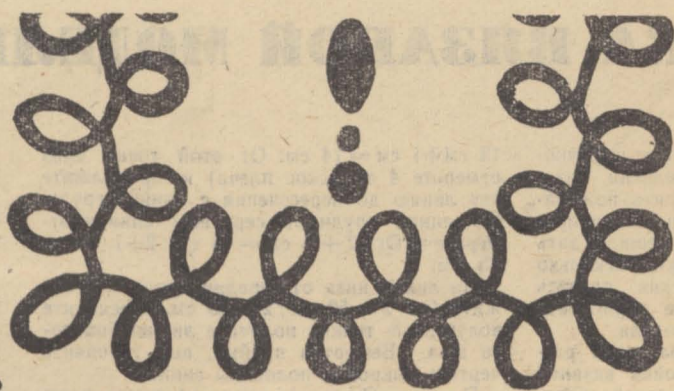
1-й ряд: столбики без накида.

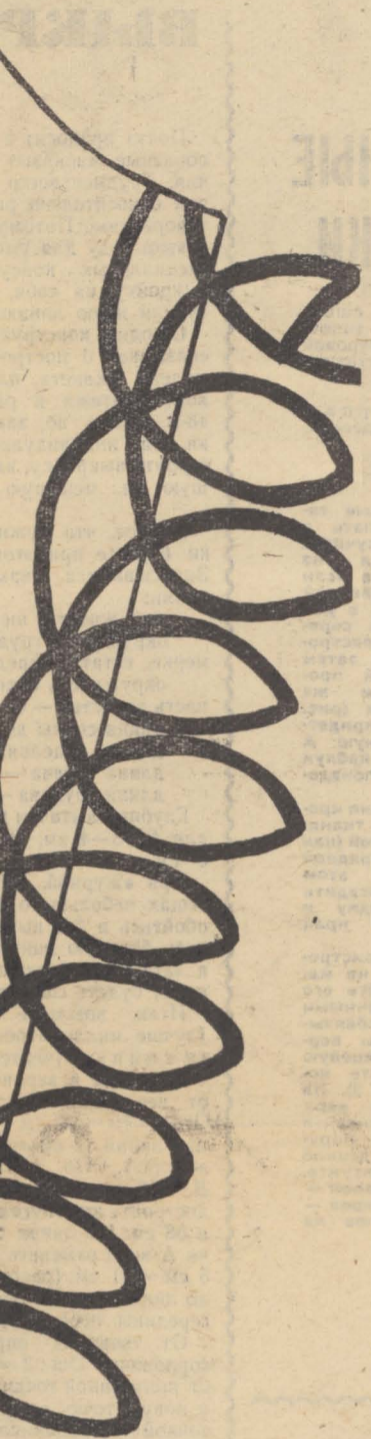
2-й ряд: 2 воздушные петли, из второй петли вытяните длинную петлю, затем из пропущенной первой петли так же вытяните длинную петлю — на крючке три петли, провяжите их вместе. Далее 1-ю петлю вытяните из следующей петли, 2-ю петлю вытяните из точки прокола предыдущей 1-й петли и все три петли провяжите вместе и т. д. (скрещенные столбики без накида).

Шапку начните вязать с ушек. Наберите 8 воздушных петель и вяжите по образцу 3 см, прибавляя (к затылку) в каждом ряду по 3 петли и к переду — через 2 ряда по 1 петле. Второе ушко вяжется так же. Затем провяжите цепочку из 14 петель, соедините к ней ушки (в работе 42 петли). Связав 4—5 см — затылок шапки, — снова провяжите цепочку из 21 петли — перед шапки. Вяжите 2 см (в работе 63 петли) и начинайте спуск. Для этого 3 раза в каждом третьем ряду, 2 раза в каждом 2-м ряду и затем 2 раза подряд сокращайте по одной петле в семи равномерно распределенных местах, то есть вытяните 1-ю длинную петлю из второй следующей петли, вторую петлю — из точки прокола 1-й предыдущей петли. Оставшиеся петли соберите на нитку. Готовую шапку обвяжите двумя рядами столбиков без накида.

Выполн домашн тобумаж







НА ВОРОТНИК И МАНЖЕТЫ

Вышивка по вырезу горловины, воротнику — отложному, стойке — и манжетам очень украшает платье. Хорошо смотрится и вышитый кармашек, эмблема на рукаве.
Предлагаемые рисунки выполняются гарусом, шнуром, стеклярусом, бусами, бисером — в цвет платья или контрастных тонов.
Рисунок переведите на кальку и пришейте к ткани или готовому воротнику (манжетам, карману) швом вперед иголку. Кальку осторожно снимите и вышивайте по проложенному контуру.

Е. ПЕТРОВА





Шубки «Метелица»

Молодежные брюки и жилеты.

«Сударыня» — платье из ситцевых (черных в белую крапинку) платков, рукава отделаны аппликациями из набивного сатина.

«Карусель» — ситцевая набивная блузка и гладкокрашенная клешевая юбка, подбитая тканью блузки.

«Ярмарка» — яркая с черными пуговицами косоворотка и черная с яркими же аппликациями юбка (рисунки аппликаций даются в приложении к следующему номеру). Пояс — жгут из кожи или толстый шнур.